

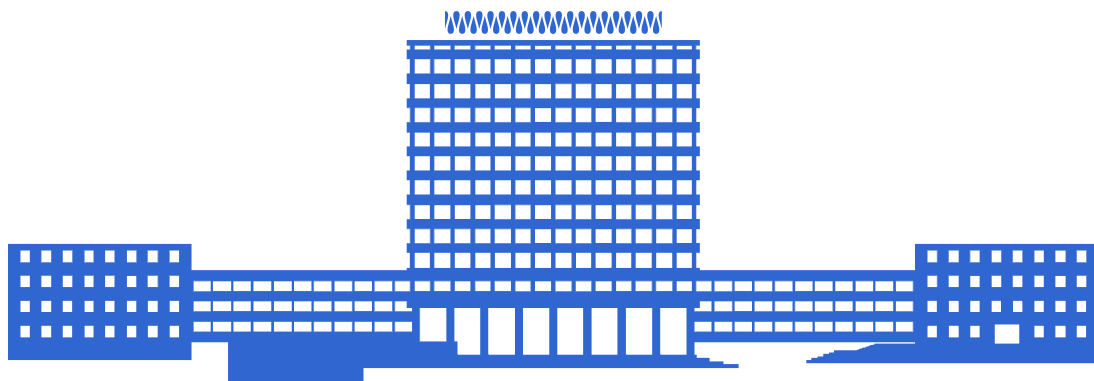
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ



**STUDIA  
GERMANICA, ROMANICA  
ET COMPARATISTICA**

**Том 16 Выпуск 3 (49) 2020**



**ДОНЕЦК**

*Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред.  
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 3 (49). – 154 с.

*Печатается по решению Учёного совета  
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»  
Протокол № 9 от 27 ноября 2020 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

*Адрес редколлегии:* 283001 Донецк, ул. Университетская, 24  
*тел.:* +38 062 302 09 22

**ISSN 2415-8720**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ  
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»  
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

# ***STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA***

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

**Выходит четыре раза в год**

**Том 16 Выпуск 3 (49) 2020**

## **Редакционная коллегия**

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);  
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);  
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);  
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;  
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;  
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;  
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;  
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;  
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

**Донецк ДонНУ 2020**

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL  
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

**FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA  
ET COMPARATISTICA***

**LINGUISTIC JOURNAL**

**Published 4 times a year**

**Volume 16 Issue 3 (49) 2020**

**Editorial Board**

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

**Donetsk DonNU 2020**

# СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 16, Вып. 3 (49), 2020

## Германские языки

<i>Бакина А. Д.</i> Функционирование фразеологических единиц библейской этимологии в медийном дискурсе.....	5
<i>Воркачев С. Г., Воркачева Е. А.</i> Патриотический дискурс: гимнодия республик бывшего СССР и стран содружества наций.....	15
<i>Голодов А. Г.</i> Возникновение и применение ярлыка «Putin-Versteher» (на материале немецкой массовой прессы).....	26
<i>Подгайская И. М., Герба В. В.</i> Особенности функционирования экспрессивных синтаксических конструкций в текстах художественного и научного стилей.....	35
<i>Фатьянова И. В.</i> Вербальные средства реализации агрессии в американском политическом дискурсе XXI века.....	48
<i>Федуленкова Т. Н., Мальшиева А. С.</i> Анализ ФЕ-терминов по виду переосмысления компонентов (на материале Oxford Business English Dictionary for Learners of English).....	64

## Романские языки

<i>Попова Г. Е.</i> Релевантность высказывания как условие успешности речевой интеракции...	75
---	----

## Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басова Т. А.</i> Общие и специфические признаки японских фразеологизмов с компонентом 腹 ('hara') в сопоставлении с русскими и английскими фразеологизмами.....	85
<i>Беспамятная Л. В.</i> Вероятностные межъязыковые импликации в германских и славянских языках (на материале терминов кораблестроения).....	97
<i>Джисоева В. П.</i> Способы образования и особенности функционирования политической лексики в двуязычной политической коммуникации.....	105
<i>Поляруш Е. В.</i> Наименования новых профессий, специальностей и должностей в немецком и русском языках.....	118

## Методика преподавания иностранного языка

<i>Агаркова А. А.</i> Использование крылатых выражений английского языка для развития устной речи.....	134
--	-----

# CONTENTS

---

---

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 16, Issue 3 (49), 2020

---

---

## Studies in Germanic Languages

<i>Bakina A. D.</i> Functioning of Biblical Phraseological Units in Media Discourse.....	5
<i>Vorkachev S. G., Vorkacheva E. A.</i> Patriotic Discourse: Hymnody of Former USSR Republic and Countries of Commonwealth.....	15
<i>Golodov A. G.</i> Appearance and Use of the Label «Putin-Versteher» (based on German Mass-Media).....	26
<i>Podgaiskaya I. M., Gerba V. V.</i> Specific Functions of Expressive Syntactic Constructions in Belles-Lettres and Scientific Texts.....	35
<i>Fatyanova I. V.</i> Verbal Means of Speech Aggression Explication in American Political Discourse of the XXI-st Century.....	48
<i>Fedulenkova T. N., Malysheva A. S.</i> Analysis of PU-Terms by the Type of Semantic Transfer of Components (based on Oxford Business English Dictionary for Learners of English).....	64

## Studies in Romance Languages

<i>Popova G. E.</i> Reporting Relevance as a Condition of Successful Speech Interaction.....	75
--	----

## Typological and Contrastive Studies

<i>Basova T. A.</i> Common and Specific Features of Japanese Phraseological Units with the Component 腹 ('Hara') in Comparison with Russian and English Units.....	85
<i>Bespamyatnaya L. W.</i> Quasiuniversals in the Field of Shipbuilding terms in Germanic and Slavic .....	97
<i>Dzhioeva V. P.</i> Ways of Formation and Peculiarities of Functioning of Socio-Political Vocabulary in Bilingual Political Communication.....	105
<i>Polyarush E. V.</i> Names of New Professions, Specialities and Positions in the German and Russian.....	118

## Methods of Language Teaching

<i>Agarkova A. A.</i> English Phraseology and its Role in the Oral Speech Development.....	134
--	-----

## ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

---

УДК 81'373

© 2020 А. Д. Бакина

### ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

*В статье обсуждаются вопросы, связанные со спецификой функционирования фразеологических единиц в медийных текстах. Медиадискурс сегодня представляет собой коммуникативно-прагматическую сущность, отвечающую запросам аудитории. Медиатексты характеризуются прагматической направленностью и обладают значительным прагматическим потенциалом. Одним из способов актуализации прагматики медиатекста служит включение в него фразеологических единиц библейского происхождения. Образно-экспрессивные и оценочные составляющие, как и специфика семантики фразеологизмов-библейзмов, обуславливают их частотное употребление в медийном дискурсе.*

**Ключевые слова:** *медийный дискурс, медиатекст, прагматика, прагматический потенциал, фразеологизм библейского происхождения, библейзм, семантика.*

© 2020 A. D. Bakina

### FUNCTIONING OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEDIA DISCOURSE

*The article addresses the issues related to the specific character of phraseological units functioning in media texts. Media discourse today is a communicative and pragmatic entity that meets the needs of the audience. Media texts are characterized by pragmatic orientation and have significant pragmatic potential. One of the ways to actualize the pragmatics of a media text is to insert phraseological units of biblical origin in it. The figurative-expressive and evaluative components, as well as the peculiarities of the semantics of biblical phraseological units determine their frequent use in media discourse.*

**Key words:** *media discourse, media text, pragmatics, pragmatic potential, phraseological unit of biblical origin, biblicism, semantics.*

Сегодня исследования в области фразеологии ведутся с учетом разных подходов, и в целом в ряду современных направлений можно выделить когнитивно-дискурсивное описание фразеологических единиц, а также лингвостилистическое, функционально-коммуникативное, семантико-прагматическое, фразеографическое и др. [Федуленкова, Бечина, 2011].

Многомерность и мультикомплексность современных научных изысканий в области фразеологии отечественных и зарубежных лингвистов еще раз доказывают, что интерес к этому сложнейшему разделу языкознания не только не угасает, но каждый раз возобновляется с новой силой в свете возникающих и тщательно отрабатываемых теорий и

моделей, и подчеркивают необходимость выделения новых аспектов рассмотрения различных проблем (см. работы: О. Б. Абакумова, Н. Ф. Алефиренко, Д. Балакова, А. Бирих, И. Ю. Гранева, Е. И. Диброва, М. С. Доброва, Д. О. Добровольский, К. Н. Дубровина, А. В. Жуков, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, М. Л. Ковшова, Г. И. Краморенко, А. В. Кунин, А. М. Мелерович, О. А. Мещерякова, В. М. Мокиенко, В. М. Савицкий, Л. Степанова, В. Н. Телия, Л. П. Терентьева, Т. Н. Федуленкова, Н. М. Фирсова и др.).

Отметим, что проблема вычленения организованной подсистемы фразеологизмов библейского происхождения из системы фразеологических единиц, так же, как и их статусность, оказываются недостаточно изученными, равно как и вопросы, связанные с определением типичных свойств и признаков библеизмов, их связи с порождающими их текстами в семантическом отношении. Кроме того, изучение специфики фразеологических единиц библейской этимологии в аспекте их функционирования, в частности в медийном дискурсе, представляется весьма актуальным. Изучение фразеологических единиц, используемых в текстах современных русско- и англоязычных СМИ, приобретает особое значение, так как язык медиа есть уникальный инструмент манипулятивного воздействия, внушения и убеждения масс, а применение фразеологизмов добавляет медийным текстам яркую эмоциональную окрашенность, экспрессивность, образность, оценочность.

Понимание медиадискурса сегодня неоднозначно, поскольку осложняется многочисленными трактовками самого термина. Будучи рассматриваемым с позиций как минимум двух подходов, он может пониматься как комплексное и многоаспектное явление, как составляющая информационного пространства, как «синкретичное образование, в котором проявляются практически все другие типы дискурса, подчиненные основной цели масс-медиа как социального института – оказывать дифференцированное воздействие на максимально широкую аудиторию посредством ее информирования и оценки сообщаемой информации» [Желтухина, 2004: 6], как «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» [Алефиренко, 2016: 49], как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2008: 198], как совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации. Последнее взято за основу в настоящей статье.



Медиадискурс связан с жанрово-функциональными особенностями медиапространства и может включать в себя такие виды дискурса, как публицистический, рекламный и PR-дискурс и т. п. Основными признаками являются групповая соотнесенность (т. е. адресат разделяет взгляды и ценностные ориентиры своей группы), публичность (открытость, ориентированность на массового адресата), диссенсная ориентированность (создание положения диссенса, противоречия, несогласия с последующей дискуссией), инсценированность и массовая направленность (целенаправленное воздействие на несколько групп одновременно), а также персуазивность, суггестивность [Желтухина, 2004: 132, цит. по А. В. Авиздба]. Известно, что одним из приемов воздействия на аудиторию является агитация, построенная на резких контрастивных элементах в лексике, а также на убедительной манере разъяснения того или иного материала. Для агитации обычно используется упрощенная лексика, распространенные клише, фразеологические обороты, цитаты, особым образом окрашенные слова; характерна свободная, личная форма общения с адресатом, в результате чего языковой материал медиадискурса достаточно простой, бытовой, обыденный со множеством смысловых и лексических повторов для усиления эффекта воздействия на зрителя, слушателя или читателя. «Современный медиадискурс формирует медиакультуру общества, основным вектором которой становится не столько информирование адресата, сколько глобальное и тотальное воздействие на него» [Желтухина, 2016: 158].

Тексты СМИ в высокой степени характеризуются особенностями их стилевой направленности, стилистическим динамизмом, оценочностью и эмоциональной окрашенностью [Ильясова, Амири 2009]. Главным образом медийный дискурс определяется через коммуникативно-прагматические факторы, поскольку медийные тексты отражают личностную позицию автора, его убеждения и ценности, которые реализуются посредством различных лингвистических средств персуазивности и различных психологических установок, что позволяет говорить о его прагматической составляющей, которая может актуализироваться путем включения в него различного рода текстовых реминисценций наряду с готовыми устойчивыми сочетаниями слов, имеющими в качестве своего первоисточника сакральные библейские тексты.

Будучи древнейшим литературным памятником, переведенным на множество языков, Священное писание служит праисточником ставших крылатыми выражений, воспроизводимых во множестве новых контекстов. Реальное употребление библеизмов, так часто не отождествляемых использующими их в повседневной речи с Библией, их

«растворяемость» в текстах различных дискурсов представляет неподдельный лингвистический интерес для фразеологов [Мокиенко, 2019]. «Фразеологические единицы библейского происхождения, как выразительные средства языка, могут использоваться в любых стилях речи: в газетном стиле, в публицистике, весьма характерно употребление библейских выражений в ораторском искусстве, в художественной литературе, в повседневном общении и, конечно, в первую очередь в религиозно-проповедническом стиле» [Федуленкова, 2014: 651]. Библейские фразеологические единицы могут представлять собой библейские цитаты, которые изначально являлись единицами идиоматического порядка уже в самом тексте Священного писания; библейские аллюзии, содержащие отдельные воспроизводимые компоненты, восходящие к Библии, и фразеологизмы, основанные на свободных словосочетаниях библейских текстов, используемые в переосмысленном значении в новых контекстах [Беликова, 2005]. В настоящей статье под библейскими фразеологическими единицами мы понимаем восходящие к Библии как своему праисточнику устойчивые сочетания в виде слов, словосочетаний и предложений. Часто библейские фразеологизмы называют библейскими реминисценциями, выражениями, цитатами, библейскими аллюзиями или прецедентными высказываниями и крылатыми словами, имеющими библейское происхождение. Ср.: «Фразеологизмы библейского происхождения – своеобразные фразеологические вехи библейских преданий в современном языке, которые и в наше время выступают в двух ипостасях: с одной стороны, эти языковые единицы (БФЕ) – свидетельство памяти, которую продолжает хранить язык о мифологических образах, а с другой – они представляют вербальный пример утраты былой мифологичности, являясь объектом дальнейшего семантического обновления» [Федуленкова, 2018: 109].

Особенности использования библейских воспроизводимых устойчивых выражений детерминируются их категориальными признаками, как то целостностью и обобщенностью фразеологического значения, образностью, оценочностью, экспрессивностью.

Возросшая в последнее время частотность прибегания к использованию библейских по происхождению фразеологических оборотов в медийном дискурсе, как например, «блудный сын», «суета сует», «запретный плод», «семь смертных грехов» и мн. др., вызвана желанием автора отыскать тот вербальный компонент, который окажется кратким и лаконичным, вместе с тем достаточно емким, наполненным смыслом и несущим образ, универсальным для понимания и убедительным по своей природе.

Проанализировав отобранные методом сплошной выборки контекстные употребления библеизмов в текстах медиа, можно заключить, что самыми популярными из рассмотренных БФ в русскоязычной прессе оказались «внести свою лепту» (отметим, что данный библеизм был использован на страницах интернет медиа в заголовках и текстах новостей более 30 раз! за 31.10.2020), «запретный плод» («forbidden fruit»), «суета сует» («vanity of vanities»), «манна небесная» («manna from heaven») и некоторые др. См. например:

– *У, я скажу вам, это будет что-то! Грехи, тоска и суета сует. Обиды, ложь, бесцельная работа, Мечты, обломы, путаница, бред* [Быков].

Автор статьи удачно сочетает рифмы в стиле А. А. Блока, используя библейское выражение в его неизмененном значении, к которому он апеллирует с целью придания фразе экспрессии и эмоциональности.

«– ... когда мы придем к точке, где мы по-настоящему начнем решать эту проблему, нам нужен будет каждый сосед – это важно, что там были Япония, Китай, Россия. Каждый должен быть там, чтобы **внести свою лепту** в успех», резюмировал он [Тиллерсон].

«– Мы посмотрим, на что мы выйдем по итогам текущего года. Я так думаю, что этот год должен **внести свою лепту**», – добавила глава Минздрава. Скворцова также отметила, что среди россиян «потихоньку меняется культура потребления алкоголя [Скворцова].

– По ее словам, она согласна с его словами о том, что «запрещать – это не метод». «Как только мы что-то запрещаем, тут же начинает действовать принцип: **«Запретный плод сладок»**. Было такое изречение: критикуя – предлагай [Раздел «Культура»].

Оценочность является одним из ярко выраженных признаков библеизмов. Ср. например: ... обычно фразеологизмы библейской этимологии содержат компонент оценочности, вследствие чего фразеологизмам свойственно выполнять экспрессивно-оценочную функцию [Федуленкова, 2014: 649]. Это иллюстрируют нижеследующие примеры.

– *Об этом он заявил в ходе встречи с Советом законодателей в понедельник, 24 апреля, передает ТАСС. «Конечно, всем хочется выглядеть прилично, всем хочется принимать решения, от которых завтра манна небесная посыплется. Она не посыплется, этого чуда не произойдет», – сказал глава государства [Путин].*

– *Cowboys owner Jerry Jones called the NFC East «manna from heaven» earlier this week. Ron Rivera benched his young quarterback in Washington with the assumption there was an opportunity [PHILADELPHIA].*

– Но куда ценнее фон книги. Та Азия 1980-х, куда ныряет **блудный сын** «золотого миллиарда». И передает картинку, как марсоход, – из той среды, куда нам ходу нет и не будет [Дьякова].

– Hyundai added another **forbidden fruit** to its global range of high-performance N-badged models. It turned the i20, a city-friendly hatchback sold overseas, into an urban rocket aimed directly at the Ford Fiesta ST [Autoblog].

Часто в медиадискурсе используются заимствованные из Библии фразеологизмы-предложения пословичного типа. Несмотря на то, что обычно газетная стилистика предпочитает лаконичность, тяготея к языковой компрессии, библейские пословицы оказываются часто употребляемыми.

– Это идеал, к которому нужно стремиться. Сказано – **не сотвори себе кумира**. Но у меня их трое: Дисней, Феллини, Чаплин. Кстати, картины Феллини для меня во многом близки мультипликации: он каждый раз сочинял – как будто рисовал – свой мир. [Авраменко].

– But Jenkins can't play too fast and loose with the investment bank. It contributes more than half Barclays' profits; profits it dearly needs to build up the capital reserves demanded by regulators. Shareholders want to know he won't **throw out the baby with the bath water** [Sunday Times, 10 Feb. 2013].

Являясь мощными выразительными средствами, носителями ветхозаветной мудрости, библейские фразеологизмы способны передавать тончайшие оттенки смысла. «Фразеологические единицы, как и слова, способны выполнять коннотативную функцию. Более того, фразеологизмы в массе своей, в отличие от слов, преимущественно эту функцию и выполняют, и существуют в языке для создания образного представления о предмете, не передаваемого синонимичной лексемой» [Иваненко, 2001: 147].

– In his original review for *Back to the Future Part II*, Roger Ebert (**the Alpha and Omega** of film criticism) called the movie «an exercise in goofiness, an excursion into various versions of the past and future that is so baffling that even the characters are constantly trying to explain it to each other» [Den of Geek].

– **Вносит свою лепту** также нежелание Еревана соблюдать режим прекращения огня в зоне нагорно-карабахского конфликта [Вестник Кавказа, 2020].

– Начав работу с местными СМИ, Бучинский убедился, что журналисты не реагируют на пресс-релизы с ситуацией распространения ВИЧ в регионе. – У нас в городе

очень много СМИ, которые едва сводят концы с концами, для них рекламные контракты – **манна небесная** [Фомина].

– Отрадно, что **свою лепту** в общее дело **внесли** представители не только столицы Поморья, но также и Северодвинска, Новодвинска, Холмогор и Емецка [Медиапортал Правда Севера, 31.10.2020].

Сочетающаяся с метафоричностью и образностью, экспрессивность выражений библейского происхождения становится важным критерием в пользу их выбора журналистами. Особенно четко это прослеживается на примерах библеизмов в названиях новостных статей.

– *Антипов: новая тактика МИД избавит РФ от роли «козла отпущения» в деле MH17* (в названии новостной статьи) [NewInform, 30.10.2020].

– *Joe Biden's boosters wrote his prodigal son's entire resume* (в названии новостной статьи) [Paul Sperry National review, October 22, 2020, Yahoo.com].

– *Judge: Cain and Abel murder trial unfair* (в названии статьи) [ChicagoTribune.com, 02.09.2006].

Таким образом, используя библеизмы как инструмент для привлечения внимания читателя, как средство, несущее экспрессивный и эмоционально-оценочный потенциал, авторы медийных текстов легко устанавливают контакт с аудиторией, безошибочно и четко доносят до читателя свою мысль и интенцию, часто дополняя свои приемы языковой игрой, способны легко внушить требуемые идеи, идейные установки и отношение, а также вызывать определенные эмоции и чувства.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авидзба А. В. Медиадискурс как составляющая информационного пространства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 35-39.
2. Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С.49-57. Доступ: <http://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmaticeskaya-sushchnost/>. (дата обращения: 23.10.2020).
3. Беликова Г. В. Цитата как видение мира. Москва: Прометей, 2005. 175 с.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. Москва: Наука, 2008. 288 с.
5. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2004. 48 с.
6. Желтухина М. Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 154-159.
7. Иваненко Г. С. Коннотативная функция фразеологических единиц (на материале «Повести о Сонечке» М. И. Цветаевой) // Фразеология в аспекте науки, культуры, образования. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. С. 146-149.
8. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. Москва: Флинта, 2009. 296 с.

9. Федуленкова Т. Н., Бечина И. В. Современные направления в изучении фразеологии // Известия ИГЭА. 2011. № 3 (77). С.203-206.

10. Федуленкова Т. Н. Связи функционирования библейских фразеологизмов английского языка как признак системности // Фундаментальные исследования. 2014. № 12(3). С. 648-651.

11. Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. Москва: Издательство дом Академии Естествознания, 2016. 146 с.

12. Федуленкова Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии // Язык и культура. Томск, 2018. С. 108-120.

### **ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2-х т. / автор предисловия В. М. Мокиенко. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. Т. 1: А-О. 288 с.

### **СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. Авраменко Е. В нынешних условиях не появились бы ни Хитрук, ни Норштейн // Известия, 2013.08.11.

2. Быков Д. «А все же мы гораздо лучше вас...» Два сонета о поэте и поэзии // Новая газета, 2018.10.01.

3. Вестник Кавказа, 2020.

4. Дьякова Е. Шантарам как Дон Кихот и марсоход // Новая газета, 2016.02.05.

5. Медиалпортал Правда Севера, 2020.31.10.

6. Путин оставил законодателей без шанса дожидаться манны небесной // Lenta.ru, 2017.04.24.

7. Раздел «Культура». В Совфеде отреагировали на слова Путина о рэперах // Gazeta.ru, 2018.12.20.

8. Скворцова рассказала о количестве потребляемого россиянами алкоголя // Lenta.ru, 2016.12.28.

9. Тиллерсон назвал приоритет США на Украине // Lenta.ru, 2017.12.13.

10. Фомина Е. Иду на ВИЧ. Корреспонденты «Новой» посетили очаг распространения ВИЧ-инфекции // Новая газета, 2018.05.11.

11. Autoblog. Доступ: <https://www.autoblog.com/2020/10/21/hyundai-i20-n-hot-hatch-revealed/>. (дата обращения: 23.10.2020).

12. ChicagoTribune.com. 2006.02.09.

13. Den of Geek. Доступ: <https://www.denofgeek.com/movies/how-audience-responses-to-the-back-to-future-sequels-have-evolved/>. (дата обращения: 23.10.2020).

14. NewInform, 2020.30.10.

15. Paul Sperry National review, October 22, 2020 // Yahoo.com.

16. PHILADELPHIA. Доступ: <https://www.si.com/nfl/eagles/news/week-7-preview-demarcation-line-game-between-eagles-and-giants>. (дата обращения: 23.10.2020).

17. Sunday Times, 2013. 10 Feb.

### **REFERENCES**

1. Avidzba, A. V. (2016). Mediadiskurs kak sostavlyayushchaya informatsionnogo prostranstva [Media discourse as a constituent of media space]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 1. Pp. 35-39. (In Russ.).

2. Alefirenko, N. F. (2016). Mediadiskurs i ego kommunikativno-pragmaticheskaya

sushchnost [Media discourse and its communicative pragmatic entity]. In *Medilingvistika*. No. 1(11). Pp. 49-57. Available at: <http://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmaticheskaya-sushchnost/>. (accessed: 23.10.2020). (In Russ.).

3. Belikova, G. V. (2005). *Tsitata kak videnie mira* [Quotation as world perception]. Moskva: Prometey. (In Russ.).

4. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech* [Medialinguistics: systematic approach to the study of media language: modern English media speech]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

5. Zheltukhina, M. R. (2004). *Spetsifika rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI* [The speech influence specificity of tropes in media language]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).

6. Zheltukhina, M. R. (2016). *Sovremennyy mediadiskurs i mediakultura vozdeystviya* [Modern media discourse and media culture of impact]. In *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. No. 4. Pp. 154-159. (In Russ.).

7. Ivanenko, G. S. (2001). *Konnotativnaya funktsiya frazeologicheskikh edinits (na materiale «Povesti o Sonechke» M. I. Tsvetaevoy)* [The connotational function of phraseological units (based on «The Story of Sonechka» by M. Tsvetaeva)]. In *Frazeologiya v aspekte nauki, kultury, obrazovaniya*. Chelyabinsk: Izd-vo ChGPU. Pp. 146-149. (In Russ.).

8. Ilyasova, S. V., Amiri, L. P. (2009). *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Pun in media communication and advertising]. Moskva: Flinta. (In Russ.).

9. Fedulenkova, T. N., Bechina, I. V. (2011). *Sovremennye napravleniya v izuchenii frazeologii* [Modern tendencies in phraseological studies]. In *Izvestiya IGEA*. No. 3 (77). Pp. 203-206. (In Russ.).

10. Fedulenkova, T. N. (2014). *Svyazi funktsionirovaniya bibleyskikh frazeologizmov angliyskogo yazyka kak priznak sistemnosti* [The functioning ties peculiarities of English biblical phraseological units as the feature of systematicity]. In *Fundamentalnye issledovaniya*. No. 12(3). Pp. 648-651. (In Russ.).

11. Fedulenkova, T. N. (2016). *Leksii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proiskhozhdeniya* [Lectures on English phraseological units of biblical origin]. Moskva: Izdatelstvo dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).

12. Fedulenkova, T. N. (2018). *Kharakteristika prototipov bibleyskoy frazeologii* [The characteristics of biblical phraseology prototypes]. In *Yazyk i kultura*. Tomsk. Pp. 108-120. (In Russ.).

### **LEXICOGRAPHICAL SOURCE**

*Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskoy yazykakh* [The Mite of Biblical Wisdom: a Russian-Slavic dictionary of biblical catchphrases and aphorisms with correspondences in the Germanic, Romanic, Armenian and Georgian languages]: v 2-kh t. / avtor predisloviya V. M. Mokienko. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova, 2019. T. 1: A-O. (In Russ.).

### **SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL**

1. Avramenko, E. V. *nyneshnikh usloviyakh ne poyavilis by ni Khitruk, ni Norshtein* [In present circumstances there would be neither Khitruk, no Norshtein]. In *Izvestiya*, 2013.08.11. (In Russ.).

2. Bykov, D. «A vse zhe my gorazdo luchshe vas...» Dva soneta o poete i poezii [Two sonnets on a poet and poetry]. In *Novaya gazeta*, 2018.10.01. (In Russ.).

3. *Vestnik Kavkaza* [Caucasus' Bulletin], 2020. (In Russ.).

4. Dyakova, E. Shantaram kak Don Kikhot i marsokhod [Shantaram as Don Quixote and Mars Rover]. In *Novaya gazeta*, 2016.02.05. (In Russ.).
5. Mediportal Pravda Severa [Truth from the North Media], 2020.31.10. (In Russ.).
6. Putin ostavil zakonodateley bez shansa dozhdatsya manny nebesnoy [Putin left his legislators no chances to get manna from heaven]. In *Lenta.ru*, 2017.04.24. (In Russ.).
7. Razdel «Kultura». V Sovfede otreagirovali na slova Putina o reperakh [Putin's words on Rappers got reaction from the Soviet of Federation]. In *Gazeta.ru*, 2018.12.20. (In Russ.).
8. Skvortsova rasskazala o kolichestve potrebyaemogo rossiyanami alkogolya [Skvortsova told about the quantity of alcohol consumed by Russians]. In *Lenta.ru*, 2016.12.28. (In Russ.).
9. Tillerson nazval prioritet SShA na Ukraine [Tillerson singled out the USA priority in the Ukraine]. In *Lenta.ru*, 2017.12.13. (In Russ.).
10. Fomina E. Idu na VICH. Korrespondenty «Novoy» posetili ochag rasprostraneniya VICH-infektsii [HIV: the correspondent of “Novaya Gazeta” visited of pesthole of HIV-infection]. In *Novaya gazeta*, 2018.05.11. (In Russ.).
11. *Autoblog*. Available at: <https://www.autoblog.com/2020/10/21/hyundai-i20-n-hot-hatch-revealed/>. (accessed: 23.10.2020).
12. *ChicagoTribune.com*. 2006.02.09.
13. *Den of Geek*. Available at: <https://www.denofgeek.com/movies/how-audience-responses-to-the-bac-k-to-future-sequels-have-evolved/>. (accessed: 23.10.2020).
14. *NewInform*, 2020.30.10.
15. *Paul Sperry National review*, October 22, 2020. In *Yahoo.com*.
16. *PHILADELPHIA*. Available at: <https://www.si.com/nfl/eagles/news/week-7-preview-demarcation-line-game-between-eagles-and-giants>. (accessed: 23.10.2020).
17. *Sunday Times*, 2013. 10 Feb.

**Бакина Анна Дмитриевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Института иностранных языков (e-mail: [heart-anna@yandex.ru](mailto:heart-anna@yandex.ru)), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» 302026, Орел, Комсомольская, 95

**Bakina Anna D.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Chair of English Philology Department of Institute of foreign languages (e-mail: [heart-anna@yandex.ru](mailto:heart-anna@yandex.ru)), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Orel State University named after I.S. Turgenev» 95 Komsomolskaya, Orel, 302026

*Поступила в редакцию 02 ноября 2020 г.*



УДК 81'1; 811.111

© 2020 С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева

## ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ГИМНОДИЯ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР И СТРАН СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ

*Исследуется семантическая структура торжественных песен о родине стран бывшего СССР и стран Содружества наций, устанавливаются базовые смыслы национального гимнического дискурса, а также моральные императивы по отношению к родной земле. Устанавливаются также общие и специфические характеристики национальной гимнодии стран бывшего СССР и Содружества наций.*

*Ключевые слова:* дискурс, гимнодия, национальный гимн, родина, народ, свобода, единство.

© 2020 S. G. Vorkachev, E. A. Vorkacheva

## PATRIOTIC DISCOURSE: HYMNODY OF FORMER USSR REPUBLIC AND COUNTRIES OF COMMONWEALTH

*The semantic structure of solemn songs about the homeland of the countries of the former USSR and the countries of the Commonwealth is investigated, the basic meanings of the national anthem discourse, as well as moral imperatives towards the native land are established. General and specific characteristics of the national anthems of the countries of the former USSR and the Commonwealth are also established.*

*Key words:* discourse, hymnody, national anthem, homeland, people, freedom, unity.

Патриотический дискурс представлен множеством жанров – литературных, речевых и массмедийных, среди которых особое место занимает национальная гимнодия (см.: [Воркачев, 2020; 2020а: 24–81]).

Гимны большинства республик бывшего СССР были приняты в качестве официальных практически одновременно, свою независимость эти республики, что называется, получили в дар без всякой борьбы.

Опознавательная функция национальных гимнов республик бывшего СССР вербально реализуется через употребление этнонимов и (само)названий страны и народа: *Россия – священная наша держава; Литва, отчизна наша; Ще не вмерла України і слава, і воля; Вперед, кыргызский народ; Родина моя – мой Казахстан; Вечна живі і квітней, Беларусь; Свободная, независимая Армения; Мой свободный Таджикистан; Во веки веков живи, мой Туркменистан; дорогой Узбекистан.* Если в тексте гимна нет упоминания имен страны и народа (Грузия, Эстония, Молдавия), то, очевидно, опознавательную функцию выполняет сам его язык, тем более что «язык» исторически синонимичен «народу» (см.: [Даль, 1998: 674]).

Практически во всех текстах гимнов присутствует хронотоп страны – сведения о её

истории, ландшафте и политическом устройстве. Текст гимна обычно отправляет к славным образам прошлого: *Предками* данная мудрость народная (Россия), *Духом предков* отважных славны сыны (Туркменистан); *Ты символ надежды наших предков* (Таджикистан); *Наследье отцов* наших передадим / *На благо народа потомкам своим* (Киргизия); *И сыны Твои на прошлом* / *Свое величье строят* (Литва). В гимнах чуть ли не в обязательном порядке присутствует также совместное будущее: *Широкий простор для мечты и для жизни* / *Грядущие нам открывают года* (Россия); *У меня простор неоглядный* / *И дорога, открытая в будущее* (Казахстан). И, конечно, это будущее непременно счастливое: *Как извечного друга* / *Встречает новое время* / *Наша счастливая страна,* / *Наш народ!* (Казахстан). Тема счастливого будущего особенно интенсивно «педалируется» в гимне Украины: *Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля;* *Ще у нашій Україні доленька наспіє.*

В гимнах представлены отличительные признаки географической «колыбели народа»: *От южных морей до полярного края* / *Раскинулись наши леса и поля* (Россия); *Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє* (Украина); *Золотые эти долины – дорогой Узбекистан;* *Высокие горы, долины, поля – / Родная, заветная наша земля* (Киргизия).

Наиболее значимый атрибут суверенитета в текстах национальных гимнов – это, конечно, свобода: *Отечество наше свободное* (Россия); *Душу й тіло ми положим за нашу свободу* (Украина); *Родина наша, свободная, независимая* (Армения); *Вставай, моя свободная страна* (Узбекистан); *Да здравствует моя Родина, / мой свободный Таджикистан!* (Таджикистан).

Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «карикативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности. Так, в текстах гимнов регулярно появляются имена родины сами по себе или в сопровождении «любовных» эпитетов: *Отечество, Отчизна, родная земля, любимая* наша страна (Россия); *родная зямля, родны парог, наша любімая маці-Радзіма* (Белоруссия); *Родина наша Մեր Հայրենիք* (Армения); *родимый очаг erkana ýurdum* (Туркмения); *наша любимая страна диёри арҷманди мо* (Таджикистан); *дорогой Узбекистан жон Ўзбекистон* (Узбекистан); *славное отечество şanlı Vətəni* (Азербайджан); *родина моя жерім менің, моя страна менің елім* (Казахстан); *родина ата-бабалар, родная, заветная наша земля элибиздин жаньы менен барабар* (Киргизия); *отчизна* наша *tėvunė tūsu* (Литва); *дорогая отчизна mūs' dārgo tėviju* (Латвия). Родная страна – предмет гордости и восхищения: *Мы гордимся тобой!* (Россия); *светоч и песня души vaşlaryň täji sen, diller senasy* (Туркмения). Родине как высшей ценности

метафорически приписывается сакральный, культовый характер: *священная наша держава* (Россия); *земля моя **свята** garaşsyz topragyn nurdur* (Туркмения); *моя икона – это моя родина* *ჩემი ხატის სამშობლო* (Грузия).

Праксеологически-императивный блок национальной гимнодии образуется семантическими признаками, связанными с **прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верностью ей и преданностью, защитой её свободы**: *Славься, Отечество наше свободное* (Россия); *Слаўся, зямлі нашай светлае імя* (Белоруссия); *Пусть **слава** твоя сияет вечно!* (Узбекистан); *Вечна жыві і квітней, Беларусь!*; *Пусть твое **счастье** и **благополучие** будет всегда* (Киргизия); *Во веки веков ты живи, процветай!* (Туркмения); *О родина, вечно цвети!* (Узбекистан).

От религиозного гимна в некоторые национальные гимны перешло искание божественного покровительства: *Да хранит тебя **Бог**, / дорогая отчизна моя! / Да будет он твоим заступником / и благословит тебя / во всех делах твоих* (Эстония); *Господь, благослови Латвию, / Нашу дорогую отчизну.*

Регулярно в текстах национальных гимнов появляется упоминание другого символа государственности – флага: *И **знамя** свободы возносится ввысь* (Киргизия); *Мы стоим под твоим **флагом*** (Таджикистан); *В мире реет мой **флаг** – / Символ великой нейтральной страны* (Туркмения); *Вот тебе, брат, **флаг**, / Который я связала своими руками* (Армения); *У бітвах за волю, бітвах за долю / Свой здабывалі **сцяг** перамог!* (Белорусия).

В текстах гимнов регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы населяющего страну гимна народа, который велик, силен, героичен, мужествен, горд, мудр, великодушен, миролюбив, дружелюбен, усерден и трудолюбив и пр.: *Извечно народ наш для **дружбы** открыт* (Киргизия); *Горд и силен / Мой казахский народ!*; *Сила великого народа, земля **героев*** (Литва); *Славное отечество сынов-героев* (Азербайджан); *Не угаснет вера великодушного узбека* (Узбекистан); *Мы, беларусы – **мірныя** людзі, Мы ў працавітай, вольнай сям'і* (Белоруссия); *А завзяття, праця щира свого ще докаже* (Украина); *Предками данная **мудрость** народная* (Россия).

Содружество наций (Commonwealth of Nations) или просто Содружество (The Commonwealth) – межгосударственное объединение независимых государств, в которое входят Великобритания и почти все её бывшие колонии, доминионы и протектораты – всего 52 государства, 17 из которых в качестве главы государства признают британского монарха, представленного в этих странах генерал-губернатором.

В 36 из 52 стран Содружества, включая Великобританию, национальный гимн исполняется на английском языке [Гимны ...; Все гимны ...], причем государственный

язык может не совпадать с языком гимна: в Индии английский язык является государственным, но гимн «Душа народа» на слова Рабиндраната Тагора исполняется на бенгальском языке.

В Канаде, Кении, Кирибати, Новой Зеландии, Самоа, Свазиленде, на Сейшельских островах, в Танзании, Тонга, Тувалу и Фиджи официально приняты по несколько текстов национального гимна: на английском языке и на местном языке или языках, а в Канаде на французском и языке инуктитут. Как правило, английский и иноязычные варианты национального гимна характеризуются смысловой эквивалентностью, однако тексты гимнов Фиджи, английский и фиджийский, не имеют между собой ничего общего, а текст национального гимна ЮАР гибриден: первый куплет выполнен на коса и зулу, второй – на сесото, третий – на африкаанс и только четвертый – на английском.

В английском языке для обозначения гимна как хвалебной песни имеется два синонимичных имени: *hymn* и *anthem* [WNID, 1993: 111, 92], но для обозначения государственного гимна употребляется лишь словосочетание *national anthem* [WNID, 1993: 92], где *anthem* восходит к позднелатинскому *antiphona*, восходящему в свою очередь к древнегреческому *αντίφωνα* – множественному числу от прилагательного *αντίφωνος* «ответный» [ОЕ, 1982: 18; WNID, 1993: 92]).

Национальные гимны конкретных стран часто получают названия по первой строке текста: *God Save the King/Queen* (Великобритания), *Land of the Free* (Белиз), *Isle of Beauty, Isle of Splendour* (Доминика). И только гимн Багамских Островов называется по последней строке: *March On, Bahamaland*.

Относительно мирный распад Британской колониальной империи пришелся, главным образом, на 20-й век – век доминирования демократического государственного устройства. Из 36 англоязычных стран Содружества только две (Свазиленд и Тонга) являются королевствами во главе с монархом. Все прочие – это либо республики (15 государств), либо конституционные (парламентские) монархии, в которых власть короля чисто номинальна (19 государств). Как норма, политическое устройство государства отражается на концептуальном наполнении национального гимна: в монархиях прославляется монарх (царь, король) как помазанник Божий – наместник Бога на земле, в республиках – народ как единственный источник власти. Однако, как показывают наблюдения, в текстах англоязычной гимнодии в подавляющем большинстве формально демократических стран Содружества преобладают семантические признаки монархического гимна. Функционально место власти в гимнах может замещаться именами вождя (*God bless Africa / Bless its leaders* – Танзания; *O God of creation, / Direct*

*our noble cause; / Guide our **Leaders** right* – Нигерия; *Bless our **leader*** – Малави), правительства (*Bless our **Government*** – Кирибати) и государства (*Guard our **State*** – Новая Зеландия). Как представляется, у этого «анахронизма» есть не только социально-историческое, но и чисто лингвистическое объяснение: большая часть гимнов Содружества создана по образу и подобию гимна метрополии – Великобритании, который тем самым выступает в качестве прецедентного текста [Воркачев, 2014: 23–24], характерные черты которого – структурные и семантические – воспроизводятся в текстах вновь создаваемых гимнов.

Нужно заметить, что лексика «агональной темы» – темы борьбы за независимость, свойственная боевым песням, минимализирована, здесь лишь изредка появляются герои, враги, угнетатели, тираны, деспоты, захватчики, сражения, кровопролитие: *Green land of Guyana, our **heroes** of yore, / Both bondsmen and free, laid their bones on your shore* (Гайана); *Make us cherish fearless honesty, / And help us to resist **oppressors**' rule* (Гана); *Our fathers, the Baymen, valiant and bold / Drove back the **invader*** (Белиз); *Drive back the **tyrants**, let **despots** flee; Victors in the **struggle** for the right, / We have won freedom's **fight*** (Замбия).

В случае гимнов англоязычных стран Содружества идентифицирующая функция языка не работает и опознание осуществляется через присутствие в тексте определенных маркеров: этнонимов, (само)названий страны и народа, топонимов и пр. Прежде всего, естественно, национальный гимн опознается через название или самоназвание страны: *Advance **Australia** Fair; Fair **Antigua**, Lift up your head to the rising sun, **Bahamaland**; We Salute The; **Dominica**, God hath blest thee; Dear Land of **Guyana**; God Bless Our Homeland **Ghana**; Hail **Grenada**; Stand and Sing of **Zambia**; O **Canada**; God Bless **Malawî**; God Defend **New Zealand**; Oh, **Samoa**, hold fast your power forever; **Seychelles** our only fatherland; St. **Kitts and Nevis** be / A nation bound together; **Saint Vincent**, land so beautiful; God bless our **Solomon Islands**; Oh **Uganda**, Land of Beauty; God Bless **Fiji**; **Jamaica**, Land We Love.*

В текстах гимнов Содружества образы славного прошлого встречаются совсем не часто: *Our brave **forefathers** sowed the seed / From which our pride is sprung* (Барбадос); *The blood of our **sires**, which hallows the sod, / Brought freedom from slavery oppression's rod* (Белиз); *The labour of our **heroes past** / Shall never be in vain* (Нигерия). Еще реже в них упоминается совместное «счастливое будущее»: *We write our names on history's page / With **expectations** great* (Барбадос). Намного чаще в гимнах упоминаются географические особенности страны – острова, моря, горы, равнины, долины, пляжи, берега, Южный крест и пр.: *Side by side we stand / **Islands** of the blue Caribbean sea* (Тринидад и Тобаго); *Isle of beauty, isle of splendour* (Доминика); *Our home is girt by sea* (Австралия); *Through*

*coral isle, over blue lagoon*; / *Keep watch with the angels, the stars and moon* (Белиз); *Made rich by the sunshine, and lush by the rains, / Set gem-like and fair, between mountains and sea* (Гайана); *Hairoun, our fair and blessed isle / Your mountains high, so clear and green* (Сент-Винсент и Гренадины).

Поскольку главным смыслом национального гимна является эмфатизация суверенного статуса страны – независимости от внешнего управления и эксплуатации, то свобода здесь выступает наиболее значимым атрибутом государственности, можно сказать, ей приписывается статус сверхценности. Слова «свободный» (free) и «свобода» (freedom, liberty) присутствует практически в каждом гимне Содружества: *For freedom comes tomorrow's noon* (Белиз); *May the way to freedom truly lie* (Гана); *We have won freedom's fight* (Замбия); *Freedom's fight we have won* (Намибия); *God defend our free land* (Новая Зеландия); *O, Land of the free* (Белиз); *Free men we stand / Under the flag of our land* (Замбия); *Black star of hope and honour / To all who thirst for liberty* (Гана); *We pledge to thy liberty!* (Белиз); *Never failing, all enduring / To defend her liberty* (Антигуа и Барбуда). Тем не менее, слово «независимость» (independence) в текстах гимнодии Содружества не встречается вовсе, а «независимый» (independent) в паре со «свободный» (free) появляется единожды в гимне Папуа-Новой Гвинеи: *We're independent and we're free*.

В силу того, что гарантом независимости страны в конечном итоге выступает единство её народа, именно оно является еще одним значимым концептом гимнодии стран Содружества, который воплощает солидаризирующую и мобилизирующую функцию, вербализуемую в её текстах через лексемы *unity, together* и *to join*, часто идущие в одном ряду со свободой: *United, free, / For liberty / Together we'll always stand* (Уганда); *A true nation brave and free; / Ever striving, ever seeking, / Dwell in love and unity* (Антигуа и Барбуда); *And greater will our nation grow / In strength and unity* (Барбадос); *One land of six peoples, united and free* (Гайана).

Субъектом единства является народ, отличающийся от населения как арифметической суммы человеческих особей, населяющих территорию какой-либо страны, сознанием своего группового единства [Воркачев, 2013: 20]. В семантику имен «народ» (people), «нация» (nation) и инклюзивного местоимения «мы» (us) уже включен признак единения, их речевое употребление в тексте гимна само по себе оказывает солидаризирующее воздействие: *To thee we make our solemn vow: / Steadfast to build together / A nation strong in Unity* (Гана); *God bless our homeland Ghana / And make our nation great and strong* (Гана); *In common bond united, / Build this our nation together* (Кения); *A nation bound together, / With a common destiny* (Сент-Китс и Невис); *Around thee*

*we gather / As one people, / As one nation* (Маврикий); *Let us all her people join as one, / Brothers under the sun* (Замбия).

В то же самое время в отличие от моносемичности лексемы *nation*, неизменно передающей в гимнах значение *the people of a particular country* [Macmillan, 2002: 942], *a country, considered especially in relation to its people* [Longman, 1995: 944], слово *people* может употребляться и в значении не-элиты, «собственно народа» [Воркачев, 2013: 34]; *human beings that constitute an organized body subordinate to a superior* [WTNID, 1993: 1873]; *all the ordinary people in a country or a state who do not have special rank or position* [Longman, 1995, p. 1047]; *ordinary people who are not members of the government or the upper classes* [Macmillan, 2002: 1050]: *Bless our Government / And all our people!* (Кирибати); *For as people or as leaders / Of Tuvalu we all share / In the knowledge that God / Ever rules in heav'n above* (Тувалу).

В текстах гимнодии Содружества регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы народа, населяющего страну гимна – восхваляются его величие, мужество, храбрость, бесстрашие, свободолюбие, правдолюбие, миролюбие, дружелюбие, сила, преданность, верность, единство, постоянство, горделивость, справедливость, праведность, мудрость, честность, богобоязненность и пр.: *Bless our great nation* (Замбия); *Namibia, land of the brave* (Намибия); *A true nation brave and free* (Антигуа и Барбуда); *Our fathers, the Baymen, valiant and bold / Drove back the invader; this heritage hold* (Белиз); *Steadfast to build together / A nation strong in Unity* (Гана); *We loyal sons and daughters all* (Барбадос); *We thy sons and daughters stand / Strong and firm in / Peace or danger* (Антигуа и Барбуда); *Ever conscious of God, / Being proud of our heritage* (Гренада).

Помимо положительных личностных качеств нации в гимнах Содружества обильно декларируются всяческие положительные ценности и разнообразные идеалы, к которым желательно стремиться – мир, согласие, любовь, счастье, радость, прогресс, процветание, справедливость, право, истина, милосердие, смирение, порядочность, уважение, ответственность, сила и, конечно, единство и свобода: *Justice, truth, be ours forever* (Ямайка); *As stalwarts we stand / For justice and liberty / With wisdom and truth* (Сент-Китс и Невис); *One nation bound in freedom, peace and unity* (Нигерия); *Wisdom, unity and peace / These are our shields* (Танзания); *Pledge to excel through love and unity* (Багамы); *And greater will our nation grow / In strength and unity* (Барбадос); *The cause of Freedom and of Right; / Fill our hearts with true humility, / Make us cherish fearless honesty* (Гана); *Strive for honour, sons and daughters, / Do the right, be firm, be fair* (Доминика); *May we dwell in unity, / Peace and liberty* (Кения); *Promote happiness and unity!* (Кирибати).

В гимнах Содружества лишь раз мелькает имя Христа (*This is the symbol of Jesus, who died on it for Samoa* – Самоа), однако библейские реминисценции можно увидеть в молитвенных пожеланиях «избавиться от Лукавого» – уберечься от пороков, бед и несчастий: *We pray Thee to grant us wisdom without deceit or malice* (Свазиленд); *God defend our free land / From dissension, envy, hate / And corruption guard our State* (Новая Зеландия); *God defend our free land / From dishonour and from shame / Guard our country's spotless name* (Новая Зеландия).

Базовым концептом национальной гимнодии, естественно, выступает *родина* [Воркачев, 2013а], принимающая в текстах гимнов Содружества имена *Motherland, Fatherland, Homeland, the land of ours, our land, our country, this land, native land, the land that we love, the land that feeds us, the land that gave us birth, the land of our fathers* и, конечно, названия родной страны: *O motherland of mine* (Маврикий); *Namibia our Country / Namibia Motherland* (Намибия); *Arise, O compatriots, / Nigeria's call obey / To serve our Fatherland* (Нигерия); *Seychelles our only fatherland* (Сейшелы); *God bless our homeland Ghana* (Гана); *And our Homeland of Kenya, / Heritage of splendor* (Кения); *Beloved the Country* (Маврикий); *Namibia our country* (Намибия); *Make our country good and great* (Новая Зеландия); *Let us live and strive for freedom, / In South Africa our land* (ЮАР); *Eternal Father bless our land* (Ямайка); *Hail! Grenada, land of ours* (Гренада); *God keep our land glorious and free!* (Канада); *O Canada! / Our home and native land!* (Канада); *O arise all you sons of this land* (Папуа-Новая Гвинея); *This land of our fathers so free* (Папуа-Новая Гвинея); *And that we in this land / Are united in His love* (Тувалу); *Oh Uganda! the land that feeds us* (Уганда); *Sons and daughters of Saint Lucia, / love the land that gave us birth* (Сент-Люсия); *Oh Uganda! the land that feeds us* (Уганда).

Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «каритативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности. Так, в текстах гимнов регулярно появляются имена родины сами по себе или в сопровождении «любобных» эпитетов: *Contrasting beautiful Namibia* (Намибия); *Beloved land of savannahs* (Намибия); *Beloved the Country* (Маврикий); *Dear land of Guyana* (Гайана). Имя родины сопровождается различного рода лаудативными эпитетами – она великая, прекрасная, плодородная, свободная, сильная, смелая, гордая, трудолюбивая, сладкая, здоровая и пр.: *Great land of Guyana* (Гайана); *Saint Vincent, land so beautiful* (Сент-Винсент); *O Land of Beauty!* (Сент-Китс и Невис); *Advance Australia fair!* (Австралия); *Our own Malawî, this land so fair, / Fertile and brave and free* (Малави); *Oh Uganda! the land of freedom* (Уганда); *Namibia, land of the brave* (Намибия); *Stand and*



*sing of Zambia, proud and free, / Land of work and joy in unity (Замбия); The True North strong and free! / From far and wide, O Canada (Канада); Healthy land, so like all fountains, / Giving cheer that warms the soul (Доминика); O motherland of mine. / Sweet is thy beauty, / Sweet is thy fragrance (Маврикий). Родная страна – предмет любви, преданности, гордости и благодарности: Great is the love we have for thee (Сьерра-Леоне); Land that we love, our Sierra Leone (Сьерра-Леоне); Jamaica, Jamaica, Jamaica / Land we love (Ямайка); Namibia our Country / Namibia Motherland / We love thee (Намибия); Great is the love we have for thee (Сьерра-Леоне); With joyful hearts we pledge to thee. / Our loyalty and love and vow to keep you ever free (Сен-Винсент); For Fiji, ever Fiji, let our voices ring with pride (Фиджи); And the glory of Kenya, / The fruit of our labour, / Fill every heart with thanksgiving (Кения); Seychelles our only fatherland / Where we live in harmony / Happiness, love and peace / We give thanks to God (Сейшелы); We give Thee thanks for all our good fortune (Свазиленд).*

Любовь к родине проявляется в действии: родная страна прославляется, ей желают всяческих благ и процветания, заботятся о её благополучии, ей служат, её защищают, ради неё готовы жертвовать многим и даже самой жизнью. Родной стране воздается хвала и слава, высказывается уважение: *Hail to thy name, O Ghana (Гана); Dear land of Guyana, to you will we give, / Our homage, (Гайана); Zambia, praise to thee (Замбия); Ever we seek to honour thy name, / Ours is the labour, thine the fame (Сьерра-Леоне). В национальных гимнах заявляется активная заинтересованность в благополучии любимой страны, готовность служить ей: Answer now to duty's call / To the service of thy country, / Sparing nothing, giving all (Антигуа и Барбуда); In ev'ry need, whate'er the call may be, / To serve thee, Ghana, now and evermore (Гана); Service be our earnest endeavour (Кения). Важнейшим проявлением патриотического чувства выступает готовность защищать свободу и независимость родины, готовность идти ради неё на любые жертвы: Grenada, land of ours, / We pledge ourselves to thee (Гренада); We pledge our devotion, our strength and our might, / Thy cause to defend and to stand for thy right (Сьерра-Леоне); To safe-guard our Native Land / We commit ourselves to building / A true nation brave and free (Антигуа и Барбуда).*

Достаточно часто в текстах национальных гимнов стран содружества появляется упоминание другого символа государственности – флага (flag, banner, standard): *Raise our flag / Together for all eternity (Сейшелы); Samoa, arise and raise your flag! (Самоа); Hold high the banner of liberty (Намибия); As we stand united under noble banner blue (Фиджи); Raise the standard! Raise it boldly! (Антигуа и Барбуда).*

Таким образом, наблюдения над средствами оязыкования идеи патриотизма в дискурсах гимнодии стран бывшего СССР и Содружества наций свидетельствуют о том,

что здесь присутствуют преимущественно общие черты: в большинстве национальных гимнов реализуется опознавательная функция гимнодии через употребление самоназваний страны и этнонимов, вербализуются базовые концепты патриотизма – родина, народ, свобода-независимость, единство, а также составляющие идеи патриотизма – хронотоп (славная история, «светлое» будущее, географические особенности), любовь к родной стране и императивы такой любви – готовность к защите родины и самопожертвованию, автостереотипы народа, населяющего страну. В обеих гимнодиях встречаются упоминания государственной символики (флага).

В отличие от гимнов стран бывшего СССР, гимны Содружества наций имеют свои имена. Только в английском языке для обозначения гимна как хвалебной песни имеется два синонимичных имени: *hymn* и *anthem*. Помимо положительных личностных качеств нации в гимнах Содружества обильно декларируются всяческие положительные ценности и разнообразные идеалы, к которым желательно стремиться, чего не наблюдается в гимнах республик бывшего СССР. В отличие от республик бывшего СССР в гимнодии стран Содружества наций преобладают семантические признаки монархического гимна.

#### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Воркачев С. Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2013. 254 с.
2. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. Москва: Инфра-М, 2013а. 151 с.
3. Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Москва: Флинта – Наука, 2014. С. 52-70.
4. Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 36-43.
5. Воркачев С. Г. Счастье Родины: патриотический дискурс (лингвокультурные аспекты). Краснодар: КубГТУ, 2020а. 218 с.
6. Все гимны мира. Доступ: <http://gimn.su>. (дата обращения: 24.08.2020).
7. Гимны всего мира со словами, текст, перевод. Доступ: [gimn.su/category/gimny-stran/](http://gimn.su/category/gimny-stran/). (дата обращения: 20.09.2020).
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб: Диамант, 1998. Т. 4. 688 с.
9. Longman Dictionary of Contemporary English. Burnt Mill, Harlow: Longman House, 1995. 1668 p.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
11. The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. By C. T. Onions. Oxford: Clarendon Press, 1982. 562 p. [OE].
12. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Cologne: Könnemann, 1993. 2662 p. [WTNID].

## REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. (2013). *Singularia tantum: ideologema «narod» v russkoy lingvokulture* [Singularia tantum: the ideologeme «people» in Russian language and culture]. Volgograd: Paradigma. (In Russ.).
2. Vorkachev, S. G. (2013a). *Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokulture* [Native country and alien country: the idea of patriotism in language and culture]. Moskva: Infra-M. (In Russ.).
3. Vorkachev, S. G. (2014). Intertekstualnost, pretsedentnost i lingvokulturnyy kontsept [Intertextuality, precedent and linguocultural concept]. In *Intertekstualnost i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov*. Moskva: Flinta – Nauka. Pp. 52-70. (In Russ.).
4. Vorkachev, S. G. (2020). Natsionalnyy gimn kak zhanr patrioticheskogo diskursa [National anthem as a genre of patriotic discourse]. In *Zhanry rechi*. No. 1 (25). Pp. 36-43. (In Russ.).
5. Vorkachev, S. G. (2020a). *Schaste Rodiny: patrioticheskiy diskurs (lingvokulturnye aspekty)* [Happiness of the Motherland: patriotic discourse (linguocultural aspects)]. Krasnodar: KubGTU. (In Russ.).
6. *Vse gimny mira* [All hymns of the world]. Available at: <http://gimn.su>. (accessed: 24.08.2020). (In Russ.).
7. *Gimny vsego mira so slovami, tekst, perevod* [Hymns of the whole world with words, text, translation]. Available at: [gimn.su/category/gimny-stran/](http://gimn.su/category/gimny-stran/). (accessed: 20.09.2020). (In Russ.).
8. Dal, V. I. (1998). *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: v 4-kh t. Sankt-Peterburg: Diamant. T. 4. (In Russ.).
9. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Burnt Mill, Harlow: Longman House, 1995.
10. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Macmillan Publishers Limited, 2002.
11. *The Oxford Dictionary of English Etymology* / C. T. Onions ed. Oxford: Clarendon Press, 1982.
12. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Cologne: Kōnemann, 1993.

**Воркачев Сергей Григорьевич** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков (e-mail: [svork@mail.ru](mailto:svork@mail.ru)), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» 350072, Краснодар, ул. Московская, 2

**Воркачева Елена Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (e-mail: [vorkela\\_1957@mail.ru](mailto:vorkela_1957@mail.ru)), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» 350072, Краснодар, ул. Московская, 2

**Vorkachev Sergey G.** – Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Languages Department (e-mail: [svork@mail.ru](mailto:svork@mail.ru)), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University» 2, Moskovskaya str., Krasnodar, 350072

**Vorkacheva Elena A.** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: [vorkela\\_1957@mail.ru](mailto:vorkela_1957@mail.ru)), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University» 2, Moskovskaya, Krasnodar, 350072

Поступила в редакцию 28 сентября 2020 г.

## ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ЯРЛЫКА «PUTIN-VERSTEHER» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ МАССОВОЙ ПРЕССЫ)

*В статье исследуется антропонимическая демонизация как один из эффективных методов западной пропаганды. Применяемые ярлыки подразделяются на узуальные, т. е. используемые на протяжении многих лет в качестве диффамирующей лексики, и окказиональные. Последние появляются ситуативно, в зависимости от международной политической конъюнктуры. В качестве негативного ярлыка могут быть использованы имена политиков, которые рассматриваются евроатлантической элитой как враждебные и чужеродные для «цивилизованного мира». В результате появился новый ярлык, который косвенно использовал имя Путина, «полуантропоним» – «пониматель Путина». Это буквальный перевод немецкого сложного образования – *Putin-Versteher*. С помощью данного ярлыка может дискредитироваться имя практически любого немецкого (реже другого) политика, общественного деятеля, учёного или бизнесмена.*

**Ключевые слова:** антропонимическая демонизация, ярлык «пониматель Путина», диффамирующая лексика, немецкая массовая пресса.

## APPEARANCE AND USE OF THE LABEL «PUTIN-VERSTEHER» (BASED ON GERMAN MASS-MEDIA)

*The article surveys anthroponymic demonization as one of the most effective methods of west propaganda. The applied labels are subdivided into usual, those applied as defamatory vocabulary through the years and occasional. The latter are invented corresponding to the situation and depending on the international political need. Names of political figures considered by the euroatlantic elite to be hostile and alien to «civilized world» can be used as a negative label. As a result, a new label that indirectly used the name of Putin appeared, «semyanthroponym» – «Putin-understander». This is a literal translation of the German complex term – *Putin-Versteher*. The given label may discredit the name of any German (or any other) political figure, social worker, scientist or businessman.*

**Key words:** anthroponymic demonization, label «Putin-understander», defamatory vocabulary, German mass media.

Диффамация неугодных или неудобных для Запада политиков с помощью некорректных сравнений с самыми одиозными политиками в истории человечества, т. е. своего рода *антропонимическая демонизация* является одним из наиболее «проверенных» и оправдавших себя методов западной пропаганды. Данный метод заключается в том, что на неугодного евроатлантической элите политика, бизнесмена или какую-либо медийную персону навешивается негативный дискредитирующий ярлык, т. е. происходит *политическая стигматизация*.

Используемые ярлыки подразделяются на *узуальные*, т. е. используемые на протяжении многих лет в качестве диффамирующей лексики, и *окказиональные*. Последние появляются ситуативно, в зависимости от международной политической конъюнктуры.

В качестве негативного ярлыка могут быть использованы имена политиков, которые по каким-либо причинам рассматриваются евроатлантической элитой на определённом этапе развития международных отношений как враждебные и чужеродные, не вписывающиеся в представления «цивилизованного мира».

После событий 2014 года (вооружённый конфликт на Востоке Украины и воссоединение Крыма с Россией) в немецкой прессе (в первую очередь массово-бульварной) набрала силу тенденция не прямой диффамации уже своих собственных политиков и крупных бизнесменов, которые попытались хоть каким-то образом понять и объективно объяснить политику России, т. е. В. Путина.

Эти известные политики и бизнесмены находятся в дружеских отношениях с Путиным и выступают за сотрудничество с Россией и против конфронтации с ней. Они не приняли односторонний и предвзятый подход правящей элиты ФРГ по отношению к России.

Фактически здесь речь идёт не о непосредственной атаке на Россию или президента, а о применении флангового, обходного манёвра. Образовалась своего рода дискредитирующая связка: *узуально-традиционный ярлык «Гитлер»* навешивается (прямо или косвенно) на президента Путина, а на следующем этапе уже антропоним «Путин» сам становится *дискредитирующим ярлыком*.

В результате такого развития событий появился новый ярлык, *косвенно* использующий имя *Путин*, «полуантропоним» – «*пониматель Путина*». Это буквальный перевод немецкого сложного образования *Putin-Versteher*. С помощью данного ярлыка может дискредитироваться имя практически любого немецкого (реже другого) политика, общественного деятеля, учёного или бизнесмена. При этом данное словосочетание имеет исключительно негативную коннотацию, которая создаётся в каждой статье за счёт использования различных приёмов дискредитации, включая и вербальные.

Немцы трактуют ярлык «пониматель Путина» (*PUTIN-Versteher*) следующим образом: «1) (уничижительно): тот, кто высказывает понимание или согласие с позицией российской стороны или пророссийской стороны по отношению к Восточной Украине в (гражданской) войне на Украине» («1) (*abwertend*): *jemand, der sich verständnisvoll ... oder zustimmend ... zu den Positionen der russischen Seite oder prorussischen Seite (in der Ostukraine ... im (Bürger)-Krieg in der Ukraine ... äußert*)» [Wortbedeutung].

Wikipedia (на английском) предлагает свою формулировку данного ярлыка:

«*Putinversteher* или *Putin-Versteher* является немецким политическим неологизмом и модным словом ..., которое буквально переводится как «пониматель Путина», т. е. «тот, кто понимает Путина». Это уничижительное обозначение политиков и учёных, которые с сочувствием относятся к Путину, т. е. говорят: «Да, но вы должны понять позицию Путина».

Похожим термином является «пониматель России». Он может быть также переведён как «симпатизант Путина» (*Putinversteher or Putin-Versteher is German political neologism and bussword (Putin + verstehen), which literally translates «Putin understander», i.e., «one who understands Putin». It is a pejorative reference to politicians and pundits who express empathy to Vladimir Putin, i.e., who say «yes, but you have to understand Putin's position». A similar term is Russlandversteher, «Russia understander». It may also be translated as «Putin-Emphatizer» ...*) [Wikipedia (en)].

В марте 2014 года Торе Барфусс (Thore Barfuss) опубликовал статью под названием: «Два «понимателя Путина» плывут против течения» («*Zwei Putin-Versteher bürsten gegen den Strich*». Von Thore Barfuss), в которой он комментирует ток-шоу модератора Анне Вилль (*Anne Will*) на первом канале ARD (ARD). В этом ток-шоу принимала участие и профессор Габриэле Кроне-Шмальц (*Gabriele Krone-Schmalz*), бывшая в своё время корреспондентом ARD (ARD) в Москве.

В Германии широко известны её книги: «Понять Россию. Борьба вокруг Украины и высокомерие Запада» [Krone-Schmalz, 2015], а также и другие книги, в которых она пытается дать объективную оценку России и её политике, за что она попала в число «понимателей Путина».

В своей статье Торе Барфусс в частности пишет, что Г. Кроне-Шмальц и обербургомистр Гамбурга и член социал-демократической партии Клаус фон Донаный (*Klaus von Dohnanyi*) в самом начале объяснили: «... что у них нет желания заниматься «грубой поркой» России» (*Und beide machten von Anfang an deutlich, dass sie auf plumpes Russland-Bashing keine Lust haben*).

Далее читаем в статье: «... излюбленное занятие Габриэле Кроне-Шмальц ... – подчеркнуть, насколько односторонняя информация здешних СМИ. Прежде всего, когда речь идёт о событиях, которые разрушают нашу картину о «злой» России и «хорошей» Украине: «Факты, которые нам не нравятся, объявляются российской пропагандой» (*Die Spezialität von Gabriele Krone-Schmalz ... war zu betonen, wie einseitig die hiesigen Medien berichten würden. Vor allem über Geschehnisse, die unser Bild vom «bösen» Russland und der «guten» Ukraine kaputt machen: «Fakten, die uns nicht in den Kram, passen, packen*

wir in die russische Propaganda») [Welt].

В 1991 году в ФРГ впервые была проведена акция «антислово (негативное слово) года» (*Unwort des Jahres*). Цель акции – показать случаи (зло)употребления языком для дезориентации населения. В изданном лексиконе негативных слов [*Lexikon der Unwörter*] среди прочих были выделены следующие признаки негативного слова:

1. «Намерение ввести в заблуждение, используя при этом понятия, которые в отраслях, из которых они пришли, были полностью нормальными. Однако за счёт применения в абсолютно неподходящем контексте полностью искажают подлинный смысл» [Schlosser, 2000: 8].

2. «Намерение приукрасить неприятные вещи или, по крайней мере, несколько их смягчить» [Schlosser, 2000: 9].

В 2014 году антисловом года был признан композит «**Lügenpresse**» (*лживая пресса*). В качестве одного из основных конкурентов приведённого композита выступил ярлык **Putinverstehher** (*пониматель Путина*). При этом данный ярлык чаще всех других кандидатов предлагался на присвоение титула «антислово». Однако стать «победителем» в этом конкурсе ярлыку помешал тот факт, что он содержал имя собственное. А как показывает история проведения данной акции, слова на базе антропонимов имеют плохие шансы на «победу».

Участвовал в конкурсе и, фактически, синоним ярлыка **Putinverstehher** – **Russlandverstehher** (*пониматель России*), который также не добился успеха. Причин для этого было названо две:

1. «Пониматель России» употребляет для диффамации позитивное слово «понимать»...» («Russland-Verstehher» verwende das positive Wort «verstehen» diffamierend ...) [Spiegel].

2. За использование данного ярлыка делается ответственным целиком весь народ, который как бы сужается до понятия «Putin-Verstehher», обозначающего одного автократа (*Ein ganzes Volk zudem pauschal für eine politische Richtung haftbar zu machen und es mit dem Ausdruck «Putin-Verstehher» auf einen Autokraten zu reduzieren ...*) [Wikipedia (de)].

Подробный анализ возникновения и применения ярлыка «пониматель Путина» находим в книге автора Ханнеса Хофбауэра (Hannes Hofbauer): «Россия – образ врага. История демонизации». Изд. «Промедиа», Вена, 2016» [Feindbild Russland. Geschichte einer Dämonisierung. Promedia Verlag, Wien, 2016] – «На рубеже столетий ухудшались отношения Запада к России каждые пять лет. За каждой вехой: 1999 (война НАТО против Югославии), 2003 (война в Ираке & задержание Михаила Ходорковского), 2008 (война в

Грузии) и 2013 / 14 (украинский кризис) всегда следовало политически и информационно «заряженное» настроение, которое шаг за шагом превращалось в травлю. В зависимости от качества наезда на Россию, его движущие силы рассматривают страну как целое, русских как этнос или их вождя, Владимира Путина, как достойного презрения противника, которого необходимо поставить на место. Таким образом понятие «пониматель Путина» (*Putin-Versteher*) стало ругательным словом...

Выражение «пониматель Путина», которое с самого начала подразумевалось как диффамирующее, несмотря на то, что понимание должно предшествовать любому осуждению и любому анализу, появилось параллельно с выступлениями, в которых лица, вызывающие общественный интерес, высказывались небезоговорочно враждебно о политике Москвы по отношению к событиям на Украине. Образцом травли, которая осуществлялась против тех, которые с пониманием отнеслись к сомнениям морального характера Кремля в отношении смены власти в Киеве в феврале 2014 в результате путча, является, например, статья в швейцарской газете «Тагес-Анцайгер» от 20-го марта 2014.

Её корреспондент в Германии описывает под заголовком «пониматель Путина» в высшей степени презрительно это явление. Это «странный альянс из поклонников Путина, критиков ЕС и антиамериканских злобных бюргеров», который «бесчинствует уже на протяжении многих недель», и «даже в бундестаге распространила свой основной тезис», по которому «Россия на Украине всего лишь защищает свои интересы...».

Самыми именитыми «понимателями» следует считать двух экс-канцлеров Германии и членов социал-демократической партии покойного Хельмута Шмидта и Герхарда Шрёдера.

«В течение всего 2014 года бывший канцлер ФРГ Хельмут Шмидт в своих интервью (в частности газете BILD) неоднократно заявлял о том, что с пониманием относится к политике президента Путина, за что был включён наряду с другими известными людьми в список *Putins Versteher* (понимающие Путина), который, по мнению его авторов, должен восприниматься общественностью исключительно в негативном ключе.

А в конце 2014 года (очень вовремя) появляется книга автора Sabine Pamperrien: «Helmut Schmidt und der Scheisskrieg: die Biographie 1918 bis 1945. Piper, 2014», в которой она подвергает критике «нацистское прошлое канцлера», поскольку он был в нацистской молодёжной организации Hitlerjugend и служил в качестве офицера люфтваффе (ВВС).

Эти факты биографии Хельмута Шмидта были давно известны общественности, но новая их интерпретация появилась очень уж кстати, в тот момент, когда бывший канцлер попытался, используя свой авторитет, выступить с критикой евроатлантической политики



и высказал понимание целого ряда позиций России».

Известный немецкий политолог и журналист Петер Шолл-Латур назвал в своей последней книге «Проклятие дурного поступка» словосочетание «пониматели Путина» (*Putins Versther*) «... глупейшим выражением, которое пришло на ум немецким комментаторам, чтобы диффамировать те голоса, которые требуют минимум объективности при оценке русской дипломатии ...» (*Der dümmste Ausdruck, der den deutschen Kommentatoren in den vergangenen Monaten eingefallen ist, um jene Stimmen zu diffamieren, die ein Minimum an Objektivität bei der Beurteilung der russischen Diplomatie anforderten, lautet «Putin-Versther»*) [Scholl-Latour, 2014: 18].

Следует упомянуть следующий факт: имплицитный ярлык «Путин как Гитлер» и ярлык «пониматель Путина» появились практически одновременно – в 2014 году. Исходя из математической формулы, что если каждая из двух величин равна третьей, то они равны между собой, в нашем случае получаем:

- 1) Путин действует «как Гитлер»;
- 2) «Пониматели Путина» оправдывают Путина.

Отсюда один шаг до логичного вывода: *Пониматели Путина оправдывают Гитлера*, т. е. получаем ослабленный вариант «*гитлеризации*».

Однако этот шаг, ведущий к признанию упомянутой логической цепочки, западные эксперты и СМИ (пока ещё) делать опасаются. Признание её наличия было бы явным перебором, поскольку «пониматели Путина», как правило, «серьёзные люди» из таких сфер, как политика, бизнес, искусство и экспертное сообщество, которые в этом случае смогли бы принять жёсткие ответные меры, в том числе и юридические.

«Следующим авторитетным «понимателем Путина» объявила себя госпожа Габриэле Кроне-Шмальц, бывший модератор телеканала ARD (ARD – первый немецкий канал). В своей книге под названием «Понять Россию», которая появилась в 2015 году, была сделана попытка обратить понятие с негативной коннотацией в необходимо разумное» (*Als eine weitere prominente Stimme der Putin-Versther outete sich die ehemalige ARD-Moderatorin Gabriele Krone-Schmalz. Ihr Buch mit dem Titel «Russland verstehen», 2015 erschienen, versuchte den negativ konnotierten Begriff ins notwendig Vernünftige zu drehen*) [Rubicon].

«Как обстоят дела с политической культурой страны, в которой такое понятие как «пониматель России» (*Russlandversther*) пригодно для навешивания ярлыка и дискриминации? Нет ли необходимости сначала что-либо понять, прежде чем это осуждать? Понять – не значит автоматически считать, что это хорошо. Только тот, кто

что-то понимает, улавливает взаимосвязи, знает закулисную сторону и на этом основании имеет шанс объяснить, что происходит и почему» (*Wie ist es um die politische Kultur eines Landes bestellt, in der ein Begriff wie «Russlandversteher» zur Stigmatisierung und Ausgrenzung taugt? Muss man nicht erst einmal etwas verstehen, bevor man es beurteilen kann? Verstehen heißt doch nicht automatisch für gut befinden. Wer etwas versteht, begreift Zusammenhänge, kennt Hintergründe und hat auf dieser Basis Chance zu erklären, was vorgeht und warum*) [Krone-Schmalz, 2015: 7].

«Заинтересованность США в этой части мира очевидна, но в общественной дискуссии это практически не играет никакой роли. В этом случае действует уже описанный потенциальный страх. Получить ярлык «пониматель России» (*Russlandversteher*) – уже достаточно скверно» (*Das Interesse der USA an diesem Teil der Welt liegt auf der Hand, spielt aber in der öffentlichen Diskussion kaum eine Rolle. Da wirkt das bereits beschriebene Angstpotential. Mit dem stigmatisierenden Begriff «Russlandversteher» belegt zu werden, ist schon schlimm genug ...*) [Krone-Schmalz, 2015: 155].

Известный немецкий историк и знаток России Александр Рар заявил:

«Я «пониматель Путина» – в хорошем смысле» (*Ich bin ein Putin-Versteher – im guten Sinn*). *Historiker und Russlandkenner Alexander Rar*).

«Александр Рар считается «понимателем Путина» не в последнюю очередь потому, что он как историк, политический советник и лоббист уже написал две биографии российского президента ...» (*Alexander Rahr gilt als «Putin-Vertsteher» – nicht zuletzt, weil der Historker, Politikberater und Lobbyist schon zwei Biographien über den russischen Präsidenten geschrieben hat...*) [Deutschlandfunk Kultur].

Итак, за счёт сочетаемости с вторичным ярлыком «Путин» осуществляется диффамация неудобных на данный момент для немецкой (а также евроатлантической) политической элиты и её обслуживающего персонала в лице СМИ (в нашем случае таблоида «БИЛЬД»), политиков, бизнесменов и любых других медийных персон. Кроме этого, таким способом решается и сопутствующая задача – перманентное «напоминание» всем читателям о «негативизме» самой России через её президента.

Фактически речь идёт о *методе косвенной диффамации*, так как в качестве дискредитирующего «ярлыка» для своих собственных общественно значимых персон используется имя российского президента. При этом одновременно происходит и дополнительная дискредитация последнего, поскольку таблоид пытается показать, что любой контакт с ним (и тем более дружеские отношения) должен считаться «токсичным».

Для диффамации любого официального мероприятия в стране с «неправильными выборами» и, соответственно, неправильным руководством, тут же находятся соответствующие характеристики. При этом используется политическая стигматизация, фальсификация фактов, а также и соответствующая негативно-дискредитирующая лексика.

Вероятно, авторы и исполнители диффамирующей программы «пониматели Путина» заботятся о том, чтобы дискредитация России шла одновременно по нескольким направлениям. Это напоминает военную стратегию, когда кроме направления главного (фронтального) удара, т. е. непосредственной дискредитации за счёт навешивания различных негативных ярлыков на самого Путина, дополнительно осуществляются и обходные фланговые атаки через его «понимателей».

### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Голодов А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2019. 195 с.
2. Голодов А. Г. Язык информационной войны. Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2015. 195 с.
3. Krone-Schmalz G. Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. München: Verlag C. H. Beck, 2015. 176 S.
4. Hofbauer H. Feindbild Russland. Geschichte einer Dämonisierung. Wien: Promedia Verlag, 2016. 304 S.
5. Schlosser H. D. Lexikon der UNWÖRTER. Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000. 125 S.
6. Pamperrien S. Helmut Schmidt und der Scheisskrieg: die Biographie 1918 bis 1945. Piper, 2014. 346 S.

### **СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. Deutschlandfunk Kultur. Доступ: [https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-und-russlandkenner-alexander-rahr-ich-bin-ein.970.de.html?dram:article\\_id=438224](https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-und-russlandkenner-alexander-rahr-ich-bin-ein.970.de.html?dram:article_id=438224). (дата обращения: 28.08.2020).
2. Rubicon. Доступ: <https://www.rubikon.news/artikel/die-putin-versteher>. (дата обращения: 28.08.2020).
3. Scholl-Latour P. Der Fluch der bösen Tat: Das Scheitern des Westens im Orient. Propyleän Verlag. 7. Auflage 2014. 368 S.
4. Spiegel. Доступ: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/luegenpresse-ist-unwort-des-jahres-a-1012678.htm>. (дата обращения: 28.08.2020).
5. Welt. Доступ: <https://www.welt.de/vermischtes/article125742747/Zwei-Putin-Versteher-buersten-gegen-den-Strich.html>. (дата обращения: 28.08.2020).
6. Wikipedia (de). Доступ: [https://de.wikipedia.org/wiki/Unwort\\_des\\_Jahres\\_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Unwort_des_Jahres_(Deutschland)). (дата обращения: 28.08.2020).
7. Wikipedia (en). Доступ: <https://en.wikipedia.org/wiki/Putinversteher>. (дата обращения: 28.08.2020).
8. Wortbedeutung. Доступ: <https://www.wortbedeutung.info/Putin-Versteher/>. (дата обращения: 28.08.2020).

### REFERENCES

1. Golodov, A. G. (2019). *Informationskrieg gegen Russland in der deutschen Massenmedien* [Information war against Russia in German mass media]. Ryazan: RGU im. S. A. Esenina. (In Russ.).
2. Golodov, A. G. (2015). *Die Sprache des Informationskriegs* [The language of information war]. Ryazan: RGU im. S. A. Esenina. (In Russ.).
3. Krone-Schmalz, G. (2015). *Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens*. München: Verlag C. H. Beck.
4. Hofbauer, H. (2016). *Feindbild Russland. Geschichte einer Dämonisierung*. Wien: Promedia Verlag.
5. Schlosser, H. D. (2000). *Lexikon der UNWÖRTER*. Bertelsmann Lexikon Verlag.
6. Pamperrien, S. (2014). *Helmut Schmidt und der Scheißkrieg: die Biographie 1918 bis 1945*. Piper.

### SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Deutschlandfunk Kultur*. Available at: [https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-und-russlandkenner-alexander-rahr-ich-bin-ein.970.de.html?dram:article\\_id=438224](https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-und-russlandkenner-alexander-rahr-ich-bin-ein.970.de.html?dram:article_id=438224). (accessed: 28.08.2020).
2. *Rubicon*. Available at: <https://www.rubikon.news/artikel/die-putin-versteher>. (accessed: 28.08.2020).
3. Scholl-Latour, P. (2014). *Der Fluch der bösen Tat: Das Scheitern des Westens im Orient*. Propyleän Verlag. 7. Auflage.
4. *Spiegel*. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/luegenpresse-ist-unwort-des-jahres-a-1012678.htm>. (accessed: 28.08.2020).
5. *Welt*. Available at: <https://www.welt.de/vermischtes/article125742747/Zwei-Putin-Versteher-buersten-gegen-den-Strich.html>. (accessed: 28.08.2020).
6. *Wikipedia (de)*. Available at: [https://de.wikipedia.org/wiki/Unwort\\_des\\_Jahres\\_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Unwort_des_Jahres_(Deutschland)). (accessed: 28.08.2020).
7. *Wikipedia (en)*. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Putinversteher>. (accessed: 28.08.2020).
8. *Wortbedeutung*. Available at: <https://www.wortbedeutung.info/Putin-Versteher/>. (accessed: 28.08.2020).

**Голодов Александр Георгиевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». 390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

**Golodov Aleksandr G.** – Doctor of Philology, Professor of Germanic Languages and Methods of Teaching Them Department, Head of Analytic Center for Research Technology of Information War and Counterpropaganda (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» 46 Svobody., Ryazan, 390000

Поступила в редакцию 24 сентября 2020 г.

## **ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И НАУЧНОГО СТИЛЕЙ**

*Статья посвящена рассмотрению специфики проявления экспрессивности в текстах художественного и научного стилей. Рассматривается понятие экспрессивного синтаксиса, а также выявляются особенности функционирования синтаксических средств экспрессивности в художественном и научном произведениях.*

**Ключевые слова:** экспрессивность, эмоциональность, экспрессивный синтаксис, экспрессивные конструкции, функционирование, образность, художественный стиль, научный стиль.

© 2020 I. M. Podgaiskaya, V. V. Gerba

## **SPECIFIC FUNCTIONS OF EXPRESSIVE SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN BELLES-LETTRES AND SCIENTIFIC TEXTS**

*The article deals with expressivity and the specific features of its manifestation in the texts belonging to belles-lettres and scientific styles. The notion of expressive syntax is considered, and the peculiarities of functioning of syntactic expressive means in belles-lettres and scientific texts are investigated.*

**Key words:** expressivity, emotionality, expressive syntax, expressive constructions, functioning, imagery, belles-lettres style, scientific style.

В данной статье рассматриваются функции синтаксических конструкций экспрессивного типа в текстах художественного и научного стилей.

Экспрессивность относится к наиболее активно исследуемым категориям языка, и изучение способов ее выражения в языке и речи является одной из основных проблем современной лингвистики. Как главнейший способ придания языку и речи особой выразительности экспрессивность свойственна конкретным единицам разных языковых уровней. Однако все более актуальной в современной лингвистике оказывается проблема экспрессивного синтаксиса. Интерес лингвистов к данной проблеме связан с изучением структуры текста, языковой личности как субъекта речевой деятельности, взаимоотношения говорящего и адресата, звуковых средств усиления выразительности речи и усиления ее воздействия на воспринимающего [Александрова, 1984: 7].

Исследование экспрессивных средств синтаксиса проводилось лингвистами на материале разных языков и разных функциональных стилей, учеными рассматривались проблемы экспрессивного синтаксиса в целом и анализировались отдельные синтаксические конструкции, способствующие созданию экспрессивности текста

(см., например, работы В. В. Виноградова [Виноградов, 1958], Е. М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук, 1958], О. В. Александровой [Александрова, 1984], Н. М. Разинкиной [Разинкина, 1989], Г. Н. Акимовой [Акимова, 1990], Ю. М. Скребнева [Скребнев, 2003], Э. М. Береговской [Береговская, 2004], О. А. Костровой [Кострова, 2004], Е. А. Кораблевой [Кораблева, 2008], М. Ю. Глазковой [Глазкова, 2010], Е. С. Борисовой [Борисова, 2014], Ф. С. Андросовой [Андросова, 2015], Б. А. Биджеловой [Биджелова, 2017], А. В. Громовой [Громова, 2019] и др.). Несмотря на неослабевающий интерес языковедов к проблеме экспрессивного синтаксиса, не все его аспекты на сегодняшний день получили достаточное освещение, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в этой области и об **актуальности** подобных исследований. Среди таких аспектов, например, специфика функций, выполняемых одними и теми же синтаксическими экспрессивными средствами в текстах разных функциональных стилей.

**Объектом** настоящего исследования являются английские синтаксические конструкции экспрессивного типа, **предметом** – функции, которые они выполняют в текстах художественного и научного стилей.

**Цель** работы заключается в изучении особенностей функционирования экспрессивных синтаксических конструкций в произведениях художественного и научного стилей.

**Материалом** исследования послужили роман австралийской писательницы Колин Маккалоу «Поющие в терновнике» [McCullough, 1977] и курс лекций «Слово как действие» английского философа языка Джона Остина [Austin, 1962].

Функциональный стиль представляет собой определенную систему литературного языка и является исторической категорией, поскольку в разные эпохи развития языка и культуры стили могут изменяться, развиваться, появляться и исчезать [Гальперин, 2016; Арнольд, 2002]. Выделение функциональных стилей происходит, прежде всего, на основе цели сообщения, предопределяющей их функционирование и языковые особенности. Отличительные черты каждого стиля зависят от его социального назначения и комбинации функций языка, преобладающих в акте коммуникации, а, следовательно, от сферы общения. Так, художественный стиль выполняет функцию создания словесных произведений искусства. Наиболее характерной для данного стиля функцией языка является функция воздействия. Основная функция научного стиля – в наиболее адекватной форме передавать научную и техническую информацию, а основная функция

языка, которая реализуется посредством научного стиля, – функция сообщения [Щеникова, 2017].

Вопрос сопоставления художественного и научного стилей имеет длительную историю. В разные периоды разработки теории функциональных стилей учеными исследовались противоположные характеристики этих стилей, обнаруживались их общие черты, сферы взаимодействия [Разинкина, 1989: 12-19].

К отличительным особенностям художественного и научного стилей исследователи относят такие черты, имеющие полярный характер, как:

- иносказательность, многоплановость художественного текста / однозначность, одноплановость научного текста;
- эмоциональность художественного текста / строгая логичность изложения в научном тексте;
- эстетические качества художественного текста / отсутствие эстетически мотивированных средств словесного выражения в научном тексте;
- стилистическая изобретательность в художественном тексте / стереотипный, повторяющийся характер языковых средств в научном тексте и др.

Взаимодействие художественного и научного стилей лингвостилисты обнаруживают в ряде жанров, находящихся на стыке функциональных стилей, – например, эссе, дневники ученых, исторические документальные повести, исторические романы и др.

На современном этапе изучения функциональных стилей языковеды признают, что художественная и научная проза обладают и чертами сходства, несмотря на то, что художественный и научный стили выполняют разные функции и имеют разные черты, обусловленные этими функциями. Сходными чертами являются свойственные текстам этих двух функциональных стилей образность и экспрессивность [Разинкина, 1989: 15]. Безусловно, по разнообразию, богатству и выразительным возможностям языковых средств художественный стиль является доминирующим. Вместе с тем, применение выразительных средств в научных текстах также не исключается, хотя их функции часто отличаются от функций экспрессивных средств в художественном тексте.

Определяя функции экспрессивных средств, ученые отмечают, что в научном стиле экспрессивные элементы способствуют усилению аргументированности высказывания, облегчению восприятия сложных моментов, поэтому под экспрессивностью научного стиля понимают экспрессивность акцентуации, конкретизации мыслей, логического подчеркивания, выделения, усиления аргументированной мысли автора, активизацию внимания читателя [Береговская, 2004: 22]. Для художественного текста экспрессивность

характерна как средство создания художественных образов, которые являются основой художественного текста, передачи эмоций, чувств, психологического состояния героев. При этом проявляться экспрессивность художественного и научного текстов может на разных уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом.

На уровне синтаксиса повышение выразительности и усиление эмоциональности текста происходит с помощью таких выразительных синтаксических построений, или фигур речи (по терминологии И. В. Арнольд), как инверсия, риторический вопрос, параллельные конструкции, контраст и др. [Арнольд, 2002: 89]. Кроме того, в инвентарь средств экспрессивного синтаксиса ученые включают апосиопезис, асиндетон, восклицательные предложения, обособление, парцеллированные конструкции, повтор, перечисление, парантетические внесения, полисиндетон, приемы нарастания и снижения, хиазм, эллипсис и др. [Мельничук, 2013: 36].

Экспрессивные синтаксические конструкции противопоставляются исследователями экспрессивного синтаксиса конструкциям, которые находятся в состоянии синтаксического покоя. При этом экспрессивность определяется как «свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [Береговская, 2004: 196].

Ниже рассмотрены функции таких довольно частотных в исследуемых стилях экспрессивных синтаксических средств, как стилистическая инверсия, риторический вопрос, выделение сказуемого при помощи эмфатического глагола *do* и парцеллированные конструкции.

**Стилистическая инверсия.** Данный прием заключается в изменении порядка слов в предложении с целью сделать акцент на какой-то информации. Использование инверсии всегда мотивировано целью высказывания. Она выполняет различные стилистические функции и влечет за собой изменения логического содержания или же добавляет эмоциональную окраску высказыванию.

В текстах художественного стиля с помощью инверсии выделяются элементы высказывания, важные для создания образа героя.

Например,

(1) *Never in all her life had Justine been so conscious of the redundancy of women in the lives of some men as at that moment, walking into a world where women simply had no place except as humble nun servants* [McColough, 1977: 251]. ‘Никогда еще Джастина так остро не



сознавала, что есть мужчины, в чьей жизни женщинам нет места. В эти минуты она вступила в мир, куда женщины допускались лишь как смиренные прислужницы-монахини' [Маккалоу: 330].

В данном контексте инверсия используется для передачи эмоциональных переживаний героини, которая не может поверить в то, что ее брат Ден решил стать священником. Героиня не может смириться с этим, начиная понимать, что существуют мужчины, которым до женщин нет никакого дела, которые могут легко отказаться от любви к женщине ради любви к Богу.

(2) *Out came the old atlas; poor though the Clearys were, there were several shelves of books behind the kitchen dining table* [McColough, 1977: 34]. 'Вытащили старый географический атлас; хотя семья и жила в постоянной нужде, но на кухне позади обеденного стола имелось несколько полок с книгами' [Маккалоу: 44].

Функция инверсии в данном примере заключается в том, чтобы эмоционально выделить слово *poor* 'бедный', подчеркивающее такое качество героев, как стремление к знаниям. Даже несмотря на то, что Клири жили достаточно бедно и не всегда могли позволить себе такую роскошь, как купить новую книгу, в доме были хоть какие-то книги и газеты, которые так любил читать Пэдди после тяжелого рабочего дня.

Целью использования инвертированного порядка слов в научном тексте является выделение наиболее важной с точки зрения автора информации.

Например,

(3) *First came the view, not always formulated without unfortunate dogmatism, that a statement ought to be 'verifiable', and this led to the view that many 'statements' are only what may be called pseudo-statements* [Austin, 1962: 2]. 'Вначале возникло мнение, зачастую формулировавшееся слишком догматически, что утверждение (факта) должно быть «верифицируемым», а из этого следовало, что многие «утверждения» на проверку оказываются не более чем псевдоутверждениями [НЗЛ, 1986: 24].

В примере (3) использованная автором инверсия следует после обстоятельства, указывающего на очередность. В результате этой инверсии подлежащее *view* 'мнение' становится ремой высказывания. Помещение его в конечную, сильную позицию концентрирует в нем новизну высказывания с достижением максимальной коммуникативной нагрузки. Такой порядок слов подчеркивает тот факт, что первоначально сущность утверждения формулировалась философами и лингвистами довольно догматически.

(4) *At a more sophisticated level, perhaps, comes the use of the special verbal device of the connecting particle; thus we may use the particle 'still' with the force of 'I insist that'; we use 'therefore' with the force of 'I conclude that'; we use 'although' with the force of 'I concede that'* [Austin, 1962: 75]. 'Использование такого специфического словесного средства, как связующая частица, появляется уже на более высоком уровне; так, частица «все-таки» может быть эквивалентна по выражаемой ею силе высказыванию «Я настаиваю, что»; «поэтому» может иметь силу выражения «Я делаю вывод, что»; «хотя» может иметь силу выражения «Я допускаю, что»' [НЗЛ, 1986: 71].

В примере (4) инверсии подвергается подлежащее *the use of the special verbal device of the connecting particle*, которое следует за сказуемым *comes*. Автор применяет в данном предложении инвертированный порядок слов с целью выделить именно связующие частицы среди других многочисленных речевых средств, которые могут перейти в механизм эксплицитного перформатива.

**Риторический вопрос.** Употребление риторических вопросов в речи популярно по причине того, что риторический вопрос не теряет признаков вопроса, так как в нем реализуются как синтаксическое значение вопроса, так и значение утверждения. Подобные вопросительные предложения, не требующие ответа, всегда экспрессивны и эмоционально окрашены.

Например,

(5) *My God, my God, I am Thine! If this is Thy will, so be it. Like a child I put myself into Thy infinite hand. Thou art too good to me. What have I done to deserve so much from Thee, and from the people who love me better than they love anyone else? Why hast Thou given me so much, when I'm not worthy? The pain, the pain! Thou art so good to me* [McColough, 1977: 277]. 'Господь мой. Господь, я – твой. Если на то воля твоя, да будет так. Как младенец, в руки твои предаюсь. Ты слишком добр ко мне. Что я сделал, чем заслужил столько милостей от тебя и от людей, которые любят меня, как никого другого? Почему ты даровал мне так много, раз я недостоин? Больно, больно! Ты так добр ко мне, Господи' [Маккалоу: 365].

Приведенный пример является обращением Дэна, сына Мэгги и Ральфа, к Господу. Несмотря на то, что герой находится на краю гибели, он благодарит Господа за дарованную ему жизнь. Он не противится его воле, а покорно повинуется, принимая смерть. Риторический вопрос в данном фрагменте вместе с другими экспрессивными средствами выполняет функцию передачи эмоционального состояния героя, вызывая сострадание у читателя.

В научных текстах риторический вопрос также широко используется. Целью его применения является привлечение внимания воспринимающего текст к тому или иному явлению. Например,

(6) *Doubtless, too, both grammarians and philosophers have been aware that it is by no means easy to distinguish even questions, commands, and so on from statements by means of the few and jejune grammatical marks available, such as word order, mood, and the like: though perhaps it has not been usual to dwell on the difficulties which this fact obviously raises. For how do we decide which is which? What are the limits and definitions of each?* [Austin, 1962: 2]. ‘И нет никакого сомнения в том, что те и другие прекрасно представляли себе, насколько трудно отграничить утверждения даже от вопросов, повелений и т.п. с помощью скудных средств, которыми располагает грамматика, – таких, например, как порядок слов, наклонение и пр. Однако останавливать внимание на трудностях, немедленно возникающих в связи с этим наблюдением, не было принято. В самом деле, как решить, что есть что? Каковы границы и определения в каждом отдельном случае?’ [НЗЛ, 1986: 24].

Вводя читателей в курс проблемы, автор вступает с ними в разговор, обращаясь к ним с помощью личного местоимения первого лица множественного числа *we* ‘мы’. Таким образом, он привлекает их внимание к сути проблемы и одновременно вовлекает их в совместный научный процесс. Используя риторические вопросы, автор объясняет, почему грамматисты и философы, всегда понимая, что отграничить утверждения от вопросительных и повелительных предложений трудно, не уделяли должного внимания этой проблеме.

Для научной речи также характерны вопросно-ответные комплексы, являющиеся результатом влияния разговорной речи. В художественном тексте в разговорной речи персонажей вопрос необходим непосредственно для общения, в научном же тексте он приобретает статус экспрессивного средства, сосредоточивая внимание читателя на каком-либо утверждении, активизируя его внимание и мышление. Такие комплексы исследователи называют несобственно-риторическими вопросами. Их появление в научном тексте связывают с тем, что «автор научного произведения как бы предугадывает возможные вопросы аудитории, пытается их сформулировать и сам же на них отвечает» [Дашкова, 2013: 38]. В результате использования несобственно-риторических вопросов в научном тексте создается эффект присутствия автора, устанавливается контакт между автором и читателем, активизируется внимание читателя, который вовлекается в активный процесс рассуждения.

Например,

(7) *When I say, before the registrar or altar, etc., ‘I do’, I am not reporting on a*

*marriage: I am indulging in it. What are we to call a sentence or an utterance of this type?* [Austin, 1962: 6]. ‘Когда я говорю перед чиновником, алтарем и т.п. «Да» (I do), я не сообщаю о бракосочетании, я участвую в его совершении. Как нам следует назвать предложение или высказывание такого типа?’ [НЗЛ, 1986: 27].

Далее сразу же следует ответ автора: *I propose to call it a performative sentence or a performative utterance, or, for short, ‘a performative’* [Austin, 1962: 6]. ‘Я предлагаю название *перформативное предложение*, или перформативное высказывание, или для краткости «перформатив»’ [НЗЛ, 1986: 27]. В данном контексте несобственно-риторический вопрос является средством введения нового понятия, предложенного самим автором научного текста.

**Конструкция с эмфатическим глаголом *do*.** Усилительное *do* служит для выделения того или иного члена предложения и употребляется в утвердительных и повелительных предложениях в сочетании с инфинитивом смыслового глагола. Стоит отметить, что прямой порядок слов в предложении сохраняется.

Например,

(8) *«It was the only thing I could do to show you that I do care»* [McColough, 1977: 222]. ‘Только этим я и мог доказать вам, как близко к сердцу я все принимаю’ [Маккалоу: 291].

Это высказывание принадлежит одному из главных героев произведения «Поющие в терновнике» кардиналу Ральфу де Брикассару, который был очень близок семье Клири, всегда искренне переживал за них и старался помочь. Он сообщает Фиа, что ее сына Фрэнка спустя долгие годы тюремного заключения условно освобождают. И происходит это именно благодаря Ральфу. Передать то, что судьба семьи Клири была небезразлична кардиналу, автору удается благодаря использованию эмфатической конструкции с глаголом *do*, которая способствует концентрации внимания читателя именно на этой части предложения, тем самым выделяя ее.

В тексте научного дискурса эмфатический глагол *do* также выполняет функцию концентрации внимания читателя на определенной части высказывания. Например:

(9) *Moreover, we do not speak of a false bet or a false christening; and that we do speak of a false promise need commit us no more than the fact that we speak of false move* [Austin, 1962: 11]. ‘Более того, мы не говорим о ложном пари или ложном крещении. И если уж все-таки мы *говорим* иногда о ложном обещании, это обязывает нас не больше, чем, например, о ложном движении’ [НЗЛ, 1986: 30].

В примере (9) использование конструкции с эмфатическим глаголом *do* (*we do speak*) позволяет автору четко противопоставить то, о чем люди говорят (*do speak*) и о чем не говорят (*do not speak*), используя слово *false* ‘ложный’.

**Парцелляция.** Рассматриваемый стилистический прием заключается в расчленении целостной структуры предложения на несколько интонационно-смысловых единиц с целью усиления изобразительности, выделения той или иной части высказывания.

Изобразительная функция парцелляции в художественном произведении заключается в художественной конкретизации того, что изображается, с целью выделения важных, по мнению автора, моментов.

Например,

(10) *What had she said to Anne? That her wants and needs were quite ordinary – a husband, children, a home of her own. Someone to love* [McColough, 1977: 170]. ‘Нужно ей и хочет она всего самого обыкновенного – чтоб были муж, дети, свой дом и кто-то, кого любишь!’ [Маккалоу: 222].

Автор в данном примере акцентирует внимание на том, что Мэгги необходим человек, которого бы она просто любила, не требуя что-либо взамен. Данный синтаксический прием также указывает на психологическое состояние героини – одиночество.

В научных текстах парцеллированные конструкции лишены какого-либо эмоционального значения. Их основной функцией является перераспределение информативной нагрузки частей предложения.

(11) *The uttering of noises may be a consequence (physical) of the movement of the vocal organs, the breath, &c.: but the uttering of a word is not a consequence of the uttering of a noise, whether physical or otherwise. Nor is the uttering of words with a certain meaning a consequence of uttering the words, whether physical or otherwise* [Austin, 1962: 114].

‘Произнесение звуков может быть физическим следствием движения органов речи, дыхания и т. п., но произнесение слова ни в физическом, ни в ином смысле *не* является следствием производства звука. И произнесение слов с определенным значением не является ни физическим, ни иным *следствием* произнесения слов’ [НЗЛ, 1986: 95].

В примере (11), используя парцелляцию, автор подчеркивает, что произнесение слов вообще и слов с определенным значением не является следствием физического движения органов речи. Это утверждение позволяет автору объяснить отказ от представления об иллокутивном акте как последствии локуции даже несмотря на распространенное мнение, что для осуществления иллокутивного акта необходимо прежде совершить локутивный акт, то есть произнесение звуков, которое является физическим движением.

Таким образом, в результате проведенного анализа экспрессивных синтаксических конструкций и функций, которые они выполняют в текстах художественного и научного стилей, можно сделать следующие **выводы**:

1. В текстах художественного стиля экспрессивность на уровне синтаксиса характеризуется определенной эмоциональностью, в то время как в научных текстах она носит более рациональный характер.

2. Сопоставительный анализ функций, которые выполняют рассмотренные в статье синтаксические средства экспрессивности в художественном и научном стилях, показывает, что одно и то же синтаксическое средство экспрессивного типа может выполнять в двух стилях одинаковую функцию, разные функции или являться специфическим для одного из стилей.

3. Одинаковую функцию в проанализированных текстах художественного и научного стилей выполняет эмфатическая конструкция с глаголом *do*. Она позволяет автору текста концентрировать внимание читателя на основных моментах высказывания.

4. Разные функции в текстах двух стилей выполняют стилистическая инверсия, риторический вопрос и парцелляция.

4.1. Инвертированный порядок слов в художественном произведении используется для характеристики персонажей, описания их эмоционального состояния, в научном тексте функцией данного синтаксического средства является выделение наиболее важной информации.

4.2. Функция риторического вопроса в художественном стиле заключается в раскрытии внутреннего мира героя, демонстрации его чувств и эмоций, в то время как в научном стиле риторический вопрос используется для активизации внимания читателя, вовлечения его в совместный научный процесс.

4.3. Парцелляция в художественном произведении служит для выделения важных для создания художественного образа деталей, в научном же тексте – для повышения информативности высказывания.

5. Характерным только для научного стиля является несобственно-риторический вопрос. Главная функция этого экспрессивного синтаксического средства заключается в создании эффекта присутствия автора текста, установлении контакта с читателем для активизации его внимания и мышления.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высш. шк. 1990. 168 с.
2. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. Москва: Высш. шк. 1984. 211 с.
3. Андросова Ф. С. Функционально-стратегический потенциал авторских пунктуационных знаков в художественном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 Кемерово. 2015. 25 с.
4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва: ФЛИНТА: Наука. 2002. 384 с.
5. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. Москва: Рохос. 2004. 180 с.
6. Биджелова Б. А. Специфика употребления экспрессивных синтаксических конструкций в поэтическом тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ. 2017. № 4. С. 151-157.
7. Борисова Е. С. Несобственно-прямая речь в итальянском нарративе XIX-XXI вв: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Москва. 2014. 23 с.
8. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. Москва: Изд-во МГУ, 1958. 174 с.
9. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 1958. С. 103-124.
10. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств. Москва: URSS, 2016. 376 с.
11. Глазкова М. Ю. Экспрессивный синтаксис в современной публицистике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону. 2010. 22 с.
12. Громова А. В. Синтаксис как средство понимания содержательности текста при переводе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2019. 16 с.
13. Дашкова С. Ю. Риторический вопрос в структуре аргументативного высказывания (в научно-учебном тексте) // Вестник КемГУ. Филология. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 36-40.
14. Кораблева Е. А. Экспрессивные синтаксические средства создания рекламного текста на английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2008. 25 с.
15. Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. Москва: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. 240 с.
16. Мельничук О. А. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. Якутск: Издательский дом СВФУ. 2013. 195 с.
17. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика английского языка. Москва: Высшая школа, 1989. 182 с.
18. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. Москва: ООО «Издательство Астрель», 2003. 221 с.
19. Щеникова Е. В. Функциональные стили. 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. 80 с.

### СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Маккалоу Колин. Поющие в терновнике. Доступ: [https://royallib.com/book/makkolou\\_kolin/poyushchie\\_v\\_ternovnike\\_anglyskiy\\_i\\_russkiy\\_parallelnie\\_teksti.html](https://royallib.com/book/makkolou_kolin/poyushchie_v_ternovnike_anglyskiy_i_russkiy_parallelnie_teksti.html). (дата обращения: 10.10.2020).
2. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. 422 с. [НЗЛ]

3. Austin J. L. How to do things with words. Oxford University Press, 1962. 174 p.
4. McColough Colleen. The Thorn Birds. 1977. 692 p.

#### REFERENCES

1. Akimova, G. N. (1990). *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New Aspects in Modern Russian Syntax]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Aleksandrova, O. V. (1984). *Problemy ekspressivnogo sintaksisa* [Issues of expressive syntax]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
3. Androsova, F. S. (2015). *Funktsionalno-strategicheskiy potentsial avtorskikh punktuatsionnykh znakov v khudozhestvennom diskurse* [Functional-strategic potential of author's punctuation marks in the belles-lettres discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kemerovo. (In Russ.).
4. Arnold, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics of Modern English]. Moskva: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
5. Beregovskaya, E. M. (2004). *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax]. Moskva: Rokhos. (In Russ.).
6. Bidzhelova, B. A. (2017). Spetsifika upotrebleniya ekspressivnykh sintaksicheskikh konstruktsiy v poeticheskom tekste [Specificity of the use of expressive syntactic constructions in the poetic text] In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. Vladikavkaz. No. 4. Pp. 151-157. (In Russ.).
7. Borisova, E. S. (2014). *Nesobstvenno-pryamaya rech v italyanskom narrative XIX-XXI vv.* [Free indirect discourse in the Italian narrative of the XIX-XXI centuries]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Moskva. (In Russ.).
8. Vinogradov, V. V. (1958). *Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa* [From history of Russian syntax study]. Moskva: Izdatelstvo MGU. (In Russ.).
9. Galkina-Fedoruk, E. M. (1958). Ob ekspressivnosti i emotsionalnosti v yazyke [On expressivity and emotionality in the language] In *Sbornik statey po yazykoznaniiyu*. Moskva: Izdatelstvovo Moskovskogo universiteta. Pp. 103-124. (In Russ.).
10. Galperin, I. R. (2016). *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka: Opyt sistematizatsii vyrazitelnykh sredstv* [Essays on Stylistics of the English language: Classification Approach to Expressive Means]. Moskva: URSS. (In Russ.).
11. Glazkova, M. Yu. (2010). *Ekspressivnyy sintaksis v sovremennoy publitsistike* [Expressive syntax in modern journalism]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
12. Gromova, A. V. (2019). *Sintaksis kak sredstvo ponimaniya sodержatel'nosti teksta pri perevode* [Syntax as a means of text understanding in the process of translation]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Tver. (In Russ.).
13. Dashkova, S. Yu. (2013). Ritoricheskiy vopros v strukture argumentativnogo vyskazyvaniya (v nauchno-uchebnom tekste) [Rhetorical questions in the structure of argumentative statements (in scientific and academic texts)] In *Vestnik KemGU. Filologiya*. No. 2 (54). T. 2. Pp. 36-40. (In Russ.).
14. Korableva, E. A. (2008). *Ekspressivnye sintaksicheskie sredstva sozdaniya reklamnogo teksta na angliyskom yazyke* [Expressive syntactic means of creating advertising texts in English]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
15. Kostrova, O. A. (2004). *Ekspressivnyy sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* [Expressive syntax of Modern German]. Moskva: Flinta: Moskovskiy psikhologo-sotsialnyy institut. (In Russ.).



16. Melnichuk, O. A. (2013). *Khudozhestvennyy diskurs: sintaksis, ekspressivnost, strategii* [Belles-lettres discourse: syntax, expressiveness, strategies]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Russ.).
17. Razinkina, N. M. (1989). *Funktsionalnaya stilistika angliyskogo yazyka* [Functional stylistics of English]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
18. Skrebnev, Yu. M. (2003). *Osnovy stilistiki angliyskogo yazyka* [Fundamentals of English stylistics]. Moskva: Izdatelstvo Astrel. (In Russ.).
19. Shchenikova, E. V. (2017). *Funktsionalnye stili* [Functional styles]. Moskva: FLINTA: Nauka. (In Russ.).

#### **SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL**

1. Makkalou Kolin. *Poyushhie v ternovnike* [The Thorn Birds]. Available at: [https://royallib.com/book/makkolou\\_kolin/poyushchie\\_v\\_ternovnike\\_angliyskiy\\_i\\_russkiy\\_parallel\\_nie\\_teksti.html](https://royallib.com/book/makkolou_kolin/poyushchie_v_ternovnike_angliyskiy_i_russkiy_parallel_nie_teksti.html). (accessed: 10.10.2020). (In Russ.)
2. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XVII. Teoriya rechevykh aktov* [New aspects in foreign linguistics. Issue XVII. Speech act theories]. Moskva: Progress, 1986. (In Russ.)
3. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford University Press.
4. McColough Colleen. (1977). *The Thorn Birds*.

**Подгайская Ирина Михайловна** – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода (e-mail: i.podgaiskaya@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

**Podgaiskaya Irina M.** – Candidate of Philology, Head of Translation Studies Department (e-mail: i.podgaiskaya@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

**Герба Виктория Викторовна** – студентка магистратуры кафедры теории и практики перевода (e-mail: gerba\_v@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

**Gerba Viktoriya V.** – Master Degree Student of Translation Studies Department (e-mail: gerba\_v@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

*Поступила в редакцию 12 ноября 2020 г.*

## ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АГРЕССИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

*В статье анализируются проявления речевой агрессии в американском политическом дискурсе на примере политических выступлений 44-го и 45-го президентов США, Барака Обамы и Дональда Трампа соответственно. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что речевая агрессия в американской политической коммуникации является следствием агональности политического дискурса и реализуется с помощью обширного круга лингвостилистических и грамматических средств, а также коммуникативных стратегий и тактик, ведущими среди которых являются: дистанцирование, обвинение, критика и угроза.*

**Ключевые слова:** *политический дискурс, политический язык, политическая коммуникация, коммуникативные стратегии и тактики.*

© 2020 I. V. Fatyanova

## VERBAL MEANS OF SPEECH AGGRESSION EXPLICATION IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XXI-ST CENTURY

*The article analyzes language and speech aggression manifestation in the American political discourse. The study is based on the political speeches by the 44-th and 45-th US Presidents, Barack Obama and Donald Trump respectively. The analysis showed that the language and speech aggression in the American political discourse is the result of agonal nature of political discourse. As the study suggests, the speech aggression in American political discourse is achieved by a wide range of linguistic, stylistic and grammar means of expression as well as communicative strategies and tactics of distance, blame, critics and threat.*

**Key words:** *political discourse, political language, political communication, communicative strategies and tactics.*

Актуальность работы связана с возрастающим интересом к исследованию речевых средств реализации агрессии в разных типах дискурса, а именно в политической коммуникации, т. к. речь в политике является одним из главных инструментов влияния и борьбы за власть. Пристальное внимание лингвистов к политическому дискурсу (далее – ПД) определяется, прежде всего, в системе когнитивно-дискурсивных приоритетов.

ПД рассматривается как неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований [Hacker, 1996]. В то же время дискурс определяют в большинстве случаев как мощный властный ресурс, посредством которого социальные институты и индивиды осуществляют саморепрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, производят

позиционирование в социокультурном и политическом пространстве [Фуко, 1996: 74]. Основным критерием квалификации коммуникации как политической является ее содержание и цель. Цель политической коммуникации (далее – ПК) – борьба за власть, а содержание сводится к публичному обсуждению вопросов власти. Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом этой сферы общения [Шейгал, 2004: 5]. Выделяют такое свойство ПД как «агональность», которое понимается как состязание, борьба двух идей [Михальская, 1996: 68].

Речевая агрессия как явление современной действительности изучается с позиций различных наук, таких, как лингвистика, социология, политология, психология, юриспруденция, философия. В области ПК феномен агрессии стал рассматриваться относительно недавно. Интерес лингвистов связан с тем, что речевое воздействие в политике является один из основополагающих инструментов, поскольку ни один политический режим не может существовать без ПК. Изучение агрессии в русле антропоцентрической лингвистики невозможно без привлечения психологической стороны данного вопроса. Таким образом, для дальнейшего исследования речевых средств выражения агрессии рассмотрим этот феномен в рамках психологии. Обратимся к словарному определению понятия вербальная агрессия, представленному в «Большом психологическом словаре»: «Агрессия (от лат. *aggressio* – нападение) – мотивированное разрушительное поведение, идущее вразрез с нормами сосуществования людей в обществе, наносящее урон объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.) [Мещеряков, 2004: 41].

Психология агрессии рассмотрена в книге «Агрессия» Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон, по словам которых «агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрон, Ричардсон, 2001: 26]. «... Агрессия, в какой бы форме она ни проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного с собой обращения. Данное комплексное определение включает в себя следующие частные положения: 1) агрессия обязательно подразумевает преднамеренное, целенаправленное причинение вреда жертве; 2) в качестве агрессии может рассматриваться только такое поведение, которое подразумевает причинение вреда или ущерба живым организмам;

3) жертвы должны обладать мотивацией избегания подобного с собой обращения» [Бэрн, Ричардсон, 2001: 53].

Обобщая вышеуказанные определения, можно сказать, что поступок или действие считается агрессивным, если носит целенаправленный характер, подразумевающий нанесение вреда жертве агрессии, а также направлено на объект или субъект, не желающий подобного с собой обращения.

В психологии различают следующие виды агрессии: 1) физическая, которая подразумевает нанесение телесных повреждений жертве, вплоть до физического уничтожения; 2) вербальная – ориентирована на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. д.); 3) прямая – непосредственно направленная против кого-либо или чего-либо; 4) косвенная – непрямо направленная на враждебное лицо; 5) инструментальная – являющаяся средством достижения какой-либо цели; 6) альтруистическая – имеющая целью защитить других от чьих-то агрессивных действий, 7) аутоагрессия, которая проявляется в самообвинении, самоуничтожении, нанесении себе телесных повреждений вплоть до самоубийства [Бэрн, Ричардсон, 2001: 83]. Также существуют классификации агрессии по основаниям, по степени осознанности субъекта, интенсивности проявления, направленности агрессии, характера выраженности, количеству участников ситуации общения и др.

Принимая во внимание вышесказанное, следует привести слова Э. Фромма, который употребляет слово «агрессия» лишь в отношении поведения, связанного с самообороной, с ответной реакцией на угрозу, приходя в конечном счете к понятию доброкачественной агрессии. А специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия) он выделяет в особую группу и называет словами «деструктивность» и «жестокость» [Фромм, 2009: 9].

Исходя из этих постулатов, проявление речевой агрессии непосредственно связано с социальными, коммуникативными, социокультурными и психологическими аспектами.

По словам К. Ф. Седова, «агрессия связана со стремлением к преодолению чувства неполноценности, к достижению ощущения превосходства путем самоутверждения за счет партнера по социальному взаимодействию» [Седов, 2005: 87-103].

Таким образом, речевая агрессия проявляется в грубом, оскорбительном словесном выражении негативных чувств или намерений в неприемлемой речевой форме, другими словами, при помощи инвективной лексики. Отметим, что инвективное общение

подразумевает отрицательную оценку личности, насмешливую интонацию, грубую иронию, неприличные намеки, повышенную тональность речи.

Так, по замечанию В. И. Жельвиса, «в основе инвективного общения лежит стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Кроме того, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [Жельвис, 1990: 23].

Таким образом, агрессия – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.). Внутривидовая агрессия является инстинктом, выработанным и закрепленным в процессе эволюции, однако при современной организации социума агрессивность противоречит основным нравственно-этическим постулатам цивилизованного общества.

Речевая агрессия становится предметом детального изучения в различных областях лингвистики – таких, как политическая лингвистика, медиалингвистика, эколингвистика, прагмалингвистика, юрислингвистика, когнитивная лингвистика и др., в связи с чем можно встретить различные термины. Наравне со словосочетанием «речевая агрессия» в лингвистике используются такие термины, как «вербальная агрессия», «коммуникативная агрессия», «язык вражды», «язык насилия», «дискурс ненависти», «язык агрессии», «словесный экстремизм». Необходимо отметить, что термин «речевая агрессия» – наиболее подходящий, так как вербальная агрессия является психологическим термином.

Лингвистический подход к изучению речевой агрессии подчеркивает исключительно важное значение исследования ее вербальных средств выражения, в связи с чем агрессия характеризуется как «использование языковых средств для выражения недружелюбия, враждебности, как манера речи, задевающая самолюбие, достоинство человека» [СЭСРЯ, 2006: 340].

И. Б. Лазебная отмечает, что «речевой акт агрессии осуществляет регулятивную функцию языка и является способом речевого воздействия говорящего на адресата, сфокусированного на изменении в его деятельностной или эмоциональной сферах, обращенного к чувству страха или опасения у адресата. Языковая агрессия характеризуется наличием речевой интенции агрессии, которая в свою очередь может быть выражена как вербальными, так и невербальными средствами. Способы проявления речевой агрессии (обвинение, упрек, грубый отказ, грубое требование, угроза, насмешка,

клевета, брань), которые представлены через прямые и косвенные средства, характеризуются многообразием и могут быть направлены как на рациональное, так и на эмоциональное или волевое воздействие говорящего на адресата» [Лазебная, 2007].

Т. А. Воронцова рассматривает феномен речевой агрессии с точки зрения прагматического подхода. В коммуникативной прагмалингвистике речевая агрессия рассматривается как средство речевого воздействия, так как, во-первых, воздействие является одной из основных функций языка, а, во-вторых, это одностороннее эмоциональное негативное влияние на адресата. По мнению Т. А. Воронцовой, «установка адресанта на то, что его точка зрения должна быть принята адресатом беспрекословно», является главным свойством речевой агрессии [Воронцова, 2006: 18].

А. П. Сковородников обращает внимание на то, что «речевая агрессия – неаргументированное или недостаточно аргументированное открытое или скрытое речевое воздействие на адресата, целенаправленное на изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и так далее) или неудачу в полемике» [Сковородников, 1997].

Джон Остин пишет о том, что «акт вербальной агрессии в более широком смысле можно определить как деликт (*delictum* – от лат. «поведение против закона») – нарушение поведенческих норм; поведение, которое считается предосудительным, синонимами которого в разных ситуациях выступают такие понятия, как промашка, проступок, провинность, прегрешение, преступление, грех, вина» [Остин, 1986].

Речевую агрессию можно рассматривать и как конфликтное речевое поведение с установкой на негативное воздействие на адресата: «Речевая агрессия может проявляться в рамках любого типа общения (межличностного, группового, массового) и любого дискурса, независимо от его временных и национальных факторов» [Глебов, 1999: 56].

По словам Б. Я. Шарифуллина, «с эколингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т. п.) представляют собой формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на принижение и даже уничтожение языковой личности адресата, на его безропотность, манипуляцию в интересах адресанта» [Шарифуллин, 2004: 120].

Таким образом, анализ научной литературы по изучаемой проблеме позволяет утверждать, что на сегодняшний день в лингвистике отсутствует единое понимание термина «речевая агрессия». В различных областях лингвистики приводятся следующие определения понятия «речевая агрессия»: в прагмалингвистике речевая агрессия рассматривается как

способ речевого воздействия, так как, с одной стороны, воздействие является основной функцией языка наряду с функциями общения и сообщения, а с другой стороны – это однонаправленное эмоциональное негативизирующее воздействие на адресата; в эколоингвистике и юрислингвистике приводятся схожие определения, в которых речевая агрессия подразумевает под собой вербальное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в такой форме, которая неприемлема в данной речевой ситуации.

В лингвистике речевая агрессия понимается как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Карякин, 2010]. В рамках данного исследования речевая агрессия рассматривается как способ речевого воздействия. Используя речевую агрессию, адресант делает ставку на эмоциональное воздействие на адресата, считая, что его позиция будет принята адресатом безоговорочно [Карякин, 2010].

Целью настоящего исследования является характеристика морфологических, лексических, синтаксических и стилистических средств выражения агрессии, а также коммуникативных стратегий и тактик выражения агрессии на материале американского ПД XXI века. Материалом исследования выступают 500 фрагментов ПД, а именно политических выступлений Барака Обамы и Дональда Трампа, 44-го и 45-го президентов США соответственно. Представляется возможным произвести тематическую классификацию политических выступлений каждого из американских президентов, а именно выступлений, посвященных внутренней и внешней политике, войне и терроризму, экономике, миграции, проблемам системы здравоохранения и образования, кибербезопасности.

Проведя исследование тематики выступлений Б. Обамы и Д. Трампа, приходим к выводу, что большое количество политических выступлений двух последних президентов США, в которых реализуется речевая агрессия, посвящены внутренней и внешней политике, кроме того, особого внимания заслуживают речи, посвященные государственной безопасности и противодействию терроризму, а также речи, посвященные военным действиям на территории других государств, в которых военные США принимают активное участие; экономические и миграционные проблемы также привлекают особое внимание политиков. Менее «агрессивными» темами для политических выступлений являются проблемы, связанные с системой здравоохранения и образования, кибербезопасность.

Проведя исследование американского ПД XXI века, были выделены лексические средства выражения агрессии в политической риторике Б. Обамы и Д. Трампа, среди которых: негативно оценочная лексика, фразеологические единицы с негативной коннотацией и сленгизмы. В таблице 1 приведены полученные количественные данные.

Таблица 1. *Лексические средства выражения агрессии в американском ПД XXI века*

<b>Лексические средства выражения агрессии</b>	<b>Кол-во ед.</b>	<b>%</b>	<b>Пример</b>
1. Негативно оценочные прилагательные	114	32	<i>Less than one year ago, American warriors took out the <u>savage</u> killer and leader of ISIS, al-Baghdadi. Soon after, our warriors ended the <u>brutal</u> reign of the Iranian butcher who murdered thousands of American service members [Trump, 2020].</i>
2. Негативно оценочные глаголы	85	24	<i>Two police officers were <u>trapped</u> beneath 20 feet of rubble. Jason and Dave dug for hours on end, knowing that at any moment the wreckage could <u>come down</u> on them, <u>crushing</u> them alive [Trump, 2020].</i>
3. Негативно оценочные существительные	69	19	<i>On September 11th, Jason had just retired from the Marines, but he immediately put back on his uniform and raced into the <u>nightmare of ash and debris</u> [Trump, 2020].</i>
4. Негативно оценочные наречия	44	12	<i>For there should be no doubt that so long as I am President, the United States will <u>never</u> tolerate a safe haven for those who aim to kill us [Obama, 2008].</i>
5. Фразеологизмы с негативной коннотацией	35	10	<i>The human traffickers, the lowest scum on Earth. <u>The lowest scum on Earth</u> [Trump, 20186].</i>
6. Сленгизмы	10	2	<i>But I think having a <u>fake</u> hearing like that, and having it in the middle of this very important summit is really a terrible thing [Trump, 2019].</i>
7. Жаргонизмы	2	1	<i>Collectively known as — as an example, <u>catch-and-release</u> [Trump, 2018].</i>
<b>Всего:</b>	<b>359</b>	<b>100</b>	

Принимая во внимание полученные данные, можно констатировать, что негативно оценочная лексика является наиболее продуктивным способом реализации речевой агрессии в ПД. Так, например, фразеологические единицы нередко встречаются в политических выступлениях Б. Обамы и Д. Трампа. Идиомы выполняют важную организационную функцию – будучи правильно подобранными, они оказывают эмоциональный эффект и вызывают желаемую реакцию. Так, использование идиоматических выражений встречается в пресс- конференции, где Б. Обама отвечал на вопросы, связанные с введением войск в Сирию и другими актуальными проблемами 30 апреля 2013 года: *Obviously, old habits die hard; there are still suspicions sometimes between our intelligence and law enforcement agencies that date back 10, 20, 30 years, back to the Cold War* [Obama, 2013]. ‘Очевидно, что привычки остаются навсегда; до сих пор существует настороженность у нашей разведки и правоохранительных органов, которые восходят к Холодной войне’. Описывая отношения США и России, президент США



ссылается на исторические факты – такие, как холодная война, гонка вооружений, наличие «железного занавеса» и т. п., а именно факты, подчеркивающие состояние соперничества между этими двумя странами и их многолетние напряженные отношения.

К грамматическим средствам выражения речевой агрессии в английском языке относим модальные глаголы со значением долженствования / принуждения, такие, как *must, have to, ought to*; местоимения *I, we, they, you*, используемые для противопоставления противоборствующих сторон; вопросительные предложения; превосходную степень прилагательных; восклицательные предложения. Количественные данные, полученные в ходе исследования политической риторики Б. Обамы и Д. Трампа, а именно грамматические средства выражения агрессии в президентских выступлениях, представлены в таблице 2.

Таблица 2. *Грамматические средства выражения агрессии в американском ПД XXI века*

<b>Грамматические средства выражения агрессии</b>	<b>Кол-во ед.</b>	<b>%</b>	<b>Пример</b>
1. Модальные глаголы со значением долженствования / принуждения ( <i>must, have to, ought to</i> )	129	43	<i>It's a disgrace that <u>we have to put up with it</u></i> [Trump, 2018б].
2. Местоимения <i>I, we, they, you</i>	83	27	<i><u>Their</u> victories have not been <u>your</u> victories. <u>Their</u> triumphs have not been <u>your</u> triumphs and, while <u>they</u> celebrated in <u>our</u> nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across <u>our</u> land</i> [Trump, 2017].
3. Вопросительные предложения	46	15	<i>Well, what country would take back these people that our fellow crime fighters have just described?</i> [Trump, 2018].
4. Превосходная степень сравнения прилагательных	23	7	<i>Sanctuary jurisdictions are <u>the best</u> friend of smugglers, gang members, drug dealers, human traffickers, killers, and other violent offenders</i> [Trump, 2018б].
5. Восклицательные предложения	21	7	<i>Tonight, I say to the American people, to Democrats and Republicans and Independents across this great land – <u>enough!</u></i> [Obama, 2009б].
<b><i>Всего:</i></b>	<b>302</b>	<b>100</b>	

Исходя из приведенных выше данных, можно отметить, что наиболее продуктивным средством выражения агрессии в политической риторике Б. Обамы и Д. Трампа является использование модальных глаголов со значением долженствования / принуждения (129 ед., 43%), противопоставление местоимений *I, we, they, you* и их производных (83 ед., 27%), вопросительные предложения, придающие негативный оттенок высказыванию (46 ед., 15%). Менее употребляемыми грамматическими средствами выражения агрессии являются: превосходная степень прилагательных, которая подчеркивает крайнюю степень возмущения

той или иной проблемой или политиком (23 ед., 7%), восклицательные предложения, подразумевающие отрицательную коннотацию (21 ед., 7%).

Президенты США охотно используют стилистические приемы в своих выступлениях для выражения агрессии, что позволяет им более скрыто ее проявлять. Среди стилистических средств, замеченных в политических выступлениях Б. Обамы и Д. Трампа, можно встретить: эпитет, метафору, антитезу, гиперболу, иронию, анафору, градацию, сравнение, антиклимакс. Ниже представлены количественные данные стилистических средств выражения агрессии в американском ПД XXI века на материале политической риторики Б. Обамы и Д. Трампа (см. табл. 3).

Таблица 3. *Стилистические средства выражения агрессии в американском ПД XXI века*

<b>Стилистические средства выражения агрессии</b>	<b>Кол-во ед.</b>	<b>%</b>	<b>Пример</b>
1. Эпитет	109	31	<i>They were just 20 minutes away from reaching their <u>sinister</u> objective. The only thing that stood between the enemy and a <u>deadly</u> strike at the heart of American democracy was the courage and resolve of 40 men and women [Trump, 2020].</i>
2. Метафора	55	16	<i>When terrorists <u>raised to destroy the seat of our democracy</u>, the 40 of Flight 93 did the most American of things. .... They confronted <u>the pure evil</u> [Trump, 2020].</i>
3. Антитеза	41	12	<i>We want our cities to be <u>sanctuaries for Americans</u>, <u>not safe havens for criminals</u> [Trump, 2018a].</i>
4. Гипербола	40	12	<i>I will build <u>a great, great wall</u> on our southern border [Trump, 2017].</i>
5. Ирония	34	9	<i>It will be harder to convince the American people that Hillary was born in Kenya [Obama, 2014].</i>
6. Анафора	28	8	<i><u>Many businesses</u> cannot borrow or make payroll. <u>Many families</u> cannot pay their bills or their mortgage. <u>Many workers</u> are watching their life savings disappear. And <u>many, many Americans</u> are both anxious and uncertain of what the future will hold [Obama, 2009a].</i>
7. Градация	21	7	<i>We arrived at this point due to an era of <u>profound irresponsibility</u> that stretched from corporate board rooms to the halls of power in Washington, D.C. [Obama, 2009a].</i>
8. Сравнение	13	3	<i><u>Our southern border is like a pipeline</u> for vast quantities of illegal drugs, including meth, heroin, cocaine, and fentanyl [Trump, 2019].</i>
9. Антиклимакс	8	2	<i>The equipment is <u>obsolete</u>. They're <u>old</u>. They're <u>tired</u> [Trump, 2018a].</i>
<b>Всего:</b>	<b>349</b>	<b>100</b>	

Следовательно, исходя из выше представленных данных, заметим, что наиболее частотным стилистическим приемом является эпитет (109 ед., 31%). Б. Обама и Д. Трамп часто прибегали к использованию метафор (55 ед., 16%), антитез (41 ед., 12%) и гипербол (40 ед., 12%) в своих политических выступлениях. Нередко в отобранных фрагментах можно наблюдать иронию (34 ед., 9%), анафору (28 ед., 8 %), градацию (21 ед., 7%). Наименее продуктивными стилистическими приемами оказались сравнение (13 ед., 3%) и антиклимакс (8 ед., 2%).

Речь является средством воздействия на аудиторию, данное свойство в полной мере проявляется в ПД. Речевое воздействие осуществляется при помощи коммуникативных стратегий и тактик. Главной функцией ПД является манипулирование знаниями адресата, его эмоциями [Кунцевич, 2005: 37-38]. По мнению В.Е. Чернявской, коммуникативная стратегия – это совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего, при подготовке которых учитываются различные условия. Реализация той или иной стратегии происходит за счет тактик [Чернявская, 2001].

Существуют различные подходы к классификации стратегий и тактик, однако в данном исследовании используем классификацию О. Л. Михалёвой [Михалёва, 2003: 225], которая позволяет всесторонне рассмотреть основные стратегии, используемые политиками для построения речей. Выделяются три основные стратегии ПД: стратегия на понижение, стратегия на повышение, стратегия театральности.

Дискредитация оппонента, т. е. политического противника, осуществляется с помощью стратегии на понижение, выражающей отрицательное отношение к предмету. Стремление выразить негативное отношение к сложившейся политической ситуации или дискредитировать более успешного соперника, находящегося у власти или в оппозиции, осуществляется за счет нескольких тактик: 1) тактика анализа основана на негативном отношении к сложившейся ситуации и описании таковой в данном русле, без заявления автора о своем недовольстве; 2) тактика обвинения заключается в обвинении и представлении кого-либо в негативном свете; 3) тактика обличения заключается в обвинении оппонентов с использованием аргументов и фактов, подтверждающих виновность какого-либо лица; 4) тактика оскорбления представляет собой обвинение и унижение противника; 5) тактика угрозы заключается в запугивании оппонента [Михалёва, 2003: 225].

Стратегия на повышение характеризуется желанием говорящего представить себя в наиболее выгодном свете, акцентируя свою значимость. Данная стратегия реализуется за счет таких тактик, как: 1) тактика анализа, предполагающая положительное описание

существующей политической ситуации; 2) тактика презентации, представляющая какого-либо политического деятеля в положительном свете. Говорящий, используя лексические единицы с положительной коннотацией, рассказывает о своих достижениях и положительных качествах представляемого объекта власти.

Частным случаем тактики презентации можно считать тактику самопрезентации, при которой политический деятель выставляет себя в наиболее выгодном свете. Особое внимание при изучении политических документов, в частности предвыборных выступлений, следует уделить стратегии театральности. Воздействие на адресата в данной стратегии выражается высокой степенью эмоциональности.

Стратегия театральности реализуется за счет ряда тактик: 1) тактика побуждения, используя которую, автор стремится побудить аудиторию к совершению того или иного действия, убедить в правильности и весомости своей точки зрения; 2) тактика размежевания заключается в построении оппозиции «свои–чужие», которая характерна для ПД; 3) тактика обещания – политик обязуется осуществить что-либо.

Исследование американского ПД, а именно политических выступлений Б. Обамы и Д. Трампа, позволило провести анализ стратегий и тактик, реализующихся в данных выступлениях каждого из политиков (см. табл. 4).

Таблица 4. *Стратегии и тактики речевой агрессии в политических выступлениях Б. Обамы и Д. Трампа*

<b>Стратегия / Тактика</b>		<b>Барак Обама</b>	<b>Дональд Трамп</b>
1. Стратегия на понижение	Тактика анализа	+	+
	Тактика обвинения	+	+
	Тактика обличения	–	+
	Тактика оскорбления	–	+
	Тактика угрозы	+	+
2. Стратегия на повышение	Тактика анализа	–	–
	Тактика презентации	+	+
3. Стратегия театральности	Тактика побуждения	+	+
	Тактика размежевания	+	+
	Тактика обещания	–	+

Исходя из приведенных выше данных, можно прийти к выводу о том, что в ПД Б. Обамы и Д. Трампа можно встретить все стратегии, однако тактики в политических выступлениях вышеуказанных президентов несколько разнятся.

В политических выступлениях Б. Обамы представлены стратегия на понижение, которая находит свое выражение в тактике «анализ-‘минус’» и тактике обвинения,

стратегия на повышение (тактики презентации и размежевания), стратегия театральности – тактика побуждения. В политической риторике Д. Трампа обнаружили стратегию на понижение, которая реализуется тактиками «анализ-‘минус’», обличения, угрозы, стратегию на повышение, представленную тактикой презентации, стратегию театральности – тактикой побуждения и размежевания.

Таким образом, политические выступления Б. Обамы и Д. Трампа представляют собой обширный материал для исследования речевой агрессии. Наиболее часто речевая агрессия наблюдается в выступлениях, посвященных внешней и внутренней политике, военным действиям, экономике и миграционным процессам в Соединенных Штатах Америки. В основном речевая агрессия в политической риторике Б. Обамы и Д. Трампа направлена на предшественников (Джордж Буш и Барак Обама соответственно), которая служит в целях не унижения противника, а скорее поднятия политического рейтинга самого президента, который произносит речь.

Удалось выявить, что речь Д. Трампа более экспрессивна, чем у его предшественника, что возможно объяснить тем, что 45-й президент США, во-первых, представитель Республиканской партии, члены которой не столь либеральны, как их коллеги из Демократической партии. Более того, почти всю жизнь Дональд Трамп занимался бизнесом и не принадлежал миру политики, в котором немалую долю играет дипломатический опыт и умение выйти из сложных ситуаций.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что речевая агрессия в американском ПД является следствием агональности последнего и реализуется с помощью обширного круга лингвостилистических и грамматических средств, а также коммуникативных стратегий и тактик, направленных на повышение статуса языковой личности, пребывающей у власти, и понижение статуса противников, ведущими среди которых являются: дистанцирование, обвинение, критика и угроза.

Таким образом, вербальные средства реализации агрессии в современной политической риторике Б. Обамы и Д. Трампа представляет плодотворную почву для изучения. Однако стоит отметить, что проявление агрессии в политическом дискурсе все-таки является отклонением от риторических норм и рассматривается как выражение антинормы, как фактор, оказывающий отрицательное воздействие на адресата, как коммуникативная стратегия в конфликтной ситуации.

#### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 352 с. (Серия «Мастера психологии»).

2. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2006. 44 с.
3. Глебов В. В. Особенности речевой агрессии. Москва: Лабиринт, 1999. 56 с.
4. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи: Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯрГУ, 1990. 81 с.
5. Карякин А.В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2010. 19 с.
6. Кунцевич С. Е. Психологические аспекты политического дискурса // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. 2005. № 4 (20). С. 37-50.
7. Лазебная И. Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2007. 23 с.
8. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
9. Михалёва О. Л. Языковые способы манипулирования сознанием в политическом дискурсе // Актуальные проблемы русистики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. Вып.2. Ч. 2. С. 225-232.
10. Михальская А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. Москва: Academia, 1996. 192 с.
11. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 22-129.
12. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. С. 87-104.
13. Сквородников А. П. Язык насилия в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск, 1997. Вып. 2. С. 57-65.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва, 2006. 696 с. [СЭСРЯ].
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер с нем. Э. Телятниковой. Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 635 с.
16. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва: Кастань, 1996. 448 с.
17. Чернявская Е. А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Брянск, 2001. 203 с.
18. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы // Юрислингвистика-5. Барнаул, 2004. С. 120-126.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
20. Hacker K. L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. N.Y., 1996. P.28-55.

#### **СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. Obama Barack. 'Acceptance Speech', 28 August 2008. Доступ: [https://www.nytimes.com/elections/2008/president/conventions/videos/transcripts/20080828\\_OBAMA\\_SPEECH.html](https://www.nytimes.com/elections/2008/president/conventions/videos/transcripts/20080828_OBAMA_SPEECH.html). (дата обращения: 12.10.2020).
2. Obama Barack. '21st Century Economy Address at George Mason', 8 January 2009a. Доступ: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamageorgemason.htm>. (дата обращения: 12.10.2020).

3. Obama Barack. Inauguration Speech 20 January, 2009б. Доступ: <https://www.theguardian.com/world/2009/jan/20/barack-obama-inauguration-speeches-3>. (дата обращения: 15.09.2020).

4. Obama Barack. Press Conference on Syria and Sundry Topics. Washington, D.C., 2013. 30 April. Доступ: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1304/30/cnr.05.html>. (дата: обращения: 15.09.2020).

5. Obama Barack. President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26 2014a // Washington Post. 2014. Доступ: [https://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speechaddressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985\\_story.html?utm\\_term=.4c284ab45f1f](https://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speechaddressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_story.html?utm_term=.4c284ab45f1f). (дата обращения: 30.08.2020).

6. Obama Barack. White House Correspondents' Dinner Address, 3 May, 2014б. Доступ: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20%20White%20House%20Correspondent%20Dinner%202014.pdf>. (дата обращения: 18.09.2020).

7. Trump Donald. President's Weekly Address. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-weekly-03102018/>. (дата обращения: 11.09.2020).

8. Trump Donald. Praise for President Trump's Commitment to Border Security, 23 August, 2017. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/praise-president-trumps-commitment-border-security-2/>. (дата обращения: 01.09.2020).

9. Trump Donald. President Donald J. Trump's Address to the Nation on the Crisis at the Border, 8 January, 2019. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-address-nation-crisis-border/>. (дата обращения: 05.02.2020).

10. Trump Donald. Presidential Proclamation Addressing Mass Migration Through the Southern Border of the United States, 9 November, 2018a. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-addressing-mass-migration-southern-border-united-states/>. (дата обращения: 17.08.2020).

11. Trump Donald. Remarks by President Trump on the Illegal Immigration Crisis and Border Security, 1 November, 2018б. <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-illegal-immigration-crisis-border-security/>. (дата обращения: 20.09.2020).

12. Trump Donald. The Inaugural Address, 20 January 2017. Доступ: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>. (дата обращения: 18.09.2020).

13. Donald Trump. 2020 9/11 Memorial Speech Transcript 11 September 2020. Доступ: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript>. (дата обращения: 08.09.2020).

## REFERENCES

1. Beron, R., Richardson, D. (2001). *Agressiya* [Aggression]. Sankt-Peterburg: Piter, 2001 (Seriya «Mastera psikhologii»). (In Russ.).

2. Vorontsova, T. A. (2006). *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod* [Speech Aggression: communicative-discursive approach]: diss. ... kand. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).

3. Glebov, V. V. (1999). *Osobennosti rechevoy agressii* [Peculiarities of speech aggression]. Moskva: Labirint. (In Russ.).

4. Zhelvis, V. I. (1990). *Emotivnyy aspekt rechi: Psiholingvisticheskaya interpretatsiya rechevogo vozdeystviya* [Emotive aspects of speech. Psycholinguistic interpretation of speech influence]. Yaroslavl: YarGU. (In Russ.).

5. Karyakin, A. V. (2010). *Stratagemno-takticheskie sposoby realizatsii rechevoy agressii v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Stratagem-tactical ways of implementing speech aggression in political discourse (based on the material of the German language)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).

6. Kuntsevich, S. E. (2005). *Psikhologicheskie aspekty politicheskogo diskursa* [Psychological aspects of political discourse]. In *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Seriya 1. Filologiya. No. 4 (20). Pp. 37-50. (In Russ.).
7. Lazebnaya, I. B. (2007). *Osobennosti vyrazheniya rechevoy agressii v sovremennom angliyskom yazyke* [Peculiarities of speech aggression expression in modern English]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Belgorod. (In Russ.).
8. Meshcheryakov, B., Zinchenko, V. (2004). *Bolshoy psikhologicheskiy slovar* [Large Psychological Dictionary]. Sankt-Peterburg: Praim–EVROZNAK. (In Russ.).
9. Mikhaleva, O. L. (2003). *Yazykovye sposoby manipulirovaniya soznaniem v politicheskom diskurse* [Language means of consciousness manipulation in political discourse]. In *Aktualnye problemy rusistiki*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2003. Vyp. 2. Ch. 2. Pp. 225-232. (In Russ.).
10. Mikhalskaya, A. K. (1996). *Russkiy Sokrat. Lektsii po sravnitelno-istoricheskoy ritorike* [Russian Socrates. Lectures on comparative-historical oratory]. Moskva: Academia. (In Russ.).
11. Ostin, Dzh. (1996). *Slovo kak deistvie* [A Word like an action]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva: Progress. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov. (In Russ.).
12. Sedov, K. F. (2005). *Agressiya i manipulyatsiya v povsednevnoy kommunikatsii* [Aggression and manipulation in every-day communication]. In *Yurislingvistika-6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka*. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta. (In Russ.).
13. Skovorodnikov, A. P. (1997). *Yazyk nasiliya v sovremennoy rossiyskoy presse* [The language of violence in modern Russian media]. In *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya*. Krasnoyarsk. Vyp. 2. (In Russ.).
14. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / pod red. M. N. Kozhinoy. Moskva, 2006. (In Russ.).
15. Fromm, E. (2009). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Per. s nem. E. Telyatnikovoy. Mjjskva: AST: AST MOSKVA, 2009. (In Russ.).
16. Fuko, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let* [Will to the Truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moskva: Kastal. (In Russ.).
17. Chernyavskaya, E. A. (2001). *Otsenka i otsenochnost v yazyke i khudozhestvennoy rechi* [Assessment and evaluation in language and artistic speech]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Bryansk. (In Russ.).
18. Sharifullin, B. Ya. (2004). *Yazykovaya agressiya i yazykovoe nasilie v svete yurislingvistiki: problemy invektivy* [Linguistic aggression and linguistic violence in the light of juridical linguistics: problems of invective]. In *Yurislingvistika-5*. Barnaul. Pp. 120-126. (In Russ.).
19. Sheigal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moskva: ITDGK «Gnozis». (In Russ.).
20. Hacker, K. L. (1996). *Political Linguistic Discourse Analysis*. In *The Theory and Practice of Political Communication Research*. N.Y., 1996. Pp. 28-55.

#### **SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL**

1. Obama Barack. 'Acceptance Speech', 28 August 2008. Available at: [https://www.nytimes.com/elections/2008/president/conventions/videos/transcripts/20080828\\_OBAMA\\_SPEECH.html](https://www.nytimes.com/elections/2008/president/conventions/videos/transcripts/20080828_OBAMA_SPEECH.html). (accessed: 12.10.2020).
2. Obama Barack. '21st Century Economy Address at George Mason', 8 January 2009a. Available at: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamageorgemason.htm>. (accessed: 12.10.2020).



3. Obama Barack. *Inauguration Speech 20 January, 2009b*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2009/jan/20/barack-obama-inauguration-speeches-3>. (accessed: 15.09.2020).

4. Obama Barack. *Press Conference on Syria and Sundry Topics*. Washington, D.C., 2013. 30 April. Available at: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1304/30/cnr.05.html>. (accessed: 15.09.2020).

5. Obama Barack. President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26 2014a. In *Washington Post*. 2014. Available at: [https://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985\\_story.html?utm\\_term=.4c284ab45f1f](https://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_story.html?utm_term=.4c284ab45f1f). (accessed: 30.08.2020).

6. Obama Barack. *White House Correspondents' Dinner Address, 3 May, 2014b*. Available at: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/PDFFiles/Barack%20Obama%20%20White%20House%20Correspondent%20Dinner%202014.pdf>. (accessed: 18.09.2020).

7. Trump Donald. *President's Weekly Address*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-weekly-03102018/>. (accessed: 11.09.2020).

8. Trump Donald. *Praise for President Trump's Commitment to Border Security, 23 August, 2017*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/praise-president-trumps-commitment-border-security-2/>. (accessed: 01.09.2020).

9. Trump Donald. *President Donald J. Trump's Address to the Nation on the Crisis at the Border, 8 January, 2019*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-address-nation-crisis-border/>. (accessed: 05.02.2020).

10. Trump Donald. *Presidential Proclamation Addressing Mass Migration Through the Southern Border of the United States, 9 November, 2018a*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-addressing-mass-migration-southern-border-united-states/>. (accessed: 17.08.2020).

11. Trump Donald. *Remarks by President Trump on the Illegal Immigration Crisis and Border Security, 1 November, 2018b*. <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-illegal-immigration-crisis-border-security/>. (accessed: 20.09.2020).

12. Trump Donald. *The Inaugural Address, 20 January 2017*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>. (accessed: 18.09.2020).

13. Donald Trump. *2020 9/11 Memorial Speech Transcript 11 September 2020*. Available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-2020-9-11-memorial-speech-transcript>. (accessed: 08.09.2020).

**Фатьянова Ирина Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: [irafatianova@mail.ru](mailto:irafatianova@mail.ru)), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

**Fatyanova Irene V.** – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: [irafatianova@mail.ru](mailto:irafatianova@mail.ru)), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

*Поступила в редакцию 13 октября 2020 г.*

УДК 811.111:81'373.72

© 2020 Т. Н. Федуленкова, А. С. Малышева

## АНАЛИЗ ФЕ-ТЕРМИНОВ ПО ВИДУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ OXFORD BUSINESS ENGLISH DICTIONARY FOR LEARNERS OF ENGLISH)

*Цель исследования – выявление соотношения видов полного и частичного переосмысления компонентного состава деловой ФЕ-терминологии. Научная новизна состоит в выявлении этого соотношения, а также в выявлении подвидов частичного переосмысления прототипного словосочетания ФЕ-терминов делового английского языка. Полученные результаты показали, что случаи с частичным переосмыслением прототипа ФЕ-термина в два раза превышают случаи с полным переосмыслением прототипа ФЕ-термина. Что касается подвидов частичного переосмысления (явного и неявного), то они демонстрируют примерно одинаковое соотношение.*

**Ключевые слова:** английский язык, деловая терминология, фразеология, компоненты, виды переосмысления.

© 2020 T. N. Fedulenkova, A. S. Malysheva

## ANALYSIS OF PU-TERMS BY THE TYPE OF SEMANTIC TRANSFER OF COMPONENTS (BASED ON OXFORD BUSINESS ENGLISH DICTIONARY FOR LEARNERS OF ENGLISH)

*The purpose of the study is to identify the correlation between the types – complete and partial – of semantic transfer of the componential composition of business PU-terminology. The scientific novelty consists in identifying that correlation, as well as in identifying subspecies of a partial semantic transfer of the prototypical phrase of PU-terms of business English. The results showed that the cases with a partial semantic transfer of the prototype of the PU-term are twice as many as cases with a complete semantic transfer of the prototype of the PU-term. As for the subspecies of partial semantic transfer – explicit and implicit – they show approximately the same ratio.*

**Key words:** English, business terminology, phraseology, components, types of semantic transfer.

### Введение

Взаимодействие фразеологии и терминологии – одно из важнейших направлений в полипарадигмальном мире лингвистических исследований [Gläser, 1995: 33]. Внимание лингвистов обращено на изучение как источников деловой фразеологии [Piirainen, 2011: 259], так и структурно-семантических и системных связей деловой терминологии фразеологического характера [Иванов, 2009: 23-49; Федуленкова, Малышева, 2019: 30-40; Федуленкова 2009: 8-22].

**Актуальность** данной работы состоит в назревшей необходимости изучения и рубрикации видов переосмысления прототипных словосочетаний, лежащих в основе

образования фразеологических единиц, используемых в качестве терминов в деловом английском языке. Нацеленное на определение характера семантической трансформации компонентного состава деловых ФЕ-терминов [Fedulenkova, 2016: 80], данное исследование рассматривается как составная часть подготовительной работы к предстоящему определению общих и специфических свойств ФЕ-терминов в германских языках [Аракин, 1984; Федуленкова, 2018].

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решаются следующие сопутствующие *задачи*:

1. Произвести выборку терминов фразеологического характера из избранного для анализа словаря делового английского языка на основе метода фразеологической идентификации, предложенного А. В. Куниным.

2. Установить с помощью словарных дефиниций наличие переосмысления прототипных сочетаний слов, лежащих в основе соответствующих деловых терминов, и таким образом доказать их принадлежность к сфере фразеологии.

3. Выявить и описать основные виды переосмысления компонентного состава ФЕ-терминов англоязычного делового фразеологического словаря.

Для выполнения исследовательских задач были задействованы следующие *методы исследования*: метод фразеологической идентификации, метод анализа словарных дефиниций, метод фразеологического анализа и описания [Кунин, 1996: 29-45].

*Теоретическая база* исследования основана на фразеологической концепции профессора А. В. Кунина, а также на методологии, методах и методике научных исследований в лингвистике, предложенных профессором З. И. Комаровой [2018: 291-496].

*Практическая значимость* исследования состоит в возможности использования его результатов в лекционных курсах по терминологии и фразеологии современного английского языка, а также в семинарских и практических занятиях по названным вузовским дисциплинам. В качестве объекта исследования избрана деловая терминология одного из наиболее авторитетных современных словарей делового английского языка [Parkinson, 2006].

#### **Исследовательская часть**

Из названного словаря делового английского языка, содержащего немногим более пяти тысяч однословных и многословных терминов (5110 единиц), был извлечен фразеологический материал для семантического анализа объемом 1850 ФЕ-терминов, что составило 36,2% от общего числа словарных статей.

#### **ФЕ-термины с полным переосмыслением компонентов**

В эту группу (всего 620 единиц) включаем такие ФЕ-термины, компоненты которых в процессе фразеологической номинации не сохраняют свое первоначальное значение: (а)

*to be on automatic pilot* (букв. быть на автоматическом пилоте) – to do something without thinking because you have done the same thing many times before [Parkinson, 2006: 32] – делать что-то без раздумий, потому что вы уже много раз выполняли это (*Здесь и далее пер. наш – Т.Ф.*); (б) *bread and butter* (букв. хлеб и масло) – a person or company's main source of income [Parkinson, 2006: 59] – основной источник дохода лица или компании; (в) *get your fingers burnt* (букв. обжечь свои пальцы) – to lose money as a result of doing something without realizing the possible bad results [Parkinson, 2006: 66] – потерять деньги в результате выполнения сделки, не осознавая возможных плохих результатов; (г) *milk round* (букв. молочный раунд) – in the UK, a series of visits that large companies make each year to colleges and universities, to talk to students who are interested in working for them [Parkinson, 2006: 349] – привлечение выпускников вузов для работы в промышленности; в Великобритании ежегодно проводится серия визитов крупных компаний в колледжи и университеты, чтобы пообщаться со студентами, которые заинтересованы в работе на них.

Приведем контекстуальные примеры ФЕ-терминов с полным переосмыслением компонентов:

(а) <...> *It's OK,' Mark says. 'Let me put a sort of a hypothetical situation for you. There's this guy, see, he thinks he's pretty street-smart, but sometimes these things happen, he's not so sure, and he wonders, can he really tell about this one particular girl, who he really likes?'* <...>. *'Why don't you tell me what's worrying you,' Mark says. He is on automatic pilot. 'This isn't too easy for me,' Sam says* [BNC]. «Все в порядке, – говорит Марк. – Позволь мне привести тебе одну гипотетическую ситуацию. Видишь ли, вот этот парень думает, что он довольно хорошо знает законы улицы. Однако иногда всё происходит по-другому, и этот парень перестает быть уверенным и задается вопросом: «Может ли он рассказать именно об этой девушке, которая действительно ему нравится?» <...>. «Почему бы тебе не поделиться со мной своими переживаниями?», – спрашивает Марк. Он «живет на автопилоте». – «Мне не просто это сделать», – говорит Сэм'. (*Здесь и далее пер. наш – Т. Ф.*).

(б) <...> *The variety of events were as ever absolutely astounding. Bingo in Swaffham, book sales, craft fairs, cream teas, open gardens. In Canterbury you could go to an evening of wine and wisdom. <...>. In Leominster they chose plonk and pate. <...>. This fund raising fair is our bread and butter and it is top quality. <...>* [BNC]. «Разнообразие событий как всегда было совершенно поразительным. Игры в бинго в Суоффхаме, книжные распродажи, ярмарки ремесел, пятичасовой чай со сливками, открытые сады. В Кентербери можно было посетить вечер вина и мудрости. <...>. В Леминстере они выбрали дешевое вино и паштет. Эта ярмарка по сбору средств приносит нам основной доход и является первоклассной».

(в) <...> *You'd have still got your wheels. So in that sense, the build... the, the equities have kept pace, but if you think in the short term, you'll always be ... out of order with shares, if you're thinking of going in for three or four years, you you're likely to get your fingers burnt.* <...> [BNC]. 'Вы все равно сохранили бы свой потенциал. Так что в этом смысле строительство... капитал держались на равных. Однако если вы думаете, что в краткосрочной перспективе у вас будут ... постоянные неудачи с акциями, если вы обдумываете решение о том, чтобы продолжать игру в течение трех или четырех лет, то, скорее всего, вы потеряете свои деньги'.

(г) *Sir Patrick said the brochure had a dual aim: to show potential recruits that government legal work was responsible and worthwhile; and to dispel the notion that the service was for lawyers who had not made it in other parts of the profession. The brochure will be used in a forthcoming drive to fill 40 vacancies across a number of government departments, and as a recruitment aid on planned 'milk round' sessions at universities and polytechnics. The new training scheme will be targeted at a limited number of high-calibre graduates* [BNC]. 'Сэр Патрик сказал, что брошюра имеет двойную цель: показать потенциальным новобранцам, что государственная юридическая работа является ответственной и полезной; и развеять мнение о том, что эта служба предназначена для адвокатов, которые не справились с работой в других областях профессии. Брошюра будет использоваться в рамках предстоящей кампании по заполнению 40 вакансий в ряде правительственных ведомств и в качестве помощи при наборе персонала во время запланированных агитационных турне в университетах и политехнических учреждениях. Новая программа обучения будет ориентирована на ограниченное число высококвалифицированных выпускников'.

#### **ФЕ-термины с частичным переосмыслением компонентов**

Эта группа объединяет ФЕ-термины двух видов: 1) ФЕ-термины с явным переосмыслением компонентов и 2) ФЕ-термины с неявным переосмыслением компонентов.

В группу ФЕ-терминов с явным переосмыслением компонентов (всего 650 единиц) включаем такие ФЕ-термины, один из компонентов которых подвергается переосмыслению в процессе фразеологической номинации, а другой компонент сохраняет свое первоначальное значение, что подтверждается повторением этого компонента в словарной дефиниции конкретного ФЕ-термина: (а) *call money* (букв. вызываемые деньги) – *money lent on condition that it must be repaid immediately if necessary* [Parkinson, 2006: 73] 'деньги, которые выдаются в долг при условии, что они должны быть немедленно возвращены в случае необходимости'; (б) *junk bond* (букв. бесполезная / барахло- облигация) – *(especially US) a bond that has a high rate of interest but is considered to be very risky investment, it is issued by a company that needs to raise a lot of money quickly to finance a takeover* [Parkinson, 2006: 302]

‘(особенно в США) облигация, которая имеет высокую процентную ставку, но считается очень рискованной инвестицией, она выпускается компанией, которая должна быстро собрать много денег для финансирования поглощения’; (в) **anchor tenant** (букв. якорный арендатор) – main tenant in a shopping center; it is often essential to have a lease commitment from an anchor tenant before a shopping center can be financed [11, с. 28] ‘главный арендатор в торговом центре; часто необходимо получить арендное обязательство от арендатора до того, как торговый центр может быть профинансирован’; (г) **unlimited company** (букв. неограниченная компания) – a company whose shareholders are responsible for all its debts if it fails [Parkinson, 2006: 587] ‘компания, акционеры которой несут ответственность за все ее долги, если она потерпит неудачу’; (д) **tax haven** (букв. налоговая гавань) – a place where taxes are low and where people choose to live or officially register their companies because taxes are higher in their own country [Parkinson, 2006: 553] ‘офшорная зона, место, где налоги низкие и где люди предпочитают жить или официально зарегистрировать свои компании, так как налоги на их родине выше’.

Приведем контекстуальные примеры ФЕ-терминов с явным частичным переосмыслением компонентного состава:

(а) *Discount houses' holdings of bills are financed by money lent to them 'at call' by the rest of the monetary sector. 'At call' means that it is repayable on demand. This has two consequences. Firstly, since the discount houses pay interest on **call money**, the banks are provided with an interest-earning source of readily available funds. <...>. Secondly, it means that any liquidity shortage initially suffered by banks will be instantly transferred to the discount market [BNC].* ‘Запасы векселей в учетных домах финансируются за счет денег, предоставленных «по первому требованию» остальным денежным сектором. Понятие «деньги до востребования» означает, что данная сумма подлежит погашению по первому требованию. Такая услуга имеет следующие последствия. Во-первых, поскольку учетные дома выплачивают проценты по займам до востребования, банкам предоставляется источник процентного дохода в виде легкодоступных средств. <...>. Во-вторых, любой дефицит ликвидности, изначально испытываемый банками, будет мгновенно переведен на учетный рынок’.

(б) *The **junk bond** market has been in trouble since Canadian developer Robert Campeau ran into trouble meeting payments on his debt <...>. Earlier this week, the Ramada hotels group was forced to withdraw a crucial \$400m **junk-bond** offering because of continued skittishness about high-risk debt [BNC].* ‘Рынок бросовых облигаций находится в бедственном положении с тех пор, как канадский организатор по строительству Роберт Кэмпо столкнулся с проблемами при выплате своих долгов. <...>. Ранее на той неделе сеть

отелей «Рамада» была вынуждена отменить крупный выпуск бросовых облигаций на сумму 400 млн долларов по причине нависшей угрозы войти с большим риском в долги’.

(в) <...> *said he expected several other famous names to join ‘Body Shop’.* “*In an expanding health conscious marketplace, a cosmetic specialist such as ‘The Body Shop’ will be welcome in Darlington,” he said. Earlier this week, efforts to fill the 165,000 sq ft Cornmill received a fillip when W.H. Smith was confirmed as an anchor tenant, taking up 11,000 sq ft premises, also in Northgate Mall [BNC].* ‘<...> сказал, что ожидает, что к «Боди Шоп» присоединятся еще несколько известных имен. «На расширяющемся рынке, учитывающем здоровье, косметический специалист, такой как «Боди Шоп», будет приветствоваться в Дарлингтоне», – сказал он. Ранее на этой неделе усилия по заполнению 165 000 кв. футов в Корнмиле получили свое завершение, когда кандидатура В.Г. Смита была подтверждена в качестве главного арендатора, занявшего 11 000 кв. футов помещений, также в Нортгейт Моле’.

(г) *In general, the accounting provisions of Part VII of the Act apply to every company, limited or unlimited. But, in the case of the latter it has been recognised that as regards the obligation, now in section 242, to deliver accounts and reports to the Registrar (thus making them available to the public) they (like partnerships) are entitled to exemption. <...>. Section 254(1) provides that the directors of an unlimited company are not required to deliver accounts and reports to the Registrar if certain conditions are met [BNC].* ‘В целом положения по бухгалтерскому учету части VII данного закона применяются к каждому предприятию – к акционерному обществу и компании с неограниченной ответственностью. Однако затрагивая последний случай, было заявлено, что в отношении обязательства, предусмотренного теперь в разделе № 242, представлять счета и отчеты регистратору (тем самым делая их доступными для общественности) они (как партнерства) имеют право на послабления. <...>. Раздел № 254 (1) предусматривает, что руководители компаний с неограниченной ответственностью не обязаны предоставлять счета и отчеты регистратору при соблюдении определенных условий’.

(д) <...> *In contrast with some of the other areas discussed, these are much less tax-driven than a matter of commercial advantage. The benefits of a centralised distribution system may include a small rate of tax on the centre’s activities, but since these are unlikely to include much added value to the products being distributed, the scope for manipulating transfer prices is limited. For obvious reasons, the traditional tax haven is not usually in the market for this type of work. <...> [BNC].* ‘В отличие от некоторых других обсуждаемых областей, данные территории не столько связаны с налогами, сколько с коммерческими выгодами. Преимущества централизованной системы распределения, возможно, заключаются в

небольшой ставке налога на деятельность центра. Однако, поскольку они вряд ли будут включать большую добавленную стоимость на распространяемые продукты, возможности для манипулирования трансфертными ценами ограничены. По понятным причинам традиционная оффшорная зона обычно не существует на рынке для такого рода работ’.

В исследуемом фразеологическом материале неявное частичное переосмысление компонентного состава ФЕ-терминов представлено двумя подвидами: 1) переосмысление компонентов ФЕ-терминов по синонимическому ряду и 2) переосмысление компонентов ФЕ-терминов по тематическому полю.

К первому подвиду неявного частичного переосмысления ФЕ-терминов (всего 250 единиц) относим такие случаи, когда один из компонентов ФЕ-термина и один из компонентов словарной дефиниции этого ФЕ-термина относятся к одному синонимическому ряду: (а) *to aid and abet* (букв. помочь и содействовать) – *to help somebody to do something illegal or wrong* [Parkinson, 2006: 16] ‘помочь кому-либо сделать что-то незаконное или неправильное, оказать содействие кому-л. в незаконном или аморальном деянии’; (б) *standing order* (букв. стоячее / существующее распоряжение / заказ) – *an instruction that you give to a bank to pay sb a fixed amount of money from your account on the same day each week, month, etc.* [Parkinson, 2006: 526] ‘постоянное поручение клиента банку – инструкция, которую вы даете банку, чтобы выплачивать кому-л. фиксированную сумму денег со своего счета в один и тот же день каждую неделю, месяц и т. д.’.

Приведем контекстуальные примеры ФЕ-терминов с неявным частичным переосмыслением компонентного состава по синонимическому ряду:

(а) *A police officer can demand the production of the driving licence of a ‘qualified driver’ under the Road Traffic Act. №10. <...>. This is proved as at (C) 8, inasmuch as the learner will be alone in the vehicle. # (D) SUPPORTING EVIDENCE # The supervisor can aid and abet the earner to drive while over the prescribed limit etc. <...>. A conviction ensued where the supervisor had been drinking with the driver who was seen to swerve from side to side [BNC].* ‘Сотрудник полиции может требовать получения водительского удостоверения «квалифицированного водителя» в соответствии с Законом № 10 о дорожном движении. <...>. Это доказано на (С) 8, поскольку учащийся будет один в автомобиле. # (D) ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА # Руководитель может склонить водителя ехать со скоростью выше установленного предела и т. д. <...>. Был вынесен обвинительный приговор, когда начальник выпивал с водителем, который, как было замечено, вилял из стороны в сторону’.

(б) *Material which is variable in approach or content (as in some series) should not be*



acquired through *standing order*. An allocation is usually set aside to cover the purchase of readers' requests (for older material). Binding costs are normally estimated separately. This brief rsum of methods of allocation omits an important area which is rarely controlled through financial allocation, yet which certainly needs to be subjected to some form of central control [BNC]. 'Материал, который является переменным по подходу или содержанию (как в некоторых сериях), не должен приобретаться посредством долгосрочного поручения. Распределение обычно резервируется для покрытия покупки запросов читателей (на более старые материалы). Расходы на переплет обычно оцениваются отдельно. Этот краткий обзор методов распределения не содержит важной области, которая редко контролируется за счет финансового распределения, но которая, безусловно, должна подвергаться той или иной форме центрального контроля'.

Ко второму подвиду неявного частичного переосмысления ФЕ-терминов (всего 330 единиц) относим такие случаи, когда один из компонентов ФЕ-термина и хотя бы один из компонентов словарной дефиниции этого ФЕ-термина относятся к одному тематическому полю: (а) *a clean bill of health* (букв. чистый счет за здоровье) – a report that says something is reliable, safe or in good condition [Parkinson, 2006: 93] 'отчет, в котором говорится, что что-то надежно, безопасно или находится в хорошем состоянии'; (б) *brown goods* (букв. коричневые товары) – items such as television sets and radios that are sold in cabinets made of wood or similar materials [Parkinson, 2006: 62] 'такие предметы, как телевизоры и радиоприемники, которые продаются вместе с мебельными гарнитурами, сделанными из дерева или аналогичных материалов'; (в) *white pages* (букв. белые страницы) – in the US and some other countries, the part of a telephone book that has white pages and gives a list of individuals and companies with their telephone numbers, arranged in alphabetical order; it has no advertising [Parkinson, 2006: 604] 'в США и некоторых других странах раздел телефонной книги, которая имеет белые страницы и дает список физических лиц и компаний с их телефонными номерами, расположенными в алфавитном порядке; в нем нет никакой рекламы'.

Приведем контекстуальные примеры ФЕ-терминов с неявным частичным переосмыслением компонентного состава по тематическому полю:

(а) <...>. *In the first two reports of the Commissioner, he drew attention to a few technical problems, such as wrong numbers being intercepted, and he did make recommendations as to how the procedures should be modified, describing these as being of 'no great importance'. For the most part, however, the procedures were given a clean bill of health, <...>* [BNC]. 'В первых двух докладах член комиссии обратил внимание на некоторые технические проблемы, такие как перехват неверных номеров, дав рекомендации относительно того,

как следует изменить эти процедуры, характеризуя их как «не имеющие большого значения». Однако по большей части был дан хороший отзыв о данных процедурах».

(б) <...>. *The company insists that a takeover would give it only 22 per cent of the total market for white and **brown goods** – everything from washing machines and fridges to video recorders and hi-fi – and small electrical appliances.* <...> [BNC]. «Компания настаивает на том, что поглощение дало ей только 22% от общего объема рынка крупной бытовой техники и мелкой электроники, то есть всё от стиральных машин, холодильников до видеомагнитофонов, проигрывателей и небольших электрических приборов».

(в) <...> *However, the ‘sweat of the brow’ principle, affording copyright protection to works which are the result of labour only, has recently been rejected in the United States Supreme Court in Feist Publications Inc. v Rural Telephone Service Co. Inc. (1991) in which it was held that the ‘white pages’ in a typical telephone directory are not protected by copyright because of a lack of creativity,* <...> [BNC]. «Однако принцип «в поте лица своего», обеспечивающий защиту авторских прав на произведения, являющиеся результатом только труда, был недавно отклонен Верховным судом Соединенных Штатов по делу «Файст Пабликейшнс Инк.» против «Рурал Телефон Сервис Ко. Инк.» (1991), в котором было установлено, что авторское право не распространяется на список абонентов-физических лиц в алфавитном порядке в типичном телефонном справочнике по причине отсутствия креативности...».

### **Выводы**

1. Изучаемая деловая терминология фразеологического характера (ФЕ-термины) составляет значительную часть терминокона современного английского делового словаря, то есть 36,2% (по данным анализируемого издания).

2. По полноте компонентного переосмысления в процессе образования ФЕ-терминов выявляем две группы: 1) ФЕ-термины с полным переосмыслением компонентов (620 единиц) и 2) ФЕ-термины с частичным переосмыслением компонентов, представленные двумя видами: а) ФЕ-термины с явным частичным переосмыслением компонентов (650 единиц) и б) ФЕ-термины с неявным частичным переосмыслением компонентов (580 единиц).

3. Исследуемый фразеологический материал обнаруживает два подвида неявного частичного переосмысления компонентного состава ФЕ-терминов: 1) переосмысление компонентов ФЕ-терминов по синонимическому ряду (250 единиц) и 2) переосмысление компонентов ФЕ-терминов по тематическому полю (330 единиц).

Перспективность проведенного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в сопоставительном изучении деловой терминологии

фразеологического характера в родственных языках с целью изучения их универсальных и уникальных свойств.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Сопоставительная типология скандинавских языков. Москва: Высшая школа, 1984. 172 с.
2. Иванов А. В. Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики терминосочетаний фонетики и метрики (на материале латинского, древнегреческого, русского, английского, немецкого и французского языков) // Фразеология и терминология: грани пересечения: коллективная монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 23-49.
3. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2018. 820 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
5. Федуленикова Т. Н. Элементные связи фразеологической терминологии как признак системности в языке // Фразеология и терминология: грани пересечения: коллективная монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 8-22.
6. Федуленикова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. Москва: Изд. дом Академии Естествознания, 2018. 220 с.
7. Федуленикова Т. Н., Малышева А. С. Структурно-компонентное наполнение субстантивной модели английского делового ФЕ-термина // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. Т. 15. Вып. 3 (45). С. 30-40.
8. Fedulenkova T. Teaching Types of Semantic Transference in Business English Terms // *Book of Abstracts: The 13<sup>th</sup> Conference of the European Society for the Study of English, 22-26 August 2016. Galway, 2016. P. 80-83.*
9. Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes // *Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (Ed.). Frankfurt-am-Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. P. 33-57.*
10. Piirainen E. Technology of modern times as a source of the «Lexicon of common figurative units» // *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship 2011, 27. P. 259-279.*

#### СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. British National Corpus. Доступ: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (дата обращения: 02.09.2020). [BNC].
2. Parkinson D., Noble J. Oxford Business English Dictionary for learners of English. Oxford University Press, 2006. 643 p. Доступ: <https://b-ok.cc/book/3488479/ccedc8>. (дата обращения: 02.09.2020).

#### REFERENCES

1. Arakin, V. D. (1984). *Sopostavitelnaya tipologiya skandinavskih yazykov* [Comparative typology of Scandinavian Languages]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Ivanov, A. V. (2009). *Sravnitelno-sopostavitelnyy analiz struktury i semantiki terminosochetaniy fonetiki i metriki (na materiale latinskogo, drevnegrecheskogo, russkogo, angliyskogo, nemetskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Comparative analysis of the structure and semantics of the terminology of phonetics and metrics (based on Latin, Ancient Greek, Russian, English, German and French)]. In *Frazeologiya i terminologiya: grani peresecheniya: kollektivnaya monografiya*. Arhangelsk: Pomorskiy un-t. Pp. 23-49. (In Russ.).
3. Komarova, Z. I. (2019). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. Moskva: FLINTA, Nauka. (In Russ.).

4. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course of phraseology of modern English]. Moskva: Vysshaya shkola; Dubna: Feniks. (In Russ.).

5. Fedulenkova, T. N. (2009). Elementnye svyazi frazeologicheskoy terminologii kak priznak sistemnosti v yazyke [Elementary connections of phraseological terminology as a sign of systematics in the language]. In *Frazeologiya i terminologiya: grani peresecheniya: kollektivnaya monografiya*. Arhangel'sk: Pomorskiy un-t. Pp. 8-22. (In Russ.).

6. Fedulenkova, T. N. (2018). *Sopostavitelnaya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [Comparative phraseology of English, German and Swedish]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).

7. Fedulenkova, T. N., Malysheva A. S. (2019). Strukturno-komponentnoe napolnenie substantivnoy modeli angliyskogo delovogo FE-termina [Structural-component filling of the substantive model of the English business PU-term]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2019. T. 15. Vyp. 3 (45). Pp. 30-40. (In Russ.).

8. Fedulenkova, T. (2016). Teaching Types of Semantic Transference in Business English Terms. In *Book of Abstracts: The 13<sup>th</sup> Conference of the European Society for the Study of English*, 22-26 August 2016. Galway. Pp. 80-83.

9. Gläser, R. (1995). Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes. In Rosemarie Gläser (Ed.). *Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English*. Frankfurt-am-Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH. Pp. 33-57.

10. Piirainen, E. (2011). Technology of modern times as a source of the «Lexicon of common figurative units». In *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship*, 27. Pp. 259-279.

#### **SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL**

1. British National Corpus. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (accessed: 02.09.2020).

2. Parkinson D., Noble J. (2006). Oxford Business English Dictionary for learners of English. Oxford University Press. Available at: <https://b-ok.cc/book/3488479/ccedc8>. (accessed: 02.09.2020).

**Федуленкова Татьяна Николаевна** – доктор филологических наук, член-корр. РАН, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: [fedulenkova@list.ru](mailto:fedulenkova@list.ru)), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

**Fedulenkova Tatiana N.** – Doctor of Philology, RAS Corr. Member, Professor of Foreign Languages of Professional Communication Department (e-mail: [fedulenkova@list.ru](mailto:fedulenkova@list.ru)), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

**Малышева Александра Сергеевна** – бакалавр гуманитарных наук, Гуманитарный институт, (e-mail: [s.malysheva@list.ru](mailto:s.malysheva@list.ru)), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

**Malysheva Aleksandra S.** – Bachelor of Arts, Humanitarian Institute, (e-mail: [s.malysheva@list.ru](mailto:s.malysheva@list.ru)), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

*Поступила в редакцию 29 сентября 2020 г.*

## РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'1

© 2020 Г. Е. Попова

### РЕЛЕВАНТНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ

*В статье приводится авторская трактовка категории релевантности, теоретически обоснованной Д. Спербером и Д. Уилсон, с приложением ее к интеракциональным механизмам речевой интеракции. Примеры, приводимые автором, дают представление об интерпретативной и жанрообразующей силе категории релевантности в разных типах дискурсивных манифестаций (разговорный диалог, шутка, ироническая цитация).*

**Ключевые слова:** категория релевантности, импликатура, речевая интеракция, инференции, метаречевой договор, эристическая интерпретация.

© 2020 G. E. Popova

### REPORTING RELEVANCE AS A CONDITION OF SUCCESSFUL SPEECH INTERACTION

*The article presents the author's interpretation of the category of relevance, theoretically justified by D. Sperber and D. Wilson, with its application to interactive mechanisms of speech interaction. The examples given by the author provide the idea of the interpretative and genre-forming power of the category of relevance in different types of discursive manifestations (conversational dialogue, joke, ironic quotation).*

**Key words:** relevance category, implicature, speech interaction, inferences, meta-speech contract, eristic interpretation.

Категория релевантности – метакатегория речевого взаимодействия, напрямую связанная с условиями успешности речевого взаимодействия. «Максима релевантности» Г. П. Грайса «*Be relevant*» – не только самая лаконичная и самая «непрозрачная» формула Принципа кооперативного речевого поведения. Она, по мнению многих исследователей, выходит далеко за рамки тематической когерентности («не отклоняйся о темы») речевой интеракции и может объединить в себе все остальные «максимы», обеспечивающие успешность коммуникативного акта [Grice, 1979]. В терминах Ю. С. Степанова такая языковая категория является суперкатегорией [Степанов, 2001: 26], объединяющей в себе языковые элементы всех уровней и реализующейся на *гиперсемантическом* уровне, включающем как семантическое, так и прагматическое – постоянно вариативное – пространство динамического интеракционального семиозиса [Алферов, Кустова, 2017].

Вся речевая интеракция строится на играх интересубъективности смыслов коммуникантов, поэтому вклад каждого из них в разделяемое коммуникантами смысловое

пространство (когнитивную среду) речевого взаимодействия должен максимально способствовать реализации интенциональных целей обоих коммуникантов, даже если они противонаправлены (конфликт, манипуляция и т. д.). Поэтому, следуя за авторами «Теории релевантности» («ТР») – Д. Спербером и Д. Уилсон [Sperber, Wilson, 1986 / 1995], любой речевой вклад (высказывание) в рамках речевой интеракции *«содержит презумпцию своей собственной оптимальной релевантности»* [Шпербер, Уилсон, 1988]. При этом речевой обмен представляется не только как передача знаний (информации), а как обмен когнитивными стимулами для *«исчисления»*, *инференции* смысла высказывания собеседника. То есть происходит не просто кодирование в высказывании, передача (транзакция, по [Йокояма, 2005]), декодирование и получение определенного знания (информации), а процесс *совместной речевой деятельности по созданию разделяемого коммуникантами смыслового содержания* речевого обмена. Это есть цель любой коммуникации, реализующаяся на метауровне смыслообразования. Другими словами, вступая в коммуникацию, мы берем на себя обязательство **«быть понятыми»** – «Be relevant». Хотя эта цель, как правило, остается в пресуппозиции (презумпции), а на первый план выступают цели информирования, убеждения, развлечения и т. д. партнера по коммуникации (адресата). На первый план (в фокус) речевого взаимодействия *релевантность* выдвигается тогда, когда происходит когнитивно-коммуникативный диссонанс, то есть нарушаются условия успешности речевой интеракции (*условие пропозиционального содержания, Принцип кооперативности, Постулаты вежливости* и т. д.) [Попова, 2019а].

Поэтому, следуя «ТР», у говорящего имеются две интенциональные цели: **информативное намерение** (передача знания) и **коммуникативное намерение** – говорящий имеет намерение сигнализировать собеседнику о своем информативном намерении [Sperber, Wilson, 1986 / 1995].

Если информативное намерение реализуется посредством пропозиции (P) высказывания (U – utterance), то коммуникативное намерение требует определенных воспринимаемых адресатом (остенсивных) маркеров, например, вербальных «метаречевых рефлексивов» [Иванников, 2017]: «Хочу вас предупредить», «Не поймите меня неправильно», «Прошу прощения, но ...», «Кстати, ...», «Как бы ни так!», «Трудно представить, чтобы ...», «Ну и (наконец) ...» и т. д., то есть говорящий стремится указать на то, как нужно воспринимать высказывание в различных аспектах речевого взаимодействия:

- иллокутивном (тип речевого акта),
- аргументативном (подтверждение / опровержение, контраргументация),

– интерперсональном (эмпатия / антипатия) и  
– дискурсивно-интеракционном (уместность и когерентность высказываний, обратная связь и т. д.) [Алферов, 2001; Попова, 2013].

Таковыми маркерами становятся и паравербальные средства – мимика, жесты, телесная кинесика, интеракциональная проксемика (дистанция и т. д.) [Попова, 2019б]. В формировании смысла участвует контекст в широком понимании – энциклопедические знания и коммуникативная компетенция (способность воспринимать имплицитно передаваемую информацию и т. п.) [Попова, 2020а].

Однако, семантика и прагматика тесно переплетены в гиперсемантическом интерсубъективном смыслообразовании, поэтому маркером коммуникативного намерения может стать само пропозициональное содержание. Так происходит в письменной речи, особенно в художественной и поэтической (метафорической), юморе и афористике, когда возникает нарушение «условия пропозиционального содержания» [Searle, 1982], то есть когда семантика входит в конфликт или отношения взаимодополняемости с прагматикой контекста высказывания. Такова, например, шутка, ирония и метафора [Wilson, 2013].

В разговорной речи говорящие используют метаречевой договор по поводу референциальной, иллокутивной, аргументативной значимости (релевантности) высказываний собеседника («Я вас правильно понял?», «Вы хотите сказать, что ...», «Неужели вы думаете, что ...» и т. п.).

Например, в диалоге из пьесы Ф. Сеган говорящие прибегают к конвенциализированным метарефлексивам *Voulez-vous insinuer* ‘Вы клоните к тому, что’ и ироничному разговорному клише *Ah bien, j’espère* ‘А, я надеюсь’:

*«Louis: Voulez-vous insinuer que Sylviane, cet ange, n’était pas vierge?»*

*Isabelle: Ah bien, j’espère»* [Sagan, 1970: 75]. ‘Луи: Вы клоните к тому, что Сильвиана, этот ангел, уже не девственница? – Изабель: А, я надеюсь’.

Реплика Луи ставит под сомнение истинность импликации предыдущей (отсутствующей) реплики Изабель и имеет *иллокутивную силу* («сильную импликацию<sup>1</sup>») *удивленного и тревожного сомнения*. Разговорное клише «А, я надеюсь» выступает как ироническое подтверждение, имплицитующее контраргументативную направленность. Клише *А, я надеюсь* («слабая импликация») меняет *имплицитующую отрицательную оценку*

---

<sup>1</sup> Разделение в «ТР» сильной и слабой импликатур соответствует делению на жестко детерминированные контекстом интерпретации (сильные импликатуры) и интерпретации (слабые импликатуры), дающие свободу ассоциативным механизмам, зависящим от широты и глубины индивидуальной когнитивной сферы коммуниканта-интерпретатора (поэзия, образность, воображение и т. п.) [Sperber, Wilson, 1986].

реплики Луи на *положительную*, придавая реплике Изабель *иллокутивную одобрения*, значимого также в интерперсональном, аргументативном и дискурсивном («сильное окончание», или «пуанта» [Алфёров, Кустова, Попова, 2015]) аспектах речевой интеракции.

Основным условием успешности иронического высказывания является «шифтинг» (переключение) первичной семантики на уровень «вторичности» подразумевания, семантически противоречащего первичному [Wilson, 2013]. Здесь в фокус интеракционального смыслообразования попадает не информационное, а коммуникативное намерение говорящего (иллокутивное, интерперсональное и т. д.). А точнее – в интерсубъективной когнитивной среде (*общем смысле – shared sense* [Dijk, 2008]) речевой интеракции происходит дефокусирование интенции говорящего и профилирование интерпретативной интенции адресата (ср. [Dijk, 2014]). Поскольку прямая семантика иронического высказывания оказывается «нерелевантной», происходит поиск интерпретационных допущений ([Sperber, Wilson, 1986]), основанный на презумпции релевантности любого высказывания. И тогда в силу вступает основной принцип «ТР»: *релевантность прямо пропорциональна контекстуальным эффектам и обратно пропорциональна усилию*, затрачиваемому на её когнитивную обработку (инференцию, интерпретацию, осознание) [Попова, 2019в; Sperber, Wilson, 1986: 56]. Под контекстуальными эффектами понимается *значимость высказывания* для адресата (новая информация, подтверждение его полаганий, юмористический гелотогенный эффект и т. д.).

Таким образом, пропозиция (P) и её высказывание (U) являются релевантными, если и только если знания, передаваемые P и U, либо подтверждают и/или усиливают *внутренние убеждения* (beliefs) субъекта, либо *убедительно модифицируют* ментальную среду субъекта, принимающего эту модификацию как *истинную* и/или *необходимую* [Murphy, Shleifer, 2004: 435]. Если для достижения такого двустороннего положительного эффекта имеются препятствия в виде непреодолимых когнитивных противоречий (когнитивного диссонанса), тогда усилия, затрачиваемые на их преодоление, делают P и / или U **не- или менее релевантными**. Эта гипотеза обращает нас к таким свойствам категории релевантности, как *градуальность* и *субъективность* [Попова, 2019в]. Приведем несколько высказываний-мемов, в том числе, три «одностишья» Владимира Вишневого (3–5):

- (1) *За весной приходит лето (спасибо партии за это!);*
- (2) *Стойте справа, проходите слева.*
- (3) *Ах, вы не спонсор, положите вилку!*
- (4) *Мадам, я одинок, но не настолько.*



(5) *Давно я не лежал в Колонном зале* [Вишневский, 2001].

Очевидно, что в высказывании (1) первая часть пропозиции P-1 практически нерелевантна в силу своей тривиальности. Но как раз на этом свойстве строится релевантность иронического высказывания U-1 и юмористический эффект сказывания<sup>2</sup> U-1, выраженный его пропозициональным продолжением P-1(a).

Высказывание-мем (2) – на уровне P-2 – нерелевантно для постоянных пользователей метро, соблюдающих декларируемое правило. Однако U-2 становится релевантным в ситуации пренебрежения этим правилом, приобретая иллокутивную силу порицания (замечания) в адрес нарушителей. Однофразовые тексты Вишневского (3)–(5), планируемый контекстуальный эффект которых лежит в области смешного, рассчитаны на общие энциклопедические и фоновые знания и коммуникативную компетенцию – способность к инференции (исчислению скрытых смыслов). Однако степень релевантности этих высказываний зависит от когнитивного резонанса (взаимопонимания) в интересующем смыслеобразовании [Попова, 2020б]. Условия успешности (релевантность) высказывания (3) и (4) строятся на инференции (дизъюнкции) типа:

(3') *'ОТСУТСТВИЕ СТАТУСА' ∨ 'ПРАВО НА ПРИВЕЛЕГИИ'*

(4') *'ОДИНОЧЕСТВО' ∨ 'НЕКРАСИВАЯ ВНЕШНОСТЬ'*

Высказывание (5) требует энциклопедического знания того, что «в Колонном зале Дома Союзов проводились торжественные церемонии прощания с усопшими государственными и культурными деятелями». Гелотогенный контекстуальный эффект достигается за счет противоречия между пресуппозицией и соотнесенностью пропозиции с самим говорящим («Я»), а также между пресуппозицией и семантикой дейктика «давно», предполагающей регулярность предметной (референтной) ситуации. Как видим, пропозиция высказывания (P-5) взаимодействует с условиями произнесения и глубинным контекстом порождения высказывания (U-5).

Таким образом, приоритет интерпретативной функции языка ([Болдырев, 2011]) в речевом взаимодействии обусловлен не механизмом «кодирования-декодирования», а инференционной моделью «наводящихся смыслов»: говорящий планирует контекстуальный эффект, а реципиент подчиняется такой интенциональной импликации и приступает к интерпретации. Происходит согласование (когнитивный резонанс) «внутренних релеванностей» ([Шюц, 2004]) собеседников, что в случае успешности

---

<sup>2</sup> О дифференциации «высказывания» (énoncé) и «сказывания» (énonciation) см., напр. [Kerbrat-Orecchioni, 2002]

(понимании) проявляется в «обоюдной очевидности» (*mutual manifestness*<sup>3</sup>), которая выполняет в концепции Спербера и Уилсон роль общих и разделяемых знаний (*commun / shared knowledge*) [Sperber, Wilson, 1995].

Однако случается, что когнитивный диссонанс возникает намеренно. Тогда планируемый говорящим контекстуальный эффект не совпадает с прагматическим результатом интерпретации высказывания адресатом. Более того, этот незапланированный эффект может отражать особую «критическую интенциональность», или *когнитивно-прагматическую предвзятость* (*cognitive bias* [Haselton, 2006]) интерпретатора. Тогда сомнения по поводу релевантности высказывания имеют эристическую (угрожающую «лицу» собеседника) интенциональность [Тамразова, 2016]. Таковы политические малапропизмы и «фразоиды» («*petites phrases*» [Krieg-Planque, 2011]) – высказывания, составляющие делокутивный («от речи») имидж политика (*черномырдинки, ширакизмы, макронизмы*) [Алферов и др., 2018]. Эти высказывания-мемы [Молчанова, 2018; Попова, 2019г] – могут обладать универсальной релевантностью (афористичностью), парадоксальностью: «Хотелось как лучше, а получилось как всегда», «Лучшей водки хуже не бывает» (В. Черномырдин); либо интерпретативной контекстуальной иррелевантностью, связанной с глубинным и поверхностным контекстом интерпретации: «Она утонула» (В. Путин), «Не так сели» (Б. Ельцин), «*Casse-toi, pauvre con!*» (N. Sarkozy) – ‘Вали отсюда, придурок!’ (Н. Саркози) и др.

Таким образом, целесообразно говорить о релевантности порождаемого высказывания и релевантности интерпретации этого высказывания. При совпадении обеих релевантностей возникает взаимопонимание, или «когнитивный резонанс» как основа для консенсуса и условие успешности речевой интеракции [Попова, 2020б].

Исследуя французский политический дискурс, можно сделать следующий вывод, что когнитивная и институциональная предвзятость, например, партийная принадлежность, рождает практически отрицательную релевантность интерпретации, отражающую механизмы властной произвольности (от слова «произвол») языковой семантики [Попова, 2019г]. Этот феномен отметили, каждый по-своему, два выдающихся интеллектуала – Льюис Кэрролл и Альфред Шюц:

– в речезыковом воплощении:

*«Я утверждаю, что любой человек, пожелавший написать книгу, вправе придумать*

---

<sup>3</sup> Мы остановились на этом варианте перевода (кальке) термина, принятого в «ТР», хотя И. П. Сусов передает это понятие теории релевантности как «манифестируемость» и «взаимная манифестируемость» [Сусов, 2006: 143].

любое значение любому слову или любой фразе, которыми он намерен пользоваться. Если в начале фразы автор говорит: «Под словом ‘черное’, не оговаривая того, я всегда буду понимать ‘белое’, а под ‘белым’ – ‘черное’, – то я с кротостью подчинюсь его решению, сколь безрассудным ни казалось оно мне» [Кэрролл, 1990: 234];

– в социальной интеракции:

*«Применительно к социальным отношениям понятие навязанных релевантностей не содержит никакой отсылки к тому, принимается ли партнером указанное соотношение навязанных релевантностей или не принимается. Степень готовности к принятию или непринятию навязывания внутренних релевантностей другого, согласию с ним или сопротивлению ему, видимо, можно было бы с выгодой использовать для классификации разных социальных отношений»* [Шюц, 2004: 566].

### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Алфёров А. В. Интеракциональный дейксис. Пятигорск: ПГЛУ, 2001. 296 с.
2. Алфёров А. В., Кустова Е. Ю. Импликативная динамика языкового знака как механизм креативного семиозиса // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Донецк: ДонНУ, 2017. С. 8-15.
3. Алфёров А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика, 2015. № 2. С. 57-62.
4. Алфёров А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Тамразова И. Г., Якушева А. В. Релевантность и эристичность политической коммуникации: паремические малапропизмы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 183-187.
5. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11-16.
6. Иванников Е. Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2017. Р. 337-347.
7. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
8. Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. Москва: Наука, 1990. 359 с.
9. Молчанова Г. Г. Когнитивная коммуникация и транзакционные подходы к устойчивым вербальным символам // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Москва, 2018. С. 6-14.
10. Попова Г. Е. Категория релевантности в речевой интеракции // Актуальные аспекты интеракциональной теории языка: коллективная монография / ред. А. В. Алфёров, Е. Ю. Кустова. Пятигорск, 2013. Гл. 2. С. 42-76.
11. Попова Г. Е. Теория релевантности: актуальный эвристический потенциал // Мир лингвистики и коммуникации. 2019а. № 56. С. 122-134.
12. Попова Г. Е. Релевантность полимодального пространства речевой интеракции // Когнитивные исследования языка. Вып. 38: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка, 2019б. С. 148–155.
13. Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019в. 368 с.
14. Попова Г. Е. Релевантность персонального дискурса в политике // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. Донецк: ДонНУ, 2019г. Т. 15.

Вып. 1–2 (43–44). С. 93–99.

15. Попова Г. Е. Теория релевантности: две концепции контекста // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2020а. Т. 16. № 1 (47). С. 60–69.

16. Попова Г. Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционного энталламирания // *Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы*. Тамбов, 2020б.

17. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Москва: Восток–Запад, 2006. 200 с.

18. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 312с.

19. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 26. С. 85–87.

20. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва: Прогресс, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 153–212.

21. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

22. Dijk van T. A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

23. Dijk van T. A. *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. London: Cambridge University Press, 2014. 400 p.

24. Grice H. P. *Logique et conversation* // *Communications*, 30. P.: Seuil, 1979. P. 57–72.

25. Haselton M. G., Nettle D. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. 10(1). P. 47–66.

26. Kerbrat-Orecchioni C. *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*. P.: A. Collin, 2002. 267 p.

27. Krieg-Planque A., Ollivier-Yaniv C. Les «petites phrases» en politique // *Communication et Langages*. 2011. № 168. P. 57–68.

28. Murphy K. M., Shleifer A. Persuasion in Politics // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 2004. XCIV. P. 435–39.

29. Searle J. R. *Sens et expression*. Paris: Minuit, 1982. 248p.

30. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 265 p. / 2nd Ed. Oxford; Cambridge: MA, 1995. 338 p.

31. Wilson D. Irony comprehension: A developmental perspective // *Journal of Pragmatics*. 2013. № 59. P. 40–56.

### **СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. Вишневский В. Владимир Вишневский в супере и без: Вишневский сад: Первоисточники, Недлинка, Стихи для чтения в оригинале, В наше нелегкое время когда. Москва: Подкова, 2001. 302 с.

2. Sagan F. *Un piano dans l'herbe*. P.: Flammarion, 1970. 127p.

### **REFERENCES**

1. Alferov, A. V. (2001). *Interaktsionalnyy deiksis* [Interactional deixis]. Pyatigorsk: PGLU. (In Russ.).

2. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu. (2017). Implikativnaya dinamika yazykovogo znaka kak mekhanizm kreativnogo semiozisa [Implicative dynamics of the language sign as a mechanism of creative semiosis]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinit i kategorii*. Donetsk: DonNU. Pp. 8–15. (In Russ.).

3. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Popov, G. E. (2015). Relevantnost v kontseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse [Relevance in the conceptualization of Russia in the French parliamentary discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2. Pp. 57–62. (In Russ.).

4. Alferov, A.V., Kustova, E. Yu., Popova, G. E., Tamrazova, I. G., Yakusheva, A. V. (2018). Relevantnost i eristichnost politicheskoy kommunikatsii: paremicheskie malapropizmy [Relevance and eristic of political communication: paremic malapropisms]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3. Pp. 183-187. (In Russ.).
5. Boldyrev, N. N. (2011). Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Interpretative function of language]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 33 (248). Pp. 11-16. (In Russ.).
6. Ivannikov, E. B. (2017). Yazykovaya refleksiya: ot metateksta k refleksivu [Language reflection: from metatext to reflexive]. In *Problemy istorii, filologii, kultury*. No. 1. Pp. 337-347. (In Russ.).
7. Yokoyama, O. (2005). *Kognitivnaya model diskursa i russkiy poryadok slov* [Cognitive model of discourse and Russian word order]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
8. Carroll, L. (1990). *Alisa v Strane chudes. Alisa v Zazerkale* [Alice in Wonderland. Alice through the looking glass]. Moskva: Nauka. (In Russ.)
9. Molchanova, G. G. (2018). Kognitivnaya kommunikatsiya i tranzaktsionnye podkhody k ustoychivym verbalnym simvolam [Cognitive communication and transactional approaches to stable verbal symbols]. In *Yazyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya*. Moskva. Pp. 6-14. (In Russ.).
10. Popova, G. E. (2013). Kategoriya relevantnosti v rechevoy interaktsii [Category of relevance in speech interaction]. In *Aktualnye aspekty interaktsionalnoy teorii yazyka: kollektivnaya monografiya* / red. A. V. Alferov, E. Yu. Kustova. Pyatigorsk. Gl. 2. Pp. 42-76. (In Russ.).
11. Popova, G. E. (2019a). Teoriya relevantnosti: aktualnyy evristicheskiy potentsial [Relevance Theory: actual heuristic potential]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. No. 56. Pp. 122-134. (In Russ.).
12. Popova, G. E. (2019b). Relevantnost polimodalnogo prostranstva rechevoy interaktsii [Relevance of the polymodal space of speech interaction]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. 38: Yazyki, kultury, modalnosti: Integratsiya metodov kognitivnykh issledovaniy yazyka. Pp. 148-155. (In Russ.).
13. Popova, G. E. (2019v). Relevantnost rechevoy interaktsii: aspektualnaya i zhanrovaya tipologiya [Relevance of speech interaction: aspectual and genre typology]. Pyatigorsk: Izd-vo «PGU». (In Russ.).
14. Popova, G. E. (2019c). Relevantnost personalnogo diskursa v politike [Relevance of personal discourse in politics]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 15. Vyp. 1–2 (43–44). Pp. 93-99. (In Russ.).
15. Popova, G. E. (2020a). Teoriya relevantnosti: dve kontseptsii konteksta [The Theory of Relevance: two concepts of context]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 16. Vyp. 1 (47). Pp. 60-69. (In Russ.).
16. Popova, G. E. (2020b). Kognitivnyy rezonans kak funktsiya interaktsionalnogo entalamirovaniya [Cognitive resonance as a function of interactive entailment]. In *Vzaimodeistvie myslitelnykh i yazykovykh struktur: Sobranie nauchnoy shkoly*. Tambov. (In Russ.).
17. Susov, I. P. (2006). *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Moskva: Vostok–Zapad. (In Russ.).
18. Stepanov, Yu. S. (2001). *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
19. Tamrazova, I. G. (2016). Kognitivnoe prostranstvo eristiki [Cognitive space of Eristic]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 26. Pp. 85-87. (In Russ.).

20. Sperber, D., Wilson D. (1988). Relevantnost [Relevance]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moskva: Progress. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. Pp. 153-212. (In Russ.).
21. Schutz, A. (2004). *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected papers: The World glowing of meaning]. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). (In Russ.).
22. Dijk, van T.A. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Dijk, van T.A. (2014). *Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach*. London: Cambridge University Press.
24. Grice, H. P. (1979). Logique et conversation. In *Communications*, 30. P.: Seuil. Pp. 57-72.
25. Haselton, M. G., Nettle, D. (2006). The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases. In *Personality and Social Psychology Review*. 10(1). Pp. 47-66.
26. Kerbrat-Orecchioni, S. (2002) *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*. P.: A. SOLLIN.
27. Krieg-Planque, A. Ollivier-Yaniv, C. (2011). Les «petites phrases» en politique. In *Communication et Langages*. No.° 168. Pp. 57-68.
28. Murphy, K. M., Shleifer, A. (2004). Persuasion in Politics. In *American Economic Review*. Papers and Proceedings. XCIV. Pp. 435–39.
29. Searle, J. R. (1982). *Sens et expression*. Paris: Minuit.
30. Sperber, D., Wilson, D. (1986 / 1995) *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell / 2nd Ed. – Oxford; Cambridge: MA.
31. Wilson, D. (2013). Irony comprehension: A developmental perspective. In *Journal of Pragmatics*. No. 59. Pp. 40-56.

#### **SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL**

1. Vishnevskiy, V. (2001). *Vladimir Vishnevskiy v supere i bez: Vishnevskiy sad: Pervoistochniki, Nedlinka, Stikhi dlya chteniya v originale, V nashe nelegkoe vremya kogda* [Vladimir Vishnevsky in dust jacket and without: Vishnevsky garden: Primary Sources, Short forms, Poems for reading in the original, in our difficult time when]. Moskva: Podkova. (In Russ.).
2. Sagan, F. (1970) *Un piano dans l'herbe*. P.: Flammarion.

**Попова Галина Евгеньевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: geropova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный технический университет» 414056, Астрахань, Татищева 16

**Popova Galina E.** – Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department (e-mail: geropova@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State Technical University» 16 Tatichsheva, Astrakhan, 414056

*Поступила в редакцию 02 ноября 2020 г.*

## ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.521:811.111:811.161.1

© 2019 Т. А. Басова

### ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЯПОНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ 腹 ('HARA') В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ И АНГЛИЙСКИМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ

*Данная статья посвящена выяснению роли соматического компонента 腹 'hara' ('живот') в формировании значения японских номинативных и коммуникативных фразеологических единиц. В работе проливается свет на семантический и лингвокультурологический аспекты данного компонента, а также производится сопоставительный анализ фразеологических единиц японского языка с фразеологическими единицами с эквивалентным компонентом-соматизмом в русском и английском языках.*

*Ключевые слова:* фразеологические единицы, эквиваленты, национально-окрашенные фразеологизмы, культурное пространство, сопоставительный анализ.

© 2019 Т. А. Basova

### COMMON AND SPECIFIC FEATURES OF JAPANESE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT 腹 ('HARA') IN COMPARISON WITH RUSSIAN AND ENGLISH UNITS

*The article analyzes the role of the somatic component 腹 'hara' ('belly') and its meaning in Japanese nominative and communicative phraseological units. Its semantic and linguocultural aspects are investigated in the paper, and the Japanese units with the 'belly' component are compared to English and Russian PUs with the same somatic component.*

*Keywords:* phraseological units, equivalents, national-specific features of PUs, cultural space, comparative study.

#### 1. Введение

В данной статье предпринимается попытка исследовать соматический компонент 'живот' ('hara') в японских коммуникативных и номинативных фразеологизмах; цель научного исследования – раскрыть семантические особенности и лингвокультурологическую составляющую этих ФЕ, а также произвести сопоставление с фразеологизмами-эквивалентами русского и английского языков. Основными методами, задействованными в исследовании обозначенного участка фразеологии, являются: а) метод фразеологической идентификации, предложенный А. В. Куниным [Кунин, 1996: 38], б) лингвокультурологический метод, разработанный М. Л. Ковшовой [Ковшова, 2016: 146].

Живот в представлении японцев напрямую связан с мыслями, эмоциями, переживаниями, душевным планом человека, являясь даже более распространенным соматическим компонентом в фразеологическом многообразии японского языка, чем, например, 'голова', 'нога', 'лицо', поэтому его глубокое понимание актуально для повышения качества межкультурной коммуникации и переводческой деятельности. Благодаря тщательному анализу заложенных в данные ФЕ особенностей, разбору их семантической составляющей и исследованию их вариаций становятся видны общие черты и различия в содержании этого компонента в трех неродственных языках: русском, английском и японском. Фразеологические единицы, служащие материалом данного исследования, относятся к соматическому (телесному) коду культуры – универсальному коду, запечатленному в человеческом теле, которое является одним из инструментов познания реальности. Когнитивная деятельность относительно тела и через тело создает ассоциативные связи с объективным миром, и символические образы фиксируются в языковых картинах мира, но в каждом национальном языке – по-своему [Ковшова, 2016: 168]. Классификации кодов культуры и их особенностей производились в трудах В. В. Красных, М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова, В. Н. Телия, Е. А. Селивановой.

*Hara* является символически нагруженным знаком в японской культуре [Алпатов, 2008: 139; Спеваковский, 1981: 39]. Исследователь культуры и истории Японии А. Б. Спеваковский отмечает: «Согласно философии буддизма, в частности учению секты «дзэн», в качестве основного, центрального жизненного пункта человека и тем самым местопребыванием жизни рассматривается не сердце, а брюшная полость. В соответствии с этим японцы выдвинули тезис, что жизненные силы, расположенные в животе и занимающие как бы срединное положение по отношению ко всему телу, способствуют якобы более уравновешенному и гармоничному развитию азиата, нежели европейца, основным жизненным центром которого является сердце. Несмотря на то, что в некоторых работах европейских авторов приводилась мысль об отождествлении японского понимания категории “душа” с аналогичными понятиями у древних греков (называвших вместилищем души – психэ – грудобрюшную преграду) и у древних иудеев (древнееврейские пророки говорили о местопребывании души в кишечнике), «хара» в японском смысле не является эквивалентом «души» в европейском понимании» [Спеваковский, 1981: 39]. С его точки зрения, многие японские фразеологизмы с этим компонентом говорят скорее об истинных чувствах и мыслях, о *нутре*, а не о душе как некой высшей духовной сущности человека, как это представляется в европейской



культуре. Так, например, обряд харакири (*живот + резать*) – вспарывание своего живота мечом, практиковавшееся в основном самураями – символизировал чистоту намерений и мыслей, демонстрировал мужество не только распороть живот как таковой, но и достичь максимальной откровенности в попытке искупить, доказать или оправдать что-либо: «Таким образом, живот японцы рассматривают как внутренний источник эмоционального существования, и вскрытие его путем харакири означает как бы открытие своих сокровенных и истинных намерений, служит доказательством чистоты помыслов и устремлений. Другими словами, по понятиям самураев, «сэппуку является крайним оправданием себя перед небом и людьми», и его символика более духовного свойства, чем простое самоубийство» [Спеваковский, 1981: 40]. С точки зрения восточных представлений об устройстве человека, а также восточных боевых искусств, живот является одним из ключевых энергетических центров, который находится в брюшной полости. Это нижняя точка равновесия и баланса (яп. *тандэн*, кит. *даньтянь*), источник и хранилище тонкой энергии. В Японии существуют направления нетрадиционной медицины, по которым состояние организма определяется через пальпацию брюшной полости. В боевых искусствах и системах упражнений особое внимание уделяется «движению от живота»; только при применении этого принципа удары считаются энергетически наполненными и эффективными.

Большинство толковых словарей японского языка выделяет как минимум пять основных дефиниций понятия ‘*hara*’: а) живот в широком смысле, область живота; б) метонимический перенос или генерализация названий конкретных органов, которым приписываются реальные или мифические свойства: желудок и кишечник (голод, пищеварение, жадность), репродуктивная система (рождение детей); в)местилище истинных мыслей, чувств, эмоций, намерений, глубинный эмоционально-ментальный план человека; г) выступающая, выпуклая часть чего-либо (например, широкая часть бутылки или максимальный подъем амплитуды); д) внутренняя сторона чего-либо в противовес «спинке» или наружной стороне (яп. *親指の腹* – букв. «живот большого пальца», подушечка большого пальца). В японских соматических ФЕ, обнаруженных во фразеологических словарях и справочниках [Быкова, 2007; Васина, 2006; Vuchanan, 1987; Takashima, 2000; Yamamoto, 2007], компонент ‘*hara*’ попадает именно в первые три семантические категории, по которым и производится классификация ФЕ в данной статье.

Что касается русского языка, толковые словари Д. Н. Ушакова и В. И. Даля выделяют только два значения лексемы ‘живот’: а) живот как часть тела человека; б) устар. жизнь. Однако здесь правомерно упомянуть и другие синонимичные слова:

*нутро, брюхо, пузо, чрево* и пр., которые имеют больше общего с некоторыми японскими дефинициями. Нутро, помимо буквального обозначения внутренностей, также соотносится с истинной сущностью, психическим миром человека, его мыслями, чутьем и инстинктами. Соответственно, в русской фразеологии компонент 'живот' в совокупности с его синонимами обладает частично эквивалентными характеристиками с японским понятием 'hara'. Подобно обстоит ситуация и в английском: тогда как у *belly* достаточно узкий спектр определений (живот, аппетит, выступающая часть, внутренняя часть), некоторые его синонимы обладают большим разнообразием метафорических значений. Из них наиболее плодоносным во фразеологии английского языка является слово *gut / guts* (кишки, внутренности, нутро), которое помимо буквальных значений соотносится с инстинктивным чутьем, глубинными эмоциями, а также качеством смелости; *stomach* (живот, желудок) связывается с волнением, решимостью, отношением к вещам (способностью их «переваривать» или переносить). Некоторые фразеологизмы русского языка с лексическим компонентом 'живот' в его устаревшем значении 'жизнь', однако, не имеют отношения к животу как части тела и не являются соматическими. Согласно исследованиям В. В. Колесова, данное слово изначально использовалось только в значении 'жизнь', а также 'нажитое', 'домашний скот', тогда как для обозначения живота употреблялось стилистически нейтральное в то время слово *брюхо* [Колесов 1986: 23]. (Ср.: в современном польском языке лексема *brzuch* по-прежнему стилистически нейтральна, а *życie* – возвышенный термин для обозначения жизни, который можно перевести как *жизнь*). Семантический сдвиг лексемы 'живот' в русском языке впервые зафиксирован в письменных источниках XVI-XVII века: тогда за ним закрепилось современное значение, вероятно, в связи с беременностью, при которой живот становится местом зарождения новой жизни [Вендина, 2008: 8]: ребенок (новая жизнь) в животе → живот (как область тела).

## **2. Основная часть исследования: семантические группы фразеологизмов**

### **2.1. Живот как область тела**

Фразеологизмы с компонентом 'hara' в буквальном, непереосмысленном значении (живот как передняя центральная часть тела) не очень многочисленны в японском языке. Среди них обнаружены следующие глагольные ФЕ и пословицы: 牝牛に腹突かれる (букв. *получить рогом в живот от коровы*) – неожиданно попасть в неприятное положение (ср. с англ. *a kick in the guts*). 杓子/連木/搗粉木/切匙で腹を切る (букв. *резать живот (делать харакири) черпаком/деревянным пестиком/толкушкой*) – пытаться

сделать невозможное или нерациональное. 恩の腹は切らねど、情の腹は切る (букв. *из признательности (в качестве расплаты за одолжение) живот не режут (харакири не делают), а из сердечных чувств и чувства долга – режут (делают харакири)*) – жертвенностью больше двигает привязанность, нежели формальное чувство благодарности. 背に腹はかえられぬ (букв. *спину на живот не променяешь*) – о необходимости пожертвовать чем-либо для защиты более ценного: лучше подставить спину, чем живот. Все они могут быть подвергнуты при необходимости дословному или описательному переводу и быть при этом правильно понятыми, так как ассоциация «живот – жизненно важная область тела» присуща многим языковым картинам мира. Интересно, что русские несоматические ФЕ *не щадя живота своего* (не жалея себя), *положить живот* (пожертвовать жизнью) могут подсознательно восприниматься как относящиеся к животу, в котором сконцентрирована жизненная сила человека, так как значение ‘жизнь’ устарело и не всем известно.

Такие ФЕ, как 腹の皮をよじる (букв. *скрутить кожу живота*) и 腹を据えて笑う (букв. *смеяться, «поставив» живот*), очень близки русской ФЕ *надорвать живот со смеху* или английским *bust a gut laughing* и *split a gut*; настолько близкие аналоги в неродственных языках существуют по объективным физиологическим причинам. В английском также обнаруживаем *belly laugh* «смех животом»: раскатистый, эмоциональный, громкий смех.

Интересен японский фразеологизм 痛くもない腹を探られる (букв. *быть прощупанным в области живота, несмотря на отсутствие болей*), обладающий национально-специфическими особенностями (нетрадиционная медицина: пальпация живота) и имеющий значение ‘быть невинно заподозренным’ (ср. с русским фразеологизмом *прощупывать нутро*).

В английском ‘belly’ в сочетании с компонентами ‘beast’, ‘devil’ также употребляется в фразеологизмах, связанных с опасностью, в которую попадает человек, или дурной ситуацией: *the belly of the beast*, *What goes over the devil's back comes under his belly* (ассоциативное живота мистической сущности с западной, замкнутой пространством).

Итак, в японской фразеологии живот как область тела имеет ассоциативный признак «уязвимая, ценная часть тела», так как в нем находятся важные для жизнедеятельности человека органы, нуждающиеся в защите, ведь от их функционирования зависит жизнь. В японской, английской и русской фразеологии также отражается тот факт, что сильный смех всегда связан с напряжением живота. В японском языке помимо этого

обнаруживаются ФЕ, в которых упоминается практика харакири (разрезания живота), одним из денотативных компонентов смыслового значения которой в фразеологизмах является «серьезное дело»: серьезное дело бессмысленно делать чем попало (черпаком, пестиком) – о неразумности; серьезные дела не совершают из формальности, а только из глубоких чувств. В русском и английском языках ФЕ с компонентом ‘живот’ в буквальном значении в целом достаточно малочисленны.

## **2.2. Живот как генерализация других органов брюшной полости (метонимия)**

Достаточно обширная группа японских ФЕ с элементом ‘hara’ ссылается на деятельность органов, находящихся непосредственно в животе. В первую очередь это органы пищеварительной системы (желудок, кишечник): 腹を拵える (букв. «изготавливать» живот) – подкрепиться (ср. со стилистически более резкими *набить брюхо, пузо лопается*). 茶腹も一時 (букв. и чай в животе [сойдет] на время) – лучше что-то, чем ничего, 腹が減っては戦ができぬ (букв. на «стянутый живот» битва невозможна) – ср. с английской пословицей *An army marches on its stomach*, 腹も身の内 (букв. живот – тоже часть тела) – о вреде избыточного потребления пищи, 腹八分に医者要らず (букв. врач не потребуется, если восемь раз в день [наполнять] живот) – предписание питаться часто и маленькими порциями для поддержания здоровья, 空き腹にまずい物なし (букв. на пустой живот неприятного нет) – эквивалент пословиц *Голод – лучший повар, Hunger is the best sauce*, 腹の皮が張れば目の皮がたるむ (букв. если растягивается кожа живота, то провисают веки) – *Полное брюхо к ученью глухо, A fat belly, a lean brain*. В русском и английском языках также существует и антонимичная пословица: *Голодное брюхо к учению глухо, A hungry stomach has no ears*. Следует отметить, что в русском и английском языках работа органов пищеварения за редким исключением чаще представлена через более конкретные лексемы, нежели общее слово ‘живот’, а именно ‘желудок’, ‘голод’, ‘аппетит’ и др. Например: *луженый желудок, праздник желудка, голод не тетка, путь к сердцу мужчины лежит через желудок, нагуливать appetite, cast-iron stomach, sour stomach, to whet one's appetite* и др., тогда как фразеологические единицы с компонентом ‘желудок’ 胃 ('i') в японском отсутствуют вовсе. Компонент ‘кишки’ 腸 ('harawata') в свою очередь далеко не так распространен в японской фразеологии, как ‘живот’, не связан с кишечником как органом, а передает внутренний мир человека и практически всегда имеет негативные коннотации: *рвать кишки* (испытывать душевные терзания), *резать кишки* (испытывать тяжелые эмоции), *кишки гниют* (ср. с рус. *гнилое утро*), *кишки бурлят* (испытывать злобу) [Быкова, 2007: 242].

В японской фразеологии также прослеживается ассоциативная связь «живот – беременность»: 後腹が病める (букв. *беспокоят остаточные боли живота [послеродовые]*) – страдать от какого-либо ущерба, несмотря на достигнутую цель, 諍いをしいしい腹を大きくし (букв. *если [муж и жена] часто спорят, то живот увеличивается*) – споры в браке ведут к тому, что легко появляются дети, после ссор супруги мирятся. Русские ФЕ с синонимами компонента ‘живот’ описывают саму беременность и имеют скорее негативную окраску: *таскать пузо, нагулять брюхо, заделать пузо*.

### **2.3. Живот как внутренний мир человека**

В японском языке наибольшее количество ФЕ с компонентом ‘hara’ попадают именно в данную семантическую группу, отражая разные свойства и состояния человека, поэтому некоторые исследователи называют компонент ‘hara’ духовно-соматическим:

1. План душевных качеств (черты характера, сущность, воля): 腹が大きい (букв. *большой живот*) – широкая душа, великодушие, 腹を見せる (букв. *показать живот*) – демонстрировать великодушие. Связь размера живота и «великой души» отражена в обликах некоторых святых в буддизме, а также в традиционных синтоистских верованиях: считалось, именно в их животах содержалась мощная жизненная энергия (яп. *ки*). В японской культуре семь богов счастья изображаются с объемными животами, которые символизируют благополучие, благодушие, веселье. 腹が黒い (букв. *чёрный живот*) – ср. с русскими выражениями *гнилое нутро, черная душонка*. 口に蜜あり腹に剣あり (букв. *во рту мед, в животе нож*) – быть двуличным.

В английском в эту категорию попадают *misery guts* (унылый человек), *yellow-belly* (трусливый; в данной ФЕ образной основой послужил желтобрюхий дятел, которому приписывается качество пугливости), *to hate one's guts* (ненавидеть чью-либо сущность всецело, ненавидеть до глубины души). В русском же в этой категории распространены фразеологизмы с компонентом ‘нутро’: *звериное нутро, железное нутро, истинное нутро, пустое нутро* и др., описывающие характер человека.

В следующих японских фразеологизмах живот говорит о качестве смелости, решимости, воли: 腹が無い (букв. *нет живота*) – нет мужества, 腹が据わる (букв. *живот «устанавливается»*) – набраться мужества, проявить решимость (близко к выражению *to have the stomach for something*; ср. также с выражением *a fire in one's belly*, говорящем о воле и жажде действовать). В английском языке распространены фразеологизмы, имеющие отношение к храбрости или ее отсутствию, с компонентом ‘gut’: *get enough guts up (to do something), have no guts, No guts, no glory*. Единственное

русское выражение, включающее живот или органы живота и семантически связанное со смелостью, – *кишка тонка*.

2. Эмоциональный план (переживания, чувства): 腹にすえかねる (букв. *быть не в силах успокоить живот*) – потерять терпение, 腹が痛まない (букв. *живот не болит*) – голова не болит о чем-либо, не о чем беспокоиться. Интересно, что в английском есть идиома *to quit bellyaching* – прекратить ныть, жаловаться, выражать беспокойство. 腹が痛める子 (букв. *ребенок, от которого болит живот*) – родной ребенок. Одним из наиболее часто употребляемых японских выражений является 腹が立つ (букв. *живот встает*), имеющее значение ‘раздражаться’, ‘сердиться’: данная метафора в своей образности подобна идиоме *выходить из себя*. По пословицам мы видим, насколько сильно это действие осуждается в японской языковой и национальной картине мира: 腹の立つ事は明日言え (букв. *о том, из-за чего «встал живот», завтра расскажешь*) – необходимо дать эмоциям улечься, 腹立てるより義理立てよ (букв. *вместо того, чтобы «поставить живот», поставь [выше] чувство долга*) – правила поведения в обществе важнее личных эмоций, 腹が立つなら親を思い出せ (букв. *если «встает живот», вспомни родителей*) – недостойное поведение позорит родителей, 理屈を言えば腹が立つ (букв. *споры приводят лишь к «вставанию живота», агрессии*) – ищи компромисс и мн. др. Интересно также составное слово 腹心 – «живот-сердце» со значениями ‘самый-самый’, ‘наиболее глубоко сидящий в душе (т. е. в животе и сердце)’, ‘ближайший’. Данное слово используется в японских устойчивых сочетаниях «закадычный друг», «заклятый враг», «правая рука» (в значении ‘помощник’). В английской фразеологической картине мира живот, желудок могут выступать как место приятного волнения, а также отвращения: *to have butterflies in one's stomach, to be sick to one's stomach, to turn one's stomach*. Первая идиома была калькирована в русский язык (*бабочки в животе*) и получила в последнее время широкое распространение; помимо нее существуют и другие ФЕ, отражающие человеческие эмоции: *выворачивать нутро, пробираться до нутра*.

3. Ментальный план (мысли, намерения, ум): 腹に一物ある (букв. *иметь «одну вещь» в животе*) – иметь задние мысли, скрытые умыслы, 腹を合わせる (букв. *соединить животы*) – сойтись во взглядах, договориться, 腹を割って話す (букв. *разговаривать, раскрыв животы*) – разговаривать максимально откровенно, 腹を読む (букв. *читать живот*) – читать чьи-либо намерения, понимать ход мыслей, читать в душе. 思う事、言わねば腹ふくる (букв. *если не выговориться, то живот распухнет*) – если все мысли держать в себе, то возникнет плохое самочувствие. В английском также

находим выражения *to spew one's guts* (выложить все начистоту), *to spill one's guts on someone* (выговориться кому-л.) В русских фразеологизмах с компонентом 'живот' и его синонимами ментальный план человека не отражается.

В русском и английском языке также существуют ФЕ, несущие два других значения, не проявленных в японском:

1. Шестое чувство: *the pit of one's stomach, gut feeling/instinct, gut factor, a gut reaction, нутром чуют*.

2. Место перенапряжения: *to work one's guts out, надорвать живот/нупок*.

### **3. О переводе японских фразеологизмов**

Подбор эквивалентов к фразеологическим единицам всегда представлял сложности в практике перевода ввиду отражения в них характерных для отдельных наций реалий и концептов, наличия уникальных компонентов и тонких лингвокультурологических подсмыслов. Существуют и полные эквиваленты фразеологизмов, особенно в родственных языках; зачастую они имеют один и тот же источник, как, например, религиозный или художественный текст: в европейских языках наблюдается большой пласт полностью эквивалентных фразеологизмов библейского происхождения [Федуленкова, 2014: 9-17]. В японском языке присутствует определенное количество ФЕ, особенно четырехиероглифических идиом (ёдзидзюкуго), заимствованных из китайских религиозных текстов и философских трактатов, почитавшихся в средневековой Японии. Ёдзидзюкуго существуют и по сей день в обоих языках в совершенно идентичной письменной форме, обладая при этом различным произношением, т. к. иероглифическое письмо позволяет доносить смысл, минуя звуковое выражение. Количество японских фразеологизмов, являющихся частичными или полными эквивалентами английских или русских ФЕ, достаточно скромно. И. К. Ботоев отмечает, что дословный перевод ФЕ с японского на русский или наоборот возможен в тех случаях, когда японский оригинал содержит: а) интернациональные фразеологизмы (рус. *нести тяжкий крест*, англ. *to carry a heavy cross*, яп. 重い十字架を背負う); б) ФЕ, образованные от профессиональной лексики (рус. *сойти со сцены*; яп. 舞台を下りる); в) некоторые русские и японские фразеологизмы, выражающие физическое или эмоциональное состояние человека и интуитивно понятные [Ботоев, 2011: 44-49]. Однако применить этот метод к ФЕ, образованным на базе культурных реалий, затруднительно из-за большой культурной и языковой пропасти [Там же]. Тем не менее, надо отметить, что широкая известность некоторых культурных реалий позволяет делать адекватный дословный перевод японских фразеологизмов, который может быть понятен носителям других языков. К таким фразеологизмам, в частности, относятся те, которые упоминают практику харакири или

разрезания живота: при дословном переводе они способны особенно хорошо передавать специфический японский колорит, учитывая, что это достаточно известная культурная особенность этого народа:

「この勝負に勝てると言うなんて、連木で腹を切るようなものだ」 ‘«И ты считаешь, что можешь победить в этой схватке? Да это все равно что пытаться сделать харакири пестиком!»’

#### **4. Выводы**

Компонент 'hara' в японском языке обладает широтой значений, отсутствующих у компонентов 'живот' и 'belly' в русском и английском языках соответственно, однако вместе с синонимами этих слов и другими связанными по смыслу словами (*желудок, брюхо, пузо, кишки, нутро, gut, liver, stomach, appetite* и др.) данную группу русской и английской соматической фразеологии (брюшная полость и ее органы) можно назвать частично эквивалентной группе фразеологизмов с компонентом 'hara' по ассоциативным признакам. В японской фразеологической картине мира 'живот' отражает конкретную область тела человека и деятельность органов в ней находящихся, а также приписываемые им физические и мифологические свойства. Такая же ситуация наблюдается и в английских и русских ФЕ, в том числе совпадают и некоторые характеристики самих органов. Но наибольшее количество японских ФЕ с 'hara' затрагивают душевный, эмоциональный и ментальный мир человека, что в английском и русском языках чаще передается через ФЕ с компонентами 'душа', 'сердце', 'голова', а также через небольшое количество фразеологизмов с компонентами 'guts', 'нутро'. Такой сильный перевес в количестве японских идиом, связанных с чувствами и сущностью человека, обусловлен наделением живота особыми свойствами в соматическом коде культуры японского народа: он воспринимается как место жизненной энергии и истинной сущности, истинных мыслей. Вместе с тем, в русском и английском обнаружены семантические группы в данном участке фразеологии, отсутствующие в японском компоненте 'hara': живот (нутро) как орган шестого чувства (предчувствия) и живот как место ущерба от чрезмерных усилий. Некоторые японские соматические ФЕ хорошо поддаются дословному переводу, несмотря на присутствие в них ярких культурно-маркированных элементов. Однако вопросы перевода таких фразеологизмов требуют дополнительных исследований, и в этом мы видим дальнейшую перспективу работы.

#### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. Москва: Языки славянских культур, 2008. 208 с.



2. Ботоев И. К. Проблема передачи смысла при дословном переводе фразеологизмов русского и японского языков // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. Улан-Уде: БГУ, 2011. С. 44-49.
3. Васина Н. И. Так говорят японцы. Крылатые фразы на японском и русском языках. Москва: Астрель: АСТ, 2006. 175 с.
4. Вендина Т. И. Базовые категории русской традиционной культуры (жизнь и смерть) // Категории жизни и смерти в славянской культуре. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 6-24.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: URSS, 2016. 456 с.
6. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 312 с.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
8. Спеваковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. Москва: Наука, 1981. 168 с.
9. Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. Москва: Изд. Дом Академии Естествознания, 2014. 146 с.
10. Fedulenkova T. Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 6-14.

#### СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова С. А. Японско-русский фразеологический словарь. 2-е изд., исправ. Москва: АСТ Восток–Запад, 2007. 272 с.
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
3. Федуленкова Т. Н., Мартюшова Е. В., Боннемарк М. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 167 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
5. Buchanan D. C. Japanese Proverbs and Sayings. University of Oklahoma Press, 1987. xvii, 296 с.
6. Fergusson R., Law J. The Penguin Dictionary of Proverbs. Penguin Books Ltd., 2000. 365 с.
7. 高嶋 泰二 Takashima T., 日・英独仏対照諺辞典 (Сопоставительный словарь японских и английских, немецких, французских ФЕ). Токио: Hokuseido shoten, 2000. 800 с.
8. 山本 忠尚 Yamamoto T., 日英比較ことわざ辞典 (Словарь японских и английских пословиц в сопоставлении). Токио: Sōgensha henshūbu, 2007. 394 с.

#### REFERENCES

1. Alpatov, V. M. (2008). *Yaponiya: yazyk i kultura* [Japan: language and culture]. Moskva: Yaziki slavyanskih kultur. (In Russ.).
2. Botoev, I. K. (2011). Problema peredachi smysla pri doslovnom perevode frazeologizmov ruskogo i yaponskogo yazykov [The problem of conveying the meaning in direct translations of Japanese and Russian idioms]. In *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Ulan-Ude: BGU. Pp. 44-49. (In Russ.).
3. Vasina, N. I. (2006). *Tak govoryat yaponsy. Krylatye frazy na yaponskom i russkom yazykah* [This is how the Japanese speak. Proverbs in Japanese and Russian]. Moskva: Astrel: AST. (In Russ.).
4. Vendina, T. I. (2008). Bazovye kategorii russkoy traditsionnoy kultury (zhizn i smert)

[Basic categories of Russian traditional culture (life and death)]. In *Kategorii zhizni i smerti v slavyanskoj culture*. Mjсква: Institut slavyanovedeniya RAN. Pp. 6-24. (In Russ.).

5. Kovshova, M. L. (2016). *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: kody kultury*. [Linguocultural method in phraseology: codes of culture]. Moskva: URSS. (In Russ.).

6. Kolesov, V. V. (1986). *Mir cheloveka v slove Drevney Rusi* [Human world in the word of Ancient Russia]. Leningrad: Izdatelstvo leningradskogo universiteta. (In Russ.).

7. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English phraseology course]. Dubna: Fenix. (In Russ.).

8. Spevakovskiy, A. B. (1981). *Samurai – voennoe soslovie Yaponii* [Samurai: the warrior class of Japan]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

9. Fedulenkova, T. N. (2014). *Lektii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proiskhozhdeniya*. [Lectures on English phraseology of Biblical origin]. Moskva: Izd. Dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).

10. Fedulenkova, T. (2016). Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish. In *Yazik i kultura*. No. 2 (34). Pp. 6-14.

### LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Bykova, S. A. (2007). *Yaponsko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Japanese-Russian dictionary of phraseology]. 2-e izd., isprav. Moskva: AST Vostok-Zapad. (In Russ.).

2. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bolshoy slovar russkikh poslovits* [A dictionary of Russian proverbs]. Moskva: ZAO OLMA Media Group. (In Russ.).

3. Fedulenkova, T. N., Martyushova, E. V., Bonnemark, M. (2008). *Anglo-nemetsko-shvedskiy slovar bibleyskoy frazeologii* [English-German-Swedish dictionary of Biblical phraseology]. Arkhangel'sk: Pomorskiy un-t. (In Russ.).

4. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kulturologicheskiy kommentariy* [Dictionary of Russian phraseology: meaning, use, cultural commentary] / V. N. Telia (ed.). Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2006. (In Russ.).

5. Buchanan, D. C. (1988). *Japanese proverbs and sayings*. Norman, OK: University of Oklahoma.

6. Fergusson, R., Law, J. (2000). *The Penguin Dictionary of Proverbs*. London: Penguin Books Ltd.

7. Takashima, T. [高嶋 泰二]. (2000). *Kotowaza no izumi: Nichi ei doku futsu taishō kotowaza jiten* [日・英独仏対照諺辞典]. Tokyo: Hokuseido shoten [北星堂書]. (In Jap.)

8. Yamamoto, T. [山本 忠尚]. (2007). *Nichiei hikaku kotowaza jiten* [日英比較ことわざ辞典]. Tokyo: Sōgensha henshūbu [創元社編集部]. (In Jap.)

**Басова Татьяна Александровна** – аспирант  
кафедры иностранных языков  
профессиональной коммуникации  
(e-mail: tanyatako@gmail.com),  
Государственное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«Владимирский государственный университет»  
600000, Владимир, Горького, 87

**Basova Tatiana A.** – Post-Graduate Student of  
Foreign languages in Professional Communication  
Department (e-mail: tanyatako@gmail.com),  
State Educational Institution of Higher  
Professional Education «Vladimir State  
University»  
87 Gorkogo, Vladimir, 600000

Поступила в редакцию 19 октября 2020 г.

## **ВЕРОЯТНОСТНЫЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ИМПЛИКАЦИИ В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ)**

*Статья посвящена поиску межъязыковых универсалий в сфере субстантивных терминов кораблестроения (СТК) английского, немецкого, русского и украинского языков. Выявляются межъязыковые обобщения формального и семантического типов, позволяющие глубже проникнуть в терминологическую систему кораблестроения сопоставляемых языков и установить универсальные и специфические черты в их организации.*

**Ключевые слова:** универсалия, сопоставительно-типологический метод, семантический тип, термин-словосочетание, композит.

© 2020 L. W. Bespamyatnaya

## **QUASIUNIVERSALS IN THE FIELD OF SHIPBUILDING TERMS IN GERMANIC AND SLAVIC**

*The article deals with the search and formulation of language universals in the field of word-building of substantive ship-building terms in English, German, Russian and Ukrainian. On the basis of the formal and semantic classification of the substantive terms of shipbuilding, built by means of compounding and word-composition according to the comparative-typological approach implicational universals are determined.*

**Key words:** universal, comparative-typological method, semantic type, term-compounding, term-composite.

Современная лингвистическая типология как метод познания общих и особенных свойств отдельных языков и свойств человеческого языка в целом нацелена на поиск общих лингвистических черт и выявление универсалий определенных подсистем языка [Калиущенко, 2003: 2].

**Объектом** настоящего исследования выступают субстантивные термины кораблестроения (СТК), а предметом – СТК со структурой композита и словосочетания в германских (английском и немецком) и славянских (русском и украинском) языках.

**Целью** данной работы является поиск общих закономерностей в формальной и семантической организации СТК германских и славянских языков. Для достижения поставленной цели предусматривается решить следующие **задачи**: 1) выявить корпус СТК-композитов и словосочетаний в названных германских и славянских языках; 2) осуществить классификацию СТК-композитов и словосочетаний по формальным и семантическим признакам; 3) установить межъязыковые универсалии в сфере образования СТК в английском, немецком, русском и украинском языках.

**Материалом исследования** послужили СТК указанного типа, отобранные методом сплошной выборки из специальных словарей названных языков, а также из интернет-источников и журналов. Общий объем выборки составил 6 966 единиц (в английском – 2128, в немецком – 1936, в русском – 1467, в украинском – 1435).

Как указывалось выше, сопоставительно-типологическое исследование языков направлено на поиск универсальных черт, в частности в их отдельных подсистемах. Поиску межъязыковых обобщений были посвящены работы многих лингвистов, в частности Дж. Гринберга, С. Д. Кацнельсона, М. П. Кочергана, Н. Б. Мечковской, С. Ульманна, С. Г. Шафилова, Р. Якобсона [Гринберг, 1970; Кацнельсон, 1985; Кочерган, 2003; Мечковская, 2000; Ульманн, 1970; Шафилов, 2000; Якобсон, 1963]. Понятие «универсалия» включает в себя общие законы и тенденции, которые проявляются с высокой степенью вероятности для разных языков или для одного языка в процессе существования во времени [Гринберг, 1970: 35]. В этой связи в типологии выделяют три типа универсалий:

1) универсальные высказывания о языке (или абсолютные универсалии), которые касаются вообще всех языков и имеют вид «для всех X, где X является языком, имеет место ...» [Гринберг, 1970: 32]. В качестве примера такой универсалии можно привести высказывание «Во всех языках существуют гласные звуки»;

2) импликационные универсалии, которые относятся к ограниченному количеству языков. Данный тип универсалий допускает наличие связи между двумя языковыми явлениями и имеет следующую формулировку: «Если в языке имеет место какое-то явление X, то в нем есть и явление Y, хотя обратное не обязательно правильно, т. е. наличие Y не имплицитует X» [Гринберг, 1970: 33];

3) статистические универсалии, которые строятся по принципу «Для любого языка наличие X более вероятно, чем любая другая (часто наличие не – X)».

Поиск межъязыковых закономерностей формального и смыслового плана имеет большое значение и при изучении терминологических систем различных языков, поскольку это позволяет не только выявить изоморфные и алломорфные черты в их организации, но и прогнозировать возможный характер проявления подобных связей в терминологических системах других языков.

Сопоставительный анализ СТК германских и славянских языков дает возможность сформулировать ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплицитивного характера.

1. Если в языке отмечены СТК-компози́ты и СТК-слово́сочета́ния, то между их базовыми (В) и зависимыми (А) компонентами с большой вероятностью будут существовать семантические отношения акционального, партитивного, орнативного, локативного, модального, эквативного, инструментального, агентивного, субстанционального, кондиционального, компаративного, фигуративного типов [Ortner, 1991] (см. табл.).

2. Если в языке отмечены СТК-компози́ты и СТК-слово́сочета́ния акционального, партитивного, орнативного, локативного, модального, эквативного, инструментального, агентивного, субстанционального, кондиционального, компаративного, фигуративного типов, то степень продуктивности данных типов в этом языке неодинаковая (см. табл.).

Таблица. Семантические типы СТК-компози́тов и СТК-слово́сочета́ний в немецком, английском, русском и украинском языках

Семантические типы СТК	Примеры
1	2
1. Акциональные СТК нем. – 522 ед. англ. – 573 ед. рус. – 519 ед. укр. – 500 ед.	нем. <i>Tragflügel m</i> ‘подводное крыло’ → <i>Flügel (В)</i> , <i>der das Schiff trägt (А)</i> ; англ. <i>drilling vessel</i> ‘буровое судно’ → <i>vessel (В)</i> <i>which drills (А)</i> ; рус. <i>судно буксировочное</i> → <i>судно (В)</i> , <i>которое буксирует (А)</i> (ø другие суда); укр. <i>стоп-анкер</i> → <i>анкер (В)</i> , <i>який стопорить (А) щось(ø)</i> , (например, корабель).
2. Партитивные СТ нем. – 618 ед. англ. – 554 ед. рус. – 167 ед. укр. – 155 ед.	нем. <i>Bordseite f</i> ‘борт судна’ → <i>Seite (В) des Bordes(А)</i> ; англ. <i>counterplate</i> ‘лист обшивки кормового подзора’ → <i>plate (В) of a counter (А)</i> ; рус. <i>кница бимсовая</i> → <i>кница (А) бимса (В)</i> ; укр. <i>скоба якiрна</i> → <i>скоба (А) якоря (В)</i> .
3. Орнативные СТК нем. – 126 ед. англ. – 241 ед. англ. – 268 ед. укр. – 276 ед.	нем. <i>Segelschiff n</i> ‘парусное судно, парусник’ → <i>Schiff (В)</i> , <i>das die Segel (А) hat</i> ; англ. <i>membrane tank</i> ‘мембранный танк’ → <i>tank (В)</i> , <i>which has a membrane (А)</i> ; рус. <i>топенант (А)</i> – часть / снасть, поддерживающая конец реи, мачты, стеньги в нужном положении стрелы (В); укр. <i>вiтка (А) ипангоута (В)</i>
4. Локативные СТК нем. – 264 ед. англ. – 227 ед. рус. – 86 ед. укр. – 101 ед.	нем. <i>Heckabteilung f</i> ‘кормовой отсек’ → <i>Abteilung (В)</i> , <i>die auf dem Heck (А) liegt</i> ; англ. <i>bowthruster</i> ‘носовое подруливающее устройство’ → <i>the truster (В) which is on the bow (А)</i> ; рус. <i>апарель кормовая</i> → <i>апарель (В)</i> , <i>которая находится на корме (А)</i> ; укр. <i>мiдель-ипангоут</i> → <i>ипангоут (В)</i> , <i>який розташований на мiделi (А)</i>
5. Эквативные СТК нем. – 37 ед. англ. – 59 ед. рус. – 14 ед. укр. – 16 ед.	нем. <i>der Fabriktrawler</i> ‘траулер-завод’ → <i>Trawler (В)</i> , <i>der eine Fabrik (А) ist</i> ; англ. <i>base-ship</i> ‘судно-база; плавучая база’ → <i>a ship (В)</i> , <i>which is a base (А)</i> ; рус. <i>контейнер-цистерна</i> → <i>контейнер (А)</i> , <i>который является цистерной (В)</i> ; укр. <i>креслення-шаблон</i> → <i>креслення (А)</i> , <i>яке є шаблоном (В)</i>
6. Модальные СТК нем. – 97 ед. англ. – 104 ед. рус. – 96 ед. укр. – 97 ед.	нем. <i>Senkrechtruder n</i> ‘вертикальный руль’ → <i>Ruder (В)</i> , <i>das senkrecht (А) steht</i> ; англ. <i>pair masts</i> ‘парные мачты’ → <i>masts (В)</i> <i>which in pairs (А) situate</i> ; рус. <i>борт вертикальный</i> → <i>борт (В)</i> , <i>который расположен вертикальным образом (А)</i> ; укр. <i>вiдсiк (В) окремиий (А)</i> → <i>вiдсiк (В)</i> , <i>який розташований окремо (А)</i>

Окончание табл.

1	2
<p>7. Кондициональные СТК нем. – 29 ед. англ. – 37 ед. рус. – 34 ед. укр. – 10 ед.</p>	<p>нем. <i>die Dienstgeschwindigkeit</i> ‘эксплуатационная скорость’ → <i>Geschwindigkeit</i> (B), <i>wenn das Schiff im Dienst / Betrieb(A) ist</i>; англ. <i>launching mass</i> (B) ‘спусковая масса (судна)’ → <i>a mass</i> (B), <i>which has a vessel by being launched</i> (A); рус. <i>ветростойкость</i> → <i>стойкость</i> (B) <i>судна при сильном ветре</i> (A – условие); укр. <i>штормтрап</i> → <i>(мотузковий) трап</i> (B), <i>яким користуються під час сильного шторму / хвилювання моря</i> (A)</p>
<p>8. Инструментальные СТК нем. – 29 ед. англ. – 17 ед. рус. – 110 ед. укр. – 78 ед.</p>	<p>нем. <i>Dieselmotor m</i> ‘дизельный двигатель’ → <i>Motor</i> (B), <i>der mit Diesel (A) betrieben wird / funktioniert</i>; англ. <i>motorship</i> ‘дизельное судно; теплоход’ → <i>a ship</i> (B), <i>which is operated by the motor</i> (A); рус. <i>двигатель электрический</i> → <i>двигатель</i> (B), <i>который приводится в движение электричеством</i> (A); укр. <i>лебідка парова</i> → <i>лебідка</i> (B), <i>яка приводиться в рух паром</i> (A)</p>
<p>9. Субстанциональные СТК нем. – 62 ед. англ. – 17 ед. рус. – 17 ед. укр. – 20 ед.</p>	<p>нем. <i>Stahlbeplattung f</i> ‘стальной настил’ → <i>Beplattung</i> (B), <i>die aus Stahl (A) hergestellt ist</i>; англ. <i>boardwalk</i> ‘дощатый настил’ → <i>a walkway</i> (B), <i>which is made of boards(A)</i>; рус. <i>деревянный настил</i> → <i>настил</i> (B), <i>который изготавливается из дерева</i> (A); укр. <i>сталеві трубопроводи</i> → <i>трубопроводи</i> (B), <i>які виготовлені зі сталі</i> (A)</p>
<p>10. Агентивные СТК нем. – 4 ед. англ. – 30 ед. рус. – 17 ед. укр. – 10 ед.</p>	<p>нем. <i>Lotsenbrücke f</i> ‘(передний) ходовой мостик’ → <i>Brücke</i> (B), <i>auf der sich Lose (A) befindet und das Schiff führt / dirigiert</i>; англ. <i>captain's accommodation</i> ‘каюта капитана’ → <i>an accomadation</i> (B), <i>in which the captains (A) live</i>; рус. <i>помещение экипажа</i> → <i>помещение</i> (B), <i>в котором проводит время / проживает экипаж</i> (A); укр. <i>місток капітанський</i> → <i>місток</i> (B), <i>на якому знаходиться капітан та керує судном</i> (A)</p>
<p>11. Компаративные СТК нем. – 40 ед. англ. – 6 ед. рус. – 3 ед. укр. – 0 ед.</p>	<p>нем. <i>Ring-Elementen pl</i> ‘кольцевые элементы’ → <i>Elemente</i> (B), <i>die wie Ring (A) aussehen/sind</i>; англ. <i>mushroom anchor</i> ‘грибовидный якорь’ → <i>an anchor</i> (B), <i>which looks like a mushroom</i> (A); рус. <i>якорь грибовидный</i> → <i>якорь</i>(B), <i>который подобен / выглядит как гриб</i> (A)</p>
<p>12. Фигуративные СТК нем. – 6 ед. англ. – 20 ед. рус. – 1 ед. укр. – 1 ед.</p>	<p>нем. <i>Tunnelheck n</i> ‘туннельная корма’ → <i>Heck</i> (B) <i>in Form von Tunnel</i> (A); англ. <i>angle bearer</i> ‘кронштейн’ → <i>a bearer</i> (B) <i>of angled</i> (A) <i>shape</i>; рус. <i>киль туннельный</i> → <i>киль</i> (B), <i>имеющий форму туннеля</i> (A); укр. <i>киль коробчастий</i> → <i>кіль</i> (B), <i>який має форму коробки</i> (A)</p>

В проанализированных германских и славянских языках высокую продуктивность обнаруживают СТК акционального, партитивного, орнативного, локативного и модального типов, а в русском языке – также СТК инструментального типа. Напротив, низкой продуктивностью обладают СТК компаративного типа (за исключением немецкого языка) и СТК фигуративного типа (за исключением английского языка) (см. табл.).

3. Если в терминосистеме кораблестроения (ТК) определенного языка имеются партитивные СТК, то в них с большой долей вероятности могут существовать и орнативные СТК, что обусловлено вариациями семантических ролей у их компонентов: зависимого компонента А (целое / часть или носитель / признак) и стержневого компонента В (целое / часть или носитель/признак) (см. табл.). Ср. следующие партитивные СТК: нем. *Bordseite f* 'борт судна' → *Seite (B) des Bordes (A)*; англ. *counterplate* 'лист обшивки кормового подзора' → *plate (B) of a counter (A)*; рус. *кница бимсовая* → *кница (A) бимса (B)*; укр. *скоба якiрна* → *скоба (A) якоря (B)*. Приведем примеры орнативных СТК: нем. *Segelschiff n* 'парусное судно, парусник' → *Schiff (B), das die Segel (A) hat*; англ. *membrane tank* 'мембранный танк' → *tank (B), which has a membrane (A)*; рус. *топенант (A)* – часть / снасть, поддерживающая конец реи, мачты, стеньги в нужном положении стрелы (B); укр. *вiтка (A) шпангоута (B)*.

4. Если СТК-компози́т или СТК-словосочетание в определенном языке допускает двоякую трансформацию, то возможна его двоякая смысловая интерпретация.

Так, фигуративный тип СТК, в котором зависимый компонент А выражает форму существования величины В [Ortner, 1991: 224], семантически пересекается с компаративным типом, непосредственные компоненты которого связаны между собой отношением сходства / подобия, что можно представить в виде таких предикаций: «В подобно / является таким, как А» или «А подобно / является таким, как В» [Ortner, 1991: 194]. Данные смысловые типы имеют сходное лексическое наполнение. Немецкий СТК фигуративного типа *Birnbalken m* 'бульбовый бимс' → *Balken (B) in Form von Birne (A)* может трактоваться также как СТК компаративного типа: *Birnbalken m* 'бульбовый бимс' → *Balken (B), der wie Birne aussieht (A)*. Ср. аналогично: англ. *spoonster n* 'ложкообразная корма' → *a stern (B) in form of a spoon (A) / which looks like a spoon*; рус. *киль туннельный* → *киль (B), имеющий форму туннеля (A) / который подобен / выглядит как туннель*; укр. *киль коробчастий* → *киль (B), який має форму коробки (A) / подiбний / виглядає як коробка*.

### СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Басиров Ш. Р. Словотвор дієслів із рефлексивним комплексом у типологічному висвітленні. Донецьк: Ноулідж, 2014. 544 с.
2. Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Москва: Прогресс, 1970. Вып. V (Языковые универсалии). С. 31-44.
3. Калиущенко В. Д. Словообразовательные универсалии // Человек и его язык (К 75-летию проф. В. П. Неद्याкова). Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. Вып. 4. С. 1-50. (Серия «Филологический сборник»).
4. Кальценсон С. Д. История типологических учений // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Ленинград: Наука, 1985. С. 6-85.
5. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. Киев: Видав. центр «Академія», 2003. 371 с.

6. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Минск: Амалфея, 2000. 368 с.
7. Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология. Москва: Наука, 1969. С. 106-115.
8. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1989. С. 27-31.
9. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Москва: Прогресс, 1970. Вып. 5. (Языковые универсалии). С. 250-298.
10. Шафиков С. Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. Уфа: Издание Башкирского ун-та, 2000. 260 с.
11. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Москва: Иностранная литература, 1963. Вып. III. С. 95-105.
12. Ortner L. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen // Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache; eine Bestandsaufnahme des Instituts für Deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Vierter Hauptteil Sprache der Gegenwart, Bd. LXXIX / Lorelies Ortner, ElginMüller-Bollhagen. Berlin; New York: de Gruyter, 1991. 863 S.

#### **СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

1. Лысенко В. А. Современный англо-русский морской технический словарь. Киев: ООО «ИП Логос», 2005. 608 с.
2. Російсько-український словник термінів з суднобудування = Русско-украинский словарь терминов по судостроению / В. І. Батовкін, Б. А. Бугаєнко, Л. М. Дихта, С. І. Жигуліна, Ю. П. Кондратенко. Миколаїв, 1999. 204 с.
3. Російсько-український словник морської термінології з англійськими відповідниками / Л. М. Торшина [та ін.]; наук. ред. Н. М. Неровня. Київ: Видавничий дім «КМ Academia», 2000. 281 с.
4. Російсько-український словник термінів з суднобудування / В. І. Батовкін [та ін.]; ред. О. І. Кротов. Миколаїв, 1999. 204 с.
5. Суднобудування в Україні. 2007. Доступ: <http://www.ukrexport.gov.ua/ukr/prom/ukr/28.html>. (дата обращения: 22.09.2020).
6. Шарков В. А. Немецко-русский словарь по судостроению и судоходству / В. А. Шарков, А. Е. Эдельберг. Москва: РУССО, 1995. 640 с.
7. Articles about Shipbuilding Latimes. Доступ: <http://articles.latimes.com/keyword/shipbuilding>. (дата обращения: 22.09.2020).
8. Boats, yard, pools, trading in UAE. Доступ: [www.riviera.ae](http://www.riviera.ae). (дата обращения: 22.09.2020).
9. CAD-CAM Report. 2003. № 1. P. 1-5.
10. Meridian Marine Industries Inc. Доступ: [www.meridianmarine-inc.com](http://www.meridianmarine-inc.com). (дата обращения: 22.09.2020).
11. Sea Technology. 2004. February. P. 5-100.
12. Schiff & Hafен. Доступ: <http://www.seehafen-verlag.de/>. (дата обращения: 22.09.2020).

#### **REFERENCES**

1. Basirov, Sh. R. (2014). *Slovotvir diyeshliv iz refleksyvnym kompleksom u typologichnomu vysvitlenni* [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk:



Noulidzh. (In Ukr.).

2. Grinberg, Dzh. (1970). Memorandum o yazykovykh universalnykh [Memorandum on Language Universals]. In *Novoe v lingvistike*. Moskva: Progress. Vyp. V (Yazykovye universalii). Pp. 31-44 (In Russ.).

3. Kaliuščenko, V. D. (2003). Slovoobrazovatelnye universalii [Wordformation universals]. In *Chelovek i ego yazyk (K 75-letiyu prof. V. P. Nedyalkova)*. Kemerovo: Kompleks «Grafika». Vyp. 4. Pp. 1-50. (In Russ.).

4. Kaltsenson, S. D. (1985). Istoriya tipologicheskikh ucheniy [History of typological studies]. In *Grammaticheskie kontseptsii v yazykoznanii XIX veka*. Leningrad: Nauka. Pp. 6-85. (In Russ.).

5. Kochergan, M. P. (2003). *Zagalne movoznavstvo* [General linguistics]. Kyiv: Vidav. Tsentr «Akademiya». (In Ukr.).

6. Mechkovskaya, N. B. (2000). *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsialnaya tipologiya yazykov* [General linguistics: Structural and social typology of languages]. Minsk: Amalfeya. (In Russ.).

7. Nedyalkov, V. P. (1969). Nekotorye veroyatnostnye universalii v glagolnom slovoobrazovanii [Some probabilistic universals in verbal word formation]. In *Yazykovye universalii i lingvisticheskaya tipologiya*. Moskva: Nauka, 1969. Pp. 106-115.

8. Skalichka, V. (1989). Tipologiya i sopostavitelnaya lingvistika [Typology and comparative linguistics]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva. Pp. 27-31.

9. Ulmann, S. (1970). Semanticheskie universalii [Semantic universals]. In *Novoe v lingvistike*. Moskva: Progress, Vyp. 5. Pp. 250-298. (In Russ.).

10. Shafikov, S. G. (2000). *Tipologiya leksicheskikh system i leksiko-semanticheskikh universalii* [Typology of lexical systems and lexical-semantic universals.]. Ufa: Izdanie Bashkirskogo un-ta. (In Russ.).

11. Yakobson, R. (1963). *Tipologicheskie issledovaniya i ikh vklad v sravnitelno-istoricheskoe yazykoznanie* [Typological research and their contribution to comparative historical linguistics]. In *Novoe v lingvistike*. Moskva: Inostrannaya literatura. Vyp. III. Pp. 95-105. (In Russ.).

12. Ortner, L. (1991). Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen). In *Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache; eine Bestandsaufnahme des Instituts für Deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck*. Vierter Hauptteil Sprache der Gegenwart, Bd. LXXIX / Lorelies Ortner, ElginMüller-Bollhagen. Berlin; New York: de Gruyter.

#### LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Lysenko, V. A. (2005). *Sovremennyy anglo-russkiy morskoy tekhnicheskii slovar* [Modern English-Russian Marine Technical Dictionary]. Kiev: OOO «IP Logos». (In Russ.).

2. *Rosiysko-ukrayinskyy slovnyk terminiv z sudnobuduvannja = Russko-ukrainskiy slovar terminov po sudostroeniyu* [Russian-Ukrainian dictionary of shipbuilding terms.] / V. I. Batovkin, B. A. Bugayenko, L. M. Dikhta, S. I. Zhygulina, Yu. P. Kondratenko. Mykolayiv, 1999. (In Russ. and Ukr.).

3. *Rosiysko-ukrayinskyy slovnyk morskoyi terminology z angliyskymy vidpovidnykamy* [Russian-Ukrainian dictionary of maritime terminology with English equivalents] / L. M. Torshyna [ta in.]; nauk. red. N. M. Nerovnya. Kyiv: Vydavnychyy dim «KM Academia», 2000. (In Ukr.).

4. *Rosiysko-ukrayinskyy slovnyk terminiv z sudnobuduvannya* [Russian-Ukrainian dictionary of shipbuilding terms] / V. I. Batovkin [ta in.]; red. O. I. Krotov. Mykolayiv, 1999. (In Ukr.).

5. *Sudnobuduvannya v Ukrayiny* [Shipbuilding in Ukraine]. 2007. Available at: <http://www.ukrexport.gov.ua/ukr/prom/ukr/28.html>. (accessed: 22.09.2020).

6. Sharkov, V. A. (1995). *Nemetsko-russkiy slovar po sudostroeniyu i sudokhodstvu* [German-Russian dictionary of shipbuilding and navigation]. Moskva: RUSSO. (In Russ.).
7. *Articles about Shipbuilding Latimes*. Available at: <http://articles.latimes.com/keyword/shipbuilding>. (accessed: 22.09.2020).
8. *Boats, yard, pools, trading in UAE*. Available at: [www.riviera.ae](http://www.riviera.ae). (accessed: 22.09.2020).
9. *CAD-CAM Report*. 2003. No. 1. Pp. 1-5.
10. *Meridian Marine Industries Inc*. Available at: [www.meridianmarine-inc.com](http://www.meridianmarine-inc.com). (accessed: 22.09.2020).
11. *Sea Technology*. 2004. February. Pp. 5-100.
12. *Schiff & Hafen*. Available at: <http://www.seehafen-verlag.de/>. (accessed: 22.09.2020).

**Беспамятная Лилия Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: [lilya\\_pavlova23@mail.ru](mailto:lilya_pavlova23@mail.ru)), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет» 299053, Россия, Севастополь, Университетская, 33

**Bespamyatnaya Liliya W.** – Candidate of Philology, Associate Professor of Translation Studies Department (e-mail: [lilya\\_pavlova23@mail.ru](mailto:lilya_pavlova23@mail.ru)), State Autonomic Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University» 33 Universitetskaya, Russia, Sevastopol, 299053

*Поступила в редакцию 22 октября 2020 г.*

## **СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ДВУЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

*В статье представлены результаты изучения способов образования и функционирования общественно-политической терминологии в Республике Южная Осетия во второй половине XX века и на современном этапе развития молодого государства. Цель предлагаемой статьи – описать и проанализировать пути пополнения корпуса политической лексики осетинского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение особенностей общественно-политической лексики в РЮО осуществляется впервые.*

**Ключевые слова:** общественно-политическая терминология, корпус политической лексики, двуязычная политическая коммуникация, средства массовой информации, русскоязычные заимствования.

© 2020 V. P. Dzhioeva

## **WAYS OF FORMATION AND PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF SOCIO-POLITICAL VOCABULARY IN BILINGUAL POLITICAL COMMUNICATION**

*The paper focuses on the investigation of word-building means and peculiarities of functioning of socio-political terms in the Republic of South Ossetia in the last decades of the XXth century and the present-day political communication in the new state. The aim of the research is to describe and analyze ways of enlarging the socio-political vocabulary in Ossetian. The topicality of the study is conditioned by the fact that the investigation of political communication in this respect is carried out for the first time.*

**Key words:** socio-political terms, socio-political vocabulary, bilingual political communication, mass media, Russian borrowings.

**Введение.** Данная статья посвящена проблеме формирования и функционирования общественно-политической лексики в Республике Южная Осетия (далее РЮО) в разные эпохи становления ее государственности (в советский и постсоветский периоды). Исследование основывается на обзоре существующих работ в области политической лексики в различных аспектах. Настоящая работа является одной из первых попыток, предпринимаемых в данном направлении. Особенности общественно-политической и масс-медийной коммуникации в РЮО в таком аспекте мало изучены.

Исследования русскоязычной и осетиноязычной периодики советского и постсоветского периода продемонстрировали тенденцию к жесткой регламентации, предполагающей точное соблюдение всех правил, препятствующей проявлению индивидуальности, в то время как и русский, и осетинский политический язык новейшего

времени допускают использование грубо-просторечной и жаргонной лексики, заимствований (анализ периодики за период с 1950 по 1990 годы).

**Актуальность исследования** обусловлена потребностью системного описания и анализа общественно-политической терминологии в югоосетинском политическом дискурсе, поскольку изучение особенностей общественно-политической лексики в РЮО осуществляется впервые. Исследование актуально также ввиду того, что в осетинской политической коммуникации наряду с осетиноязычной общественно-политической лексикой широко используется заимствованная иностранная терминология. Современные лингвистические труды в области общественно-политической терминологии объясняют потребность в переосмыслении и обобщении как теоретического, так и фактического материала, накопленного исследователями в соответствующем лингвистическом направлении.

**Цель исследования** – раскрыть пути пополнения современной общественно-политической терминологии в РЮО, формирующейся под влиянием русского языка и в зависимости от политической ситуации в стране.

**Материалом исследования** послужили тексты печатных средств массовой информации РЮО, а также материалы электронных ресурсов (телевидение, интернет). Анализ проведен на основе архивных материалов и периодики с 70-х гг. XX века и по настоящее время.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области *политической лексики и фразеологии* (М. А. Абдул-Хамид, Л. А. Жданова, Г. А. Заварзина, А. Карамова, Ю. В. Ошеева, И. В. Токарева), *проблемам билингвизма* (В. А. Аврорин, Р. Белл, В. М. Беляева, У. Вайнрайх, Е. М. Верещагин, Ю. Д. Дешериев, Ю. А. Жлуктенко, В. В. Кабакчи, А. Е. Карлинский, А. Мартине, В. Ю. Розенцвейг, Д. Г. Росетти, З. Хауген, Л. В. Щерба и др.).

В современном обществе возрастает роль средств массовой информации в формировании корпуса политической лексики для функционирования политической коммуникации и адекватного восприятия текстов и материалов политических выступлений на различных уровнях.

Язык политики – это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики национальный (русский, английский или иной) язык [Чудинов, 2009: 32]. До недавнего времени язык политики изучался в основном зарубежными лингвистами. За последние десятилетия вопросами политического языка занимаются отечественные

лингвисты (О. И. Воробьева, З. К. Гузиева, В. А. Ефимов, С. Т. Золян, А. А. Инжечик, Е. В. Пак и др.).

По мнению политолога Е. О. Негрова, политический дискурс советского и постсоветского периода характеризуется, главным образом, долгосрочным исключением агентивности. Имеется в виду индивид, действующий, опираясь на множество концепций (внедрение, повышение, достижение, применение и т. д.). Все процессы характеризовались как безагенсные, что предоставляло платформу для внесения кардинальных правок в текст, делая его содержание значительным. Агеном выступал несуществующий или неноминированный индивид [Негров, 2008].

Тексты, создаваемые на тему политики в советскую эпоху, П. Серио назвал текстами, написанными «деревянным языком». Другое название языка политики той эпохи звучит как «суконный язык», что обозначает «грубый, неразборчивый язык, который вяжет рот, от которого возникает чувство дискомфорта во рту» [Куртин, 1999: 141]. В политическом дискурсе Южной Осетии семидесятых-восемидесятых годов двадцатого века примечательно употребление односоставных (определённо-личных и неопределённо-личных) предложений, тогда как в современной политической коммуникации языковая репрезентация политических стратегий и тактик строится преимущественно при помощи двусоставных предложений. В речи советских политиков практически отсутствуют личные местоимения – индикаторы эгоцентризма и альтруизма. Делопроизводство осуществлялось как на русском, так и на осетинском языках.

Республика Южная Осетия функционирует совместно с Российской Федерацией в сферах политики, общественной жизни, культуры и т. д. Россия выступает гарантом стабильности и мира в Южной Осетии. Неразрывные связи между двумя государствами, в том числе и в сфере образования и науки, играют немаловажную роль в формировании общественно-политического тезауруса в Республике Южная Осетия. Дефицит корпуса общественно-политической лексики и терминологического фонда способствует внедрению в осетинский язык русскоязычных заимствований, запуская интерференционные процессы.

Первые газеты на осетинском языке в Южной Осетии начали выходить в начале двадцатого века. В 1907 году в Тифлисе вышла первая югоосетинская газета на латинице «*Ног Цард*». В январе 1924 года начала выходить газета «*Хурзарин*» на осетинском языке. В Южной Осетии создано свое собственное издательство. В 1931 году начала выходить газета «*Большевицское искусство*». Также в 1930-е годы выходила газета «*Kommunist*» на осетинском языке, напечатанная на латинице. В 1950-ые годы двадцатого века газеты в

Южной Осетии выходили только на осетинском языке. Отсутствие в осетинском языке определенных лексических и синтаксических средств обусловило заимствование терминологии. В рамках исследования проведен анализ периодики с 1950 по 1990 годы, а также материалов электронных и печатных СМИ на современном этапе. Газеты в период с 1970 по 1990 годы выпускались на двух языках. Газеты печатались на русском языке, потом выпускался дублированный вариант на осетинском языке. Сейчас выходят две абсолютно независимые друг от друга газеты: на русском и на осетинском языках.

Вопросами формирования общественно-политической лексики осетинского языка занимались такие исследователи, как Т. А. Гуриев [Гуриев, 1962], который в работе «Влияние русского языка на развитие осетинской лексики» изучил особенности проникновения общественно-политической терминологии русского языка в осетинский: дореволюционный этап, этап революционного движения, советский этап; К. Г. Джусоева [Джусоева, 1975], которая рассматривает роль русского языка в развитии и становлении осетинской общественно-политической лексики в своей диссертационной работе «Развитие общественно-политической лексики осетинского языка»; М. Б. Кульчиева, которая в своем диссертационном исследовании «Вклад русского языка в становление и развитие общественно-политической терминологии осетинского языка» изучает фонетические и морфологические трансформации, сопутствующие заимствованной из русского языка в осетинский общественно-политической терминологии; А. Ф. Кудзоева [Кудзоева, 2001] изучала грамматико-стилистические функции порядка слов в осетинском языке.

### **1. Морфологические особенности оформления русскоязычных заимствований в общественно-политической терминологии осетинского языка конца XX века.**

В югоосетинском политическом дискурсе новейшего времени присутствует большое количество интернациональных терминов. Главным языком-источником заимствований является русский язык, терминология формировалась также путем заимствования интернациональных единиц, пришедших в осетинский язык посредством русского языка.

Единство культуры и социальности представляется человеку как совокупность ценностей и норм, принятых в том социуме, представителем которого он является, формирующих его мировосприятие, мироосмысление и кодирование результатов его познавательной деятельности. Так происходят преобразования в лексике, что оказывает воздействие на речевые шаблоны, на выбор вербальных способов осуществления намерения определенной социальной группы, класса, нации, культуры. В период накопления осетинского политического словаря в семидесятых-восьмидесятых годах

XX века сложились способы словообразования, характерные для политической коммуникации в данном регионе. Приведенные ниже примеры демонстрируют внутренние когнитивные механизмы адаптации заимствованных слов в осетинском языке. Характерными особенностями общественно-политической терминологии юга Осетии представляются словообразовательные модели с использованием суффиксов и послелогов для формирования терминосистемы языка. В рамках данной работы были рассмотрены следующие словообразовательные модели.

**1.1.** Суффикс прилагательного **-он**: *политикон цаутæ* ‘политические события’, *административон органтæ* (*тæ* – мн. ч.) ‘административные органы’; *партион, советон, профсоюзон, фæскомцæдисон органтæ* ‘партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы’; *партион съездтæ* ‘партийные съезды’; *оперативон мадзæлттæ* ‘оперативные мероприятия’; *социалистон исад* ‘социалистический строй’; *областон прокуратурæ* ‘областная прокуратура’; *уголовон æмæ æмбæстагон хъуыддæгтæ* ‘уголовные и гражданские дела’; *процессуалон нормæтæ* ‘процессуальные нормы’; *закъондæттынадон фæндæттæ* ‘законодательные решения’; *конституцион бар* (**-он** – суффикс прилагательного) ‘конституционное право’; *материалон кондад* ‘материальное производство’; *конкретон* (**-он** – суффикс прилагательного) ‘конкретный (-ые,- ая, -ое)’; *уæлдæр органтæ* (**-тæ-** – мн. ч) ‘высшие органы’; *реалон* ‘реальный (-ые, -ая, -ое)’; *националон* ‘национальный (-ые, -ая, -ое)’; *практикон æгъдауæй* ‘с практической точки зрения, практически’; *партион организацитæ* (**-тæ-** – мн. ч) ‘партийные организации’; *административон органтæ* ‘административные органы’ (**-он** – суффикс прилагательного; **-тæ** – показатель мн. ч):

*Нæ парти æмæ адæмы царды партион съездтæ сты ахсдзиагдæр политикон цаутæ* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 1 июля № 128]. ‘Для нашей партии и народа съезды партии являются самыми значимыми политическими событиями’ (здесь и далее перевод – В. П. Джиеова).

*Куыд нæ бæстæйы æппæт партион организацитæ, афтæ нæ областы партион организацитæн дæр ныртæккæйы рæстæг у тынг ахсдзиаг* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 1 июля № 128]. ‘Этот период времени важен как для общегосударственных, так и для областных политических организаций’.

*Ацы куыстмæ ма хъуамæ активон æгъдауæй баконд æрцæуой поселокты территориятыл уæвæг колхозтæ, совхозтæ æмæ куыстуеттæ* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 16 июля № 139]. ‘К этой работе следует активно подключить все колхозы, совхозы и учреждения, располагающиеся в поселках’.

**1.2.** Суффикс прилагательного *-гæнæн* – от *кæнын* ‘делать’: *слестгæнæн хайад* ‘следственный отдел’; *фæдагурæг (слестгæнæн) органтæ* ‘следственные органы’:

*Советон хицауад райстой сæрмагод уынаффæ астæуккаг специалон ахуыргæнæндæтты куыст дарддæр фæхуыздæр кæныны тыххæй* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 5 августа № 153]. ‘Советское руководство приняло специальное постановление по вопросу улучшения работы средних специальных образовательных учреждений’.

**1.3.** Суффикс, образующий мн. ч. существительных: *-тæ-* (им. п.), *-ты-* (род. п.): *органтæ* ‘органы’; *депутаттæ* ‘депутаты’; *нормæтæ* ‘нормы’; *министрадтæ* ‘министерства’ (двойной суффикс); *ведомствотæ* ‘ведомства’; *организациттæ* ‘организации’; *советты* ‘советов’:

*Адæмон ахуырадæн разамынд кæнындæр паддзахадон управленийы органтæ æмæ фæллойгæнджыты депутатты бынæттон Советтæ æмæ комитеттæ* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 11 августа № 157]. ‘Для получения образования люди получают поддержку от органов государственного управления и от Советов народных депутатов и их профильных комитетов’.

**1.4.** Суффикс именительного падежа существительных *-ад-*: *закъондæттынад* ‘законодательство’:

*Адæмон ахуырады тыххæй советон закъондæттынады бындур у ахуыры советон æмбæстæгты конституцион бар* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 5 августа № 153]. ‘Основой советского законодательства в области образования является право советских граждан на получение образования по конституции’.

**1.5.** Суффикс родительного падежа существительных *-ы / -йы*: *правленийы æмбырд* ‘собрание правления’; *облæххæсткомы мидхъуыддæгты управленийы хисдæр* ‘председатель управления внутренних дел облисполкома’:

*Партийы райкомы политикон рухсады кабинеты фыццаггадон хæсыл нымад цæуы фæллойадон коллективты массон-политикон архайд фæхуыздæр кæнын* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1985, 27 декабря № 248]. ‘Первостепенной задачей кабинета просвещения райкома партии является улучшить массово-политическую деятельность коллективов трудящихся’.

**1.6.** Суффикс *гæнæг* (от *кæнын*), т. е. деятель, *-гæнджытæ-* (мн. ч.) *службæгæнæг* ‘деятель, служащий’; *службæгæнджытæ (гæнджытæ – форма мн. ч.)* ‘служащие’:

*Закъоны проекты нысан чындæуы, зæгъгæ паддзахадон организациттæ колхозонтæ*



*æмæ службæгæнджытæн æххуыс кæныны ахуыр кæныны хъуыддаджы* [Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1985, 27 декабря № 248]. 'В законопроекте говорится, что государственные организации оказывают содействие колхозникам и служащим в получении образования'.

**1.7.** Суффикс, используемый для образования абстрактных существительных **-дзинад**: *закъондзинад* 'законность'; *активондзинад* 'активность':

*Махæн нæ плантæ баззайдзысты уæлдæфы ауыгъдæй, фæллойдон æмæ æхсенæдон активондзинад куына сразæнгард кæнæм, уæд* [Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1985, 23 июля № 221]. 'Наши планы повиснут в воздухе, если мы не добьемся активизации трудящихся и общества в целом'.

**1.8.** Послелог *кæнын* (делать) для образования глаголов: *службæ кæнын* 'заниматься делом, служить':

*Уырыссаг æвзаг ссис Советон Цæдисы æптæт адæмтæ чи иу кæны, æмæ уыдонæн кæрæдзимæ ныхас кæнынæн чи ахъаз кæны, ахæм æвзаг* [Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1984, 13 октября № 197]. 'Русский язык стал тем языком, который объединяет все народы Советского Союза и помогает им налаживать диалог друг с другом'.

**2. Осетиноязычная общественно-политическая терминология.** В ряде примеров наблюдается перевод с русского на осетинский с использованием родного языка: *райæххæсткомы мидхъуыддагты хайады хистæр* 'глава отдела внутренних дел райисполкома'; *азы фыццаг æрдæг* 'первое полугодие'; *исад* 'устав, строй' (от *исын* 'принимать меры'); *фондзæзон* 'пятилетка'; *æвзæрстытæ* 'выборы' (от *æвзарын* 'выбирать'); *хæдзарæд* 'хозяйство, т. е. дом и всё при доме' (от *хæдзар* 'дом' и суффикса **-ад**), 'собрание всех домов со всеми участками'; *кондад* 'производство' (от *кæнын* 'делать, производить'); *ифтонгад / ифтонгдзинад* 'обеспечение, оснащение' (от *ифтонг* 'исправный'); *фæллойдæнæг* 'тот, кто производит что-то полезное' (от *фæллойд* 'труд, продукт труда'); *профцæдисон* 'профсоюзный', *фæскомцæдисон* 'комсомольский'; суффикс **-он** для образования существительных, обозначающих человека, занимающегося определенным родом деятельности: *фсад-фсæддон*, *колхоз-колхозон*.

*Ахæм нысанмæздæхт куыст хорзæрдæм зыны разылаууæг хæстæ æххæст кæныны ифтонгдзинадыл* [Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1985, 27 декабря № 248]. 'Работа, нацеленная на результат, помогает достигать всех поставленных целей'.

*Фæлæ йын колхозы райдиан партион организаци æмæ фæскомцæдисы Сталины райком æмбæлон æххуыс нæ кæныны, æмæ фæскомцæдисонты 'хæн хъомыладон куыст у нымæг* [Газета Советон Ирыстон 'Советская Осетия'. 1957, 9 января № 6]. 'Однако

первичные партийные организации колхозов и районный комитет комсомола Сталинира не оказывают им должной поддержки, вследствие чего воспитательная работа сведена к нулю’.

*Фæуд кæныну хыгъдтæ æмæ æмбырдтæ, рæстæг тынг ахсдæжиаг* у [Газета Советон Ирыстон ‘Советская Осетия’. 1957, 18 января № 9]. ‘Подходит к концу подсчет голосов, встреч больше не будет, заканчивается время’.

*Кæд æмæ области сæудæджнрадон фондзаны хæслæвæрдтæ æххæст кæныны ис иумиаг æвæрцаг фæстиуджытæ <...>* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1985, 13 декабря № 239]. ‘Наряду с общими положительными итогами выполнения промышленностью области заданий пятилетки <...>’.

В общественно-политической коммуникации встречаются, однако, и случаи лексической интеркаляции: *сферæ* ‘сфера (изменение гласной)’; *хъæууон хæдзарады устав* ‘устав сельского хозяйства’ (заимствование с сохранением исходной формы и значения термина); *фондзакон план* ‘план пятилетки’; *къамис* ‘комиссия’ (замена корневой гласной и нулевое окончание).

*Сесси сæвæрста мандатон къамис* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1985, 27 декабря № 248]. ‘На сессии была избрана мандатная комиссия’.

*Закъоны проект цæттæ чындæуыд республикæйы цымыдисгæнæг министрæдтæ æмæ ведомствоты* [Газета «Советон Ирыстон» ‘Советская Осетия’. 1975, 5 августа № 153]. ‘Законопроект (проект закона) должен быть подготовлен профильными министерствами и ведомствами республики’.

**3. Современный этап развития общественно-политической терминологии.** Для жителей Республики Южная Осетия, как и для граждан многих бывших Союзных республик на постсоветском пространстве, русский язык является вторым родным языком, используемым ими во всех сферах деятельности, и у них произошло нечто вроде слияния словарных запасов в единый лексический фонд.

Заимствование лексических единиц из русского языка происходит вследствие так называемого лексического дефицита. Это обусловлено слабо разработанным терминологическим аппаратом в сфере политической коммуникации. Политический дискурс Республики Южная Осетия только формируется и назревает потребность привлечения языковых средств русского языка, имеющего целью более полное и адекватное восприятие адресатами (гражданами республики) передаваемой информации. Для наименования понятия или термина политический деятель вклинивает в свою речь обороты на русском языке.

Наблюдается в сфере политики также использование заимствованных единиц, ставших фактами языка и широко применяемых в осетинском обществе. Заимствованные слова и выражения подвергаются в отдельных случаях перестройке под влиянием морфологических показателей осетинского языка.

К примеру, **‘бизнес-проект’** употребляется в неизменном виде, вклиниваясь в предложение на осетинском языке; **‘законодательный орган’** передается на осетинском языке с использованием принципа интеркаляции с последующей трансформацией основы одного из элементов словосочетания *закъондæттæг* (*закон* + *дæттæг* от ‘дающий, предоставляющий’) **орган**; **‘политическая партия’** – осет. *политикон парти* (усечение основы и примыкание: суффикс прилагательного *-он* в слове *политикон* и редукция в слове *парти*); **‘Конституционный Суд’** – осет. *Конституцион Тæрхондон* (*Конституцион* – заимствованная единица с сокращенной основой, *Суд* – перевод).

Рассмотрим морфологические особенности оформления русскоязычных заимствований в общественно-политической терминологии осетинского языка на современном этапе на ряде примеров.

*Нæ паддзахадон бюджетмæ хаст æрцыд ивындзинæдтæ. Ацы фарст Хицауады уæнгтæ растыл банымадтой абоны рабадтыл. Уыдон хаст цæуыну сæхсæнхицауадон къамис бафыссæ бадзырд сæххæст кæныны нысанæн <...>. Ацы ивындзинæдтæ сты æнæмæнгхъæуæг цæмæй арæстæдон организацитæн бафидой, цы сæм æмбæлы, уыцы авансон фиддонтæ сæ бакæнгæ куыстыты тыххæй, кæцытæ сæххæст кодтой инвестицион программæйы фæлгæтты [ГТРК «Ир»]. ‘В бюджет республики были внесены изменения. Решение было одобрено на заседании правительства сегодня. Поправки вносятся во исполнение подписанного протокола заседания межправкомиссии <...>. Эта мера необходима, в частности, для того, чтобы выплатить авансовые платежи строительным организациям, сотрудники которых задействованы на объектах в рамках инвестиционной программы’.*

Интерференционные явления целесообразно истолковать следующим образом: *бюджетмæ* ‘в бюджет’ (*бюджет* + суффикс *-мæ*, обозначающий перемещение в пространстве); нередко заимствованные слова пишутся так, как закрепились в произношении: *къамис* ‘комиссия’ (русский звук [к] обозначается в осетинском языке диграфом [къ], происходит замена корневой гласной с нулевым окончанием); *оргиаизацитæн* ‘организациям’ (редуцирование окончания + суффикс мн. ч. *-тæ* в дательном падеже); *инвестицион программæйы* ‘инвестиционной программы’ (*инвестиция* – *инвестици*: редукция окончания + суффикс прилагательного *-он*;

редуцирование окончания в *программа* и добавление суффиксов *-æ*, *-йы*); *авансон* ‘авансовые’ (замена суффикса прилагательного на *-он*).

*На республикайы бирасываллонджын бинонтæ алкацы сываллонæн дæр æрвыл май исдзысты 1000 сом <...> уый разма æрцыд Хуссар Ирыстоны президентты адæмæ æмæ парламентмæ æрвыстады. Стæй æнæниздинад хъаххæнынад æмæ социалон райрæзты министрад бакуыста, куд фыст цæудзысты, ууыл [ГТРК «Ир»]. ‘Многодетным семьям нашей республики будут выплачивать по 1000 рублей на каждого ребенка ежемесячно. Это предложение было озвучено президентом во время послания парламенту и народу. Министерством здравоохранения и социального развития проработан механизм выдачи выплат’.*

Падежные окончания, как правило, прибавляются к ассимилированной форме заимствованного слова: *республикайы* (редукция + суффиксы *-æ*, *-йы*); заимствованное слово часто изменяется по законам осетинского языка (по числам, падежам, видам) без изменения основы: *президентты* (суффикс родительного падежа *-ы*); *парламентмæ* (суффикс дательного падежа *-мæ*); *социалон* (усечение корня + суффикс прилагательного *-он*); *министрад* (министр+ суффикс абстрактных существительных *-ад*).

*На республикайы фæсарæйнаг хуыддæгты министрад сиды дунейы æхсæнадмæ цæмæй тæрхон рахæссой Гуырдзыстоны хицауадæн, нæ арæнтæм æввахс милитаризацион зонаæ кæй аразыны, уый тыххæй [ГТРК «Ир»]. ‘Министерство иностранных дел республики обращается к международному сообществу с призывом осудить опасный курс Грузии по созданию милитаризованной зоны по периметру югоосетино-грузинской границы’.*

Термин *милитаризованная* передается на осетинский язык путем прибавления суффикса прилагательного *-он* к основе существительного *милитаризация* после редуцирования окончания *-я*; *зонаæ* (редуцирование окончания *-а* с последующим прибавлением суффикса *-æ*).

#### **4. Выводы**

Югоосетинской общественно-политической терминологии присущи следующие отличительные характеристики:

4.1. Употребление формообразовательных средств: окончания множественного числа *-тæ*; суффиксов для образования существительных: *-динад* – суффикса, используемого для образования абстрактных существительных; *-ад*, *гæнæг* (от *кæнын*), т. е. деятель; *-йы* – суффикса род. падежа; суффиксов прилагательных: *-гæнæн* (от *кæнын*), т. е. делающий, *-æг*, *-он*.

4.2. Заимствованные слова пишутся так, как закрепились в произношении: *къамис* ‘комиссия’ (русский звук [к] обозначается в осетинском языке диграфом [къ]).

4.3. Падежные окончания прибавляются уже к ассимилированной форме заимствованного слова: *республикаейы* ‘республики’ (редукция + суффиксы *-æ, -йы*).

4.5. При переключении кодов часто заимствованное слово изменяется по законам осетинского языка (по числам, падежам, видам) без изменения основы: *президентты* (суффикс родительного падежа *-ты*).

4.6. Грамматическая интерференция имеет место в случае использования заимствованных прилагательных в форме мужского рода вне зависимости от родовой принадлежности исходной лексемы: *инвестицион программейы* ‘инвестиционной программы’.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бантышева Л. Л. Общественно-политическая лексика начала XX в.: традиции изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. (1) 21. С. 13-18.

2. Гуриев Т. А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе, 1962. 116 с.

3. Джусоева К. Г. Развитие общественно политической лексики осетинского языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.08. Цхинвали, 1975. 160 с.

4. Ермакова А. В. Сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей общественно-политической лексики русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тверь, 2019. 18 с.

5. Кудзоева А. Ф. Грамматико-стилистические функции порядка слов в осетинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Владикавказ, 2001. 173 с.

6. Кульчиева М. Б. Вклад русского языка в становление и развитие общественно-политической терминологии осетинского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Владикавказ, 2005. 156 с.

7. Куртин Ж. Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 95-104. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskogo-diskursa-podhody-i-kategorii>. (дата обращения: 14.02.2020).

8. Негров Е. О. Историческое развитие политического дискурса в России // ПОЛИТЭКС, 2008. № 3. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-politicheskogo-diskursa-v-rossii>. (дата обращения: 14.05.2020).

9. Субботина В. В. Прагмалингвистический аспект перевода общественно-политических текстов (на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Алматы, 2010. 26 с.

10. Ткачева И. О. Политическая лексика в современном русском языке: Семантические особенности и проблемы лексикографического представления: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб, 2008. 26 с.

11. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург, 2009. 292 с.

12. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 160 с.

13. Юзефович Н. Г. Иноязычная политическая лексика в современном английском языке (на материале англоязычного описания российской истории советского периода): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб, 2004. 26 с.

### СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1957, 9 января № 6.
2. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1957, 18 января № 9.
3. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1975, 1 июля № 128.
4. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1975, 16 июля № 139.
5. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1975, 5 августа № 153.
6. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1975, 11 августа № 157.
7. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1984, 13 октября. № 197.
8. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1985, 23 июля № 221.
9. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1985, 13 декабря № 239.
10. Газета «Советон Ирыстон» 'Советская Осетия'. 1985, 27 декабря № 248.
11. ГТРК «Ир». Информацион рауагъд «Абон». Доступ: <https://www.facebook.com/groups/272567203851483/permalink/275649136876623/>. (дата обращения: 07.07.2020). [ГТРК «Ир»]

### REFERENCES

1. Bantysheva, L. L. (2007). *Obshchestvenno-politicheskaya leksika nachala XX v.: traditsii izucheniya* [Social and political vocabulary of the early XXth century: traditions and novations]. In *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg. Вып. (1) 21. Pp. 13-18. (In Russ.).
2. Guriev, T. A. (1962). *Vliyanie russkogo yazyka na razvitie osetinskoy leksiki* [The impact of the Russian language on formation of ossetian vocabulary]. Ordzhonikidze. (In Russ.).
3. Dzhusoeva, K. G. (1975). *Razvitie obshchestvenno politicheskoy leksiki osetinskogo yazyka* [Formation of social political vocabulary in ossetian language]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.08. Tskhinvali. (In Russ.).
4. Ermakova, A. V. (2019). *Sopostavitelnyy analiz strukturno-semanticheskikh osobennostey obshchestvenno-politicheskoy leksiki russkogo i angliyskogo yazykov* [Comparative analysis of structural-semantic peculiarities of socio-political vocabulary in Russian and in English]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Tver. (In Russ.).
5. Kudzoeva, A. F. (2001). *Grammatiko-stilisticheskie funktsii poryadka slov v osetinskom yazyke* [Grammatical and stylistic functions of word order in Ossetian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.02. Vladikavkaz. (In Russ.).
6. Kulchieva, M. B. (2005). *Vklad russkogo yazyka v stanovlenie i razvitie obshchestvenno-politicheskoy terminologii osetinskogo yazyka* [The role of Russian language in formation and development of socio-political vocabulary in Ossetian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.02. Vladikavkaz. (In Russ.).
7. Kurtin, Zh. Zh. (1999). *Shapka Klementisa (zametki o pamyati i zabvenii v politicheskom diskurse)* [The hat of Clementis (notes on remembrance and oblivion in political discourse)]. In *Kvadratura smysla*. M.: Progress. P. 95-104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskogo-diskursa-podhody-i-kategorii>. (accessed: 14.02.2020). (In Russ.).
8. Negrov, E. O. (2008). *Istoricheskoe razvitie politicheskogo diskursa v Rossii* [Historical development of political discourse in Russia]. In *POLITEKS*. No. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-politicheskogo-diskursa-v-rossii>. (accessed: 14.05.2020). (In Russ.).
9. Subbotina, V. V. (2010). *Pragmalingvisticheskiy aspekt perevoda obshchestvenno-politicheskikh tekstov (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Pragma-linguistic aspect of translation of socio-political texts (based on texts in English and Russian)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Almaty. (In Russ.).

10. Tkacheva, I. O. (2008). *Politicheskaya leksika v sovremennom russkom yazyke: semanticheskie osobennosti i problemy leksikograficheskogo predstavleniya* [Political vocabulary in modern Russian: semantic characteristics and problems of its lexicographical representation]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. SPb. (In Russ.).

11. Chudinov, A. P. (2009). *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. Ekaterinburg. (In Russ.).

12. Yudina, T. V. (2001). *Teoriya obshchestvenno-politicheskoy rechi* [Theory of socio-political speech]. M.: Publish.h. of Mosk. un-ty. (In Russ.).

13. Yuzefovich, N. G. (2004). *Inoyazychnaya politicheskaya leksika v sovremennom angliyskom yazyke (na materiale angloyazychnogo opisaniya rossiyskoy istorii sovetskogo perioda)* [Foreign language political vocabulary in modern English (based on history of Soviet Russia, written in English): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb. (In Russ.).

### **SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL**

1. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1957, 9 yanvarya No. 6. (In Osset.).

2. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1957, 18 yanvarya No. 9. (In Osset.).

3. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1975, 1 iyulya No. 128. (In Osset.).

4. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1975, 16 iyulya No. 139. (In Osset.).

5. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1975, 5 avgusta No. 153. (In Osset.).

6. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1975, 11 avgusta No. 157. (In Osset.).

7. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1984, 13 oktyabrya No. 197. (In Osset.).

8. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1985, 23 iyulya No. 221. (In Osset.).

9. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1985, 13 dekabrya No. 239. (In Osset.).

10. Gazeta «*Soveton Iryston*» ‘Sovetskaya Osetiya’ [Soviet Ossetia]. 1985, 27 dekabrya No. 248. (In Osset.).

11. *GTRK «Ir»*. *Informatsion rauagd «Abon»* [News bulletin «Today»]. Available at: <https://www.facebook.com/groups/272567203851483/permalink/275649136876623/>. (accessed: 07.07.2020). (In Osset.).

*Джисоева Варвилена Павловна* – старший преподаватель кафедры английского языка (e-mail: [jio.varvilina@mail.ru](mailto:jio.varvilina@mail.ru)), Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова. 100001 Республика Южная Осетия г. Цхинвал ул. Путина, 8

*Dzhioeva Varvilina P.* – Senior Teacher of English Language Department (e-mail: [jio.varvilina@mail.ru](mailto:jio.varvilina@mail.ru)), South Ossetia State University named after A. A. Tibilov 8, Putin, Tskhinval, The Republic of South Ossetia, 100001

*Поступила в редакцию 09 июля 2020 г.*

## НАИМЕНОВАНИЯ НОВЫХ ПРОФЕССИЙ, СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*В статье рассматривается номинация лиц мужского и женского пола по новым профессиям, специальностям и должностям на материале немецкого и русского языков. Анализу подверглись наименования профессий, специальностей и должностей, которые являются в настоящий момент востребованными на рынке труда. В исследовании устанавливаются словообразовательные, семантические, а также гендерные особенности номинации лица по его профессиональной деятельности в немецком и русском языках.*

**Ключевые слова:** номинация, профессия, специальность, должность, мужской род, женский род.

© 2020 E. V. Poliarush

## NAMES OF NEW PROFESSIONS, SPECIALITIES AND POSITIONS IN THE GERMAN AND RUSSIAN

*The present study concerns the naming of male and female individuals by new professions, specialities, and positions of the new time based on the German and Russian languages. The names of professions, specialities, and positions which are required in the modern job market are analyzed. The article studies the characteristic features of word-formation and semantics as well as gender distinctions in professional person naming of modern German and Russian.*

**Key words:** naming, profession, speciality, position, masculine gender, feminine gender.

**1. Вводные замечания.** В настоящей статье рассматривается номинация лиц профессионального деятеля мужского и женского пола на материале современного немецкого и русского языков, а именно наименования лиц по актуальным, т. е. востребованным профессиям, специальностям и должностям в немецко- и русскоязычных странах. Отмечается большое количество наименований, маркирующих профессиональную принадлежность, заимствованных из иноязычной культуры, что обуславливается рядом лингвистических, а также экстралингвистических факторов.

**Актуальность** работы обусловлена необходимостью комплексного изучения наименований лиц мужского и женского пола по актуальным и новым профессиям, специальностям и должностям (далее НЛП) с привлечением большого объема практического материала в современном немецком и русском языках.

**Объектом** исследования послужили наименования мужчин (далее НМ) и женщин (далее НЖ) по профессии, специальности и должности в современном немецком и русском языках.

**Цель работы** заключается в структурно-семантической классификации НМ и НЖ по профессии, специальности и должности в вышеуказанных языках.



**Материалом исследования** в немецком языке послужили официальный периодический энциклопедический словарь профессий, приобретаемых в процессе прохождения профессионального обучения за 2019-2020 гг. [BERUF AKTUELL, 2019/20], а также специализированные Интернет-ресурсы, отражающие потребности современного рынка труда [Berufsbezeichnungen]. Пополнение пласта лексики профессиональной принадлежности в русском языке происходит преимущественно через заимствование, малая доля которой закрепляется в лексикографических изданиях. Словари и справочники не успевают своевременно реагировать на изменение ситуации в сфере труда, кроме этого, классификатор профессий и должностей еще более пассивно реагирует на неологизмы наименования профессионального деятеля, отражая лишь отобранные речевой практикой, устоявшиеся обозначения. Соответственно, в русском языке выборку составили НЛП из «Словаря актуальных профессий» Е. И. Головановой [Голованова, 2004], словаря-справочника «Новые наименования лиц на рынке труда» Н. В. Исаевой [Исаева, 2017], а также из специализированных Интернет-ресурсов, очерчивающих круг востребованных профессий на период 2019-2020 гг. Все отобранные единицы подвергались семантическому анализу с помощью таких толковых словарей, как Duden [Duden], Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и др. [Словари и энциклопедии]. Общее количество НЛП составило 2416 единиц различных профессий, специальностей и должностей, из которых в немецком языке 720 единиц являются НМ, 610 – НЖ. В русском языке количество НМ составляет 820 единиц, НЖ – 231 единицу.

Проблемой изучения номинации занимались такие исследователи, как Ш. М. Бёрн, В. Г. Гак, Б. Т. Ганеев, Е. И. Голованова, А. Ю. Епимахова, И. А. Ковалева, Н. В. Кожанова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, С. С. Маслова-Лашанская, И. Ю. Николаева, U. Doleschal, G. Schoenthal, в частности систему словообразования в немецком языке изучали М. Д. Степанова, Я. Гримм, Г. Пауль, Р. Braun, J. Erben, W. Fleischer, Н. Wellmann и др., в русском языке – В. В. Виноградов, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, Г. А. Мартинович, И. С. Улуханов, А. А. Уфимцева и др.

**2. Профессия как объект терминологии.** Род деятельности человека издревле претерпевал изменения, трансформируясь под потребности общества, социально-экономические изменения, а также желания самого человека. В настоящее время сфера профессиональной деятельности находится в стадии преобразования, в которой наблюдается переход от автоматизации к дигитализации и роботизации, отмечается возникновение новых профессий, специальностей, должностей, устаревшие наименования, в свою очередь, подвергаются модернизации или утилизации. Язык как

подвижная и легко изменяющаяся субстанция чутко улавливает малейшие изменения в обществе, экономике, культуре, науке и отзывается на данные процессы новыми лексическими единицами. Система номинации профессионального деятеля находится в непрерывном движении и развитии: возникновение новых сфер знаний и деятельности влечет за собой возникновение новых обозначений лиц, активно функционирующих в данной сфере. Социальный статус человека, т. е. занимаемое им положение в обществе, является существенным моментом организации человеческого социума. Для современного общества важнейшими характеристиками являются род деятельности индивида, величина доходов, уровень образования. Постоянные экономические и технические изменения оказывают влияние на получение профессии, что способствует профессиональной мобильности и производственной пригодности [Кожанова, 2007: 7].

Под профессией (от лат. *profiteor* ‘объявляю своим делом’) понимают род трудовой активности человека, владеющего комплексом теоретических знаний и навыков, приобретённых в ходе специальной подготовки. Во времена Древнего Рима профессией (лат. *professio*) называли род занятий, которому человек себя посвящал и о котором заявлял публично. В настоящее время для получения профессии требуются следующие условия [БЭС]:

1. Специальная подготовка и обучение, т. е. это вид трудовой деятельности, которым можно овладеть исключительно после ее освоения в специализированном учебном заведении.

2. Регулярная практика. Профессия требует постоянного, а не эпизодического осуществления трудовой деятельности. Важно четкое разграничение с таким понятием как «хобби».

3. Источник средств существования является главным отличием от других сфер деятельности.

Известный советский психолог и доктор психологических наук Е. А. Климов приводит в своих работах следующее определение профессии: «Профессия – это необходимая для общества, социально ценная и ограниченная вследствие разделения труда область приложения физических и духовных сил человека, дающая ему возможность получать взамен затраченного труда необходимые средства его существования и развития» [Климов, 2010: 90-96]. Он характеризует профессию как общность, как деятельность, как область проявления личности и как исторически развивающуюся систему.

В немецком языке под понятием «профессия» (der Beruf (mhd. beruof)) подразумевается *erlernte Arbeit, Tätigkeit, mit der jemand sein Geld verdient; Erwerbstätigkeit* – ‘Приобретенное в ходе обучения занятие, род деятельности, с помощью которого кто-то зарабатывает на жизнь; трудовая деятельность’ [Duden].

Термин «профессия» (Beruf) следует четко дифференцировать и отделять от таких профессиональных понятий как [БЭС; Duden]:

1) рус. специальность (от лат. *species* ‘род, вид’) – вид занятия в рамках одной профессии (напр., специальность врача – уролог, онколог и т. д.);

нем. das Fach (mhd. *vach* = *Stück, Teil, Abteilung einer Wand* ‘элемент, часть, отделение’) – *Gebiet, auf dem sich jemand ausbildet, ausgebildet, spezialisiert hat, auf dem jemand speziell arbeitet* ‘область, в которой кто-то обучается, получил образование, специализируется, где кто-то целенаправленно работает’;

2) рус. должность (от праслав. \**dyľь* ‘долг’) – служебное положение, место в каком-либо учреждении, на предприятии и т. п. и связанные с ним служебные обязанности (напр., должность секретаря);

нем. das Amt (mhd. *amt, amb(e)t, ambahte*, ahd. *ambaht(i)* = *Dienst(leistung)*, aus dem Keltischen ‘служба (служебные обязанности), с кельтского’) – *offizielle Stellung (in Staat, Gemeinde, Kirche u. Ä.), die mit bestimmten Pflichten verbunden ist; Posten* ‘официальная должность (в государстве, общине, церкви и т. д.), которая связана с определенными обязанностями; пост, место’;

3) рус. звание (от праслав. \**zъvati* ‘звать’) – устанавливаемое и присваиваемое компетентными органами наименование, свидетельствующее об официальном признании заслуг отдельного лица или коллектива, либо о профессиональной, служебной, научной или иной квалификации (напр., военные – генерал, майор и т. д.);

нем. die Amtsbezeichnung (mhd. *bezeichnunge*, ahd. *bizeihhanunga* = *Vorzeichen, Symbol* ‘знак, символ’) – *amtliche Benennung für eine Dienststellung; Titel* ‘официальное звание за службу; титул’;

4) рус. титул (от лат. *titulus* ‘надпись, почетное звание’) – звание лица по занимаемой должности или по роду занятий (напр., в спорте – чемпион мира и т. д.);

нем. der Titel (mhd. *tit(t)el*, ahd. *titul(o)* < lateinisch *titulus*) – *jemandes Rang, Stand, Amt, Würde, kennzeichnende Bezeichnung, die als Zusatz vor den Namen gestellt werden kann* ‘чей-то чин, положение, должность, достоинство, отличительный знак, которые могут ставиться перед именем’.

Наименования лиц по таким характеристикам их социального статуса, как должность, звание, титул представляют собой существенно замкнутый и статичный лексический пласт. В отличие от них, НЛП представляют собой достаточно обширную группу наименований. Вероятно, это можно объяснить тем, что наименования лиц по профессии соотносятся с самыми разнообразными видами человеческой деятельности, носящей неисчерпаемый характер, в то время как наименования лиц по социальному статусу находятся в зависимости от общественной системы, которая по определению является замкнутой. Следует отметить, что НЛП необходимо отличать от собственно наименований профессий, входящих в терминологическую систему языка и подчиняющихся на этом основании особым правилам образования и употребления [Кожанова, 2007: 9].

**3. Особенности словообразования наименований лиц по профессии в немецком языке.** Немецкий язык располагает разветвленной системой формальных показателей, при помощи которых происходит спецификация признака пола лица. Это – грамматические, морфолого-словообразовательные и лексико-семантические средства. Рассмотрим основные процессы словообразования наименований лиц в немецком языке.

Наиболее продуктивными способами словообразования имен существительных по профессии в немецком языке являются суффиксальный и полусуффиксальный, а также словосложение (сложение двух или более основ с помощью связующих «-e(s)» или «-e(n)») [Fleischer, 1995]. Для образования имен существительных мужского пола по принадлежности к определенному роду деятельности используются такие суффиксы, как «**-er, -ler, -ner (-aner, -enser), -ling**», а также интернациональные суффиксы «**-ist, -ant, -ent, -ier, -eur, -ieur, -or, -ar, -är, -ismus, -at, -ot, -et, -(n)om, -soph, -graph**». Например: *der Laborant* ‘лаборант’, *der Tischler* ‘столяр’, *der Ingenieur* ‘инженер’, *der Pilot* ‘лётчик’, *der Astronom* ‘астроном’, *der Photograph* ‘фотограф’ и др.

Кроме этого, для обозначения лица определенного пола добавляются формальные признаки, а именно полусуффиксы [Schoenthal, 1989: 296-314]:

1) **-mann** – для мужчин (напр., *der Werkfeuerwehrmann* ‘пожарный на заводе’, *der Fotomedienfachmann* ‘специалист фотомедиа’ и др.

2) **-frau** – для женщин (напр., *die Werkfeuerwehrfrau* ‘женщина-пожарный на заводе’, *die Fotomedienfachfrau* ‘специалистка фотомедиа’ и др.

Так как имена существительные женского пола в немецком языке используются как деривативные и коррелятивные к мужским, то при их образовании используются те же способы словообразования [Doleschal, 1992]. Для обозначения лица женского пола,

кроме вышеуказанных полусуффиксов, используется также суффикс «-in». Например: *der Auditor* ‘аудитор’ – *die Auditorin* ‘женщина-аудитор’, *der SAP-Entwickler* ‘SAP-разработчик’ – *die SAP-Entwicklerin* ‘SAP-разработчица’. Кроме этого, для обозначения женщины по определенной профессии добавляют фамилию её владелицы, однако это уже устаревшая модель, чаще всего она сопровождается формальным признаком – суффиксом «-in». Однако помимо аффиксации, в некоторой части наименований изменяется корневая гласная на умлаут.

Как показал практический материал исследования, в словообразовательной его части наиболее продуктивными суффиксами для обозначения лица по профессиональной деятельности мужского пола является «-er», женского пола – «-in». Результаты исследования представлены в нижеприведенных таблицах:

Таблица 1. *Степень продуктивности суффиксов и полусуффиксов, участвующих в наименованиях лиц мужского пола по профессии в немецком языке*

<b>Аффикс</b>	<b>Количество единиц</b>	<b>%</b>
-er	408	59,9
-ent	68	10
-mann	37	5,3
-ant	34	5
-or	33	5
-ner	28	4,1
-ler	26	3,8
-loge	16	2,6
-ist	15	2,2
-eur(e)	14	2,1
<b>Всего</b>	<b>679</b>	<b>100</b>

Таблица 2. *Степень продуктивности суффиксов и полусуффиксов, участвующих в наименованиях лиц женского пола по профессии в немецком языке*

<b>Аффикс</b>	<b>Количество единиц</b>	<b>%</b>
-in	557	91,3
-frau	37	6,1
-e	16	2,6
<b>Всего</b>	<b>610</b>	<b>100</b>

Следует отметить, что 33 единицы НЛП составляют нейтральные по отношению к полу: *die Fachkraft* ‘квалифицированный рабочий’, *das Member* ‘член, участник’, *die Person* ‘лицо, человек’, *das Personal* ‘кадр, персонал’.

**4. Особенности словообразования наименований лиц по профессии в русском языке.** В русском языке самым продуктивным в образовании имен существительных мужского и женского пола по профессии является суффиксальный способ и словосложение. Существующие в русском языке суффиксы мужского пола для

обозначения человека по профессии (**-чик, -(ль)щик, -(и)тель, -(н)ик, -(ов)ец, -ист, -ач, -ант (-янт, -ент), -тор**) присутствуют в образовании НЖ, но существует всего 2 основных суффикса для НЖ, присущие для официального стиля: **-ка** и **-ица**. Например, *WEB-программист – WEB-программистка, киберспортсмен – киберспортсменка, IR-специалист – IR-специалистка* и т. д. [Земская, 2016].

В современном русском языке имеют место две тенденции в образовании НЖ. Первая из них – маскулинизация профессиональных личных наименований, которая заключается в использовании существительных мужского пола при обозначении женщин. Активно развилась с конца XIX в. и до настоящего времени остается доминирующей. Особый социальный фон в первые годы Советской власти определил вторую тенденцию – феминизация как традиционное наименование женщин, объединяющая те способы русского именного словообразования, посредством которых эксплицитно может быть выражено модификационное значение женскости [Словообразовательный словарь ..., 2013].

В частотно-стилистическом словаре вариантов «Грамматическая правильность русской речи» сказано: «В письменной строго официальной речи, в официальных обращениях или нейтрально-деловой речи принята норма согласования по внешней форме определяемого существительного мужского пола» [Граудина, Ицкович, Катлинская, 2004]. Например: *новый председатель Совета директоров Мария Ивановна, выдающийся математик Софья Ковалевская* и т. д. Иногда для уточнения пола работника использовался лексический способ дифференциации номинации в зависимости от пола или употреблялись супплетивные формы наименований.

В современном русском литературном языке официально-деловая речь практически исключает употребление НЖ, что наглядно проявляется в том, что в официальном издании Минтруда и Госстандарта РФ «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов», в котором содержится перечень всех ныне существующих специальностей из 7365 наименований, из них лишь 10 эксплицитно выражают отнесенность к женскому роду, напр.: *акушерка, машинистка, медицинская сестра, модистка по головным уборам, машинистка, цветочница, швея* и др. [Пчелинова, 2001: 27-32]. Такое ограничение употребления в русском кодифицированном литературном языке НЖ не может объясняться пассивностью или инертностью его словообразовательной системы, которая обеспечивает изобилие таких наименований в разговорной речи. Наличие в русском языке иных, отличных от лексического, способов

выражения категории пола (синтаксического, проявляющегося в падежном и глагольном согласовании; аналитического), дает возможность избегать употребления НЖ.

Довольно редко для обозначения профессиональных личных номинаций используется морфологический способ, предполагающий употребление субстантивированных прилагательных и причастий (напр., *рабочий, управляющий* и др.). А. И. Моисеев, анализируя структуру обозначений субъекта профессиональной деятельности, установил четыре основных мотивирующих признака данной категории имен (в соответствии с важнейшими конститутивными характеристиками трудовой деятельности): средство труда, процесс труда, предмет труда и результат (продукт) труда [Моисеев, 1967: 138-139]. Такой четко очерченный характер совокупности ономазиологических признаков у данной группы наименований, как отметил ученый, не только составляет их специфическую особенность, но и подчеркивает их терминологическую сущность.

Как показал материал исследования, наиболее частотным суффиксом мужского пола наименований лиц по профессии является «-ер(-ёр)», женского пола – «-(и)ца». Результаты проведенного исследования представлены в таблице 3 и 4.

Следует отметить, что значительное количество НЛП совмещают в себе несколько профессий, напр.: *эксперт-цивилист, парикмахер-визажист-универсал* и др. Это связано с расширением должностных обязанностей одного лица, соответственно, количеством работы, выполняемой одним профессиональным деятелем.

Таблица 3. *Степень продуктивности суффиксов, участвующих в наименованиях лиц мужского пола по профессии в русском языке*

<b>Аффикс</b>	<b>Количество единиц</b>	<b>%</b>
-ер(ёр)	332	37,5
-ист	129	14,5
-(т)ор	87	10
-(ль)щик	69	9
-ий(ый)	59	7
-лог	40	4,5
-ник	39	4
-ант	28	3
-ент	24	2,7
-(и)тель	22	2,5
-(т)ик	19	2
-ар(яр)	15	1,5
-чик	11	1,2
-евт / -ец	10	1
<b>Всего</b>	<b>884</b>	<b>100</b>

Таблица 4. *Степень продуктивности суффиксов, участвующих в наименованиях лиц женского пола по профессии в русском языке*

<b>Аффикс</b>	<b>Количество единиц</b>	<b>%</b>
-(и)ца	103	51
-ка	82	41
-(а)я	15	7,1
-есс	2	0,9
<i>Всего</i>	<i>202</i>	<i>100</i>

Следует отметить, что значительное количество НЛП совмещают в себе несколько профессий, напр.: *эксперт-цивилист, парикмахер-визажист-универсал* и др. Это связано с расширением должностных обязанностей одного лица, соответственно количеством работы, выполняемой одним профессиональным деятелем. Более того, с учетом отсутствия нормативного закрепления новых наименований в лексикографических источниках, а также образовательной государственной базы конкретно под эти профессии, большая часть профессий имеет несколько способов наименования, а также орфографию, напр.: *HR-менеджер / менеджер по подбору персонала / директор по персоналу / менеджер-дженералист / эйчар; ассессор / асесор* и т. д. Выбор определённого коннотативного наименования зависит от предпочтений работодателя, а также нормативной базы предприятия.

**5. Особенности употребления наименований лиц по профессии в немецком и русском языках.** Профессиональное образование ориентировано в равной степени на подготовку лиц как мужского, так и женского пола. Глубинные общественные трансформации, связанные с расшатыванием традиционных взглядов на роль женщины в профессиональной и другой социально значимой деятельности, привели к существенным переменам в сфере женского труда и актуализовали проблему создания и употребления наименований лиц женского пола по профессии. Представляется очевидным, что названная проблема развивалась на фоне активации социальной мобильности женщин, связанной с их выходом из приватной сферы в сферу публичную и оформлением женского движения, получившего название «феминизм». Критика направлена, прежде всего, против мужских обозначений лица для женщин и против употребления мужских обозначений лиц в нейтральных по отношению к полу контекстах [Кожанова, 2007: 11].

Можно говорить об успехах этого движения, которые отразились во многочисленных правовых документах, а также в прессе, в частности в объявлениях о приеме на работу, начиная с 90-х годов все чаще стали употребляться две формы наименований лиц как мужского, так и женского пола, напр.: нем. *der Asset Manager – die Asset Managerin*



‘распорядитель активами’, рус. *специалист по гендерным вопросам – специалистка по гендерным вопросам* и т. д., либо нейтральные формы, например, нем. *die Fachkraft* ‘квалифицированный рабочий’. И хотя существует мнение, что использование обеих форм является затруднительным и не экономичным, их употребление все чаще имеет место.

В немецком языке в письменной речи для обозначения обеих форм сложились различные приемы:

1. Модель двойной формы, именуемая **Splitting** ‘расщепление’. Принцип симметрии мужских и женских наименований, т. е. ни женщины, ни мужчины не подвергаются лингвистической дискриминации. Если в тексте необходимо подчеркнуть присутствие женщин, тогда женская форма ставится впереди (по принципу «Титаника» – дамы вперед): *Kolleginnen und Kollegen, Wiesbadenerrinnen und Wiesbadener* [Geschlechter-Gerechte Sprache, 2009: 21].

2. Упразднение суффикса «-in», т. е. вместо разделения типа «der Student und die Studentin», используется форма «der Student und die Student».

3. Модель «**totale Feminisierung**» ‘полная феминизация’, при которой употребляется «das umfassende Femininum» ‘общий женский род’. Форма женского рода рассматривается в качестве основной (Grundform) [Pusch, 1990;1994].

Чтобы подчеркнуть род деятеля, используются также парные краткие формы, которые вводятся:

1) косой чертой двояким образом:

а) без дефиса (*Sachbearbeiter/in* ‘ответственный/ая специалист’ и т. д.);

б) с дефисом (*Sachbearbeiter/-in* ‘ответственный/-ая специалист’ и т. д.);

2) скобками (*Sachbearbeiter(in)* ‘ответственный(-ая) специалист’ и т. д.

3) заглавной буквой внутри слова (внутренний заглавный **I**) (*die StudentInnen, die PolitikerInnen* и др.);

4) сопровождаясь атрибутами «männlich» и «weiblich» (m / w) (*SMS-Chat-Moderatoren (w / m)* [Geschlechter-Gerechte Sprache, 2009: 22].

Следует подчеркнуть, что скобки и косая черта чаще всего представлены в объявлениях о вакансиях, внутренняя «I» используется в текстах общего характера.

В официальных списках профессий в немецком языке обозначение пола лица выдвинуто на первый план и стало одним из важных компонентов в подготовке специалистов-женщин. Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку в немецком языке «мужские» наименования лиц по профессии могут использоваться для обозначения лиц обоих полов, в то время как женские наименования профессий таким объемом значений не располагают. Тем самым, интерес представляет собой выявление тех

словообразовательных средств, которые позволяют эксплицитно выразить гендерный аспект в соответствующих номинациях [Кожанова, 2007: 19].

В русском языке преобладает использование «общего рода», т. е. мужского рода для обозначения представителей обоих полов. Указание на женщину может осуществлять грамматическое окончание глагола (*врач сказала, профессор предоставила*) или имя собственное, отчество, фамилия (*доцент Анна Петрова* т. п.) [Фуфаева, 2020].

Одной из общих тенденций развития языков стала тенденция к интенсификации процесса заимствования и интернационализации наименований. Общемировой процесс межгосударственной интеграции определил сближение различных национальных номинативных систем в сфере экономики, включая наименования лиц по профессии. Данный процесс получил свое отражение как в немецком, так и в русском языке, где поток англо-американизмов в составе названий лиц по профессии, начавшийся в 90-е годы прошлого века, до сих пор не ослабевает [Епимахова, 2009: 33].

Как показал практический материал исследования, в системе номинации лиц по профессии, специальности и должности до сих пор преобладают НМ над НЖ, однако следует учесть, что треть профессий составляют полностью заимствованные наименования из английского языка, которые по большей своей части не обладают способностью к мовированию для обозначения лиц женского пола.

Ряд новых НЛП представляет собой реализацию известных продуктивных способов словообразования с ключевым узуальным словом или словами: нем. *der/die Fachangestellte für Arbeitsmarktdienstleistungen* ‘специалист/ка по услугам рынка труда’, *der Manager Product Planning* ‘менеджер по планированию выпуска продукции’ – *die Managerin Product Planning* ‘женщина-менеджер по планированию выпуска продукции’ и др.

**6. Структурные особенности наименований лиц по профессии в немецком и русском языках.** В рассмотренном материале отмечены следующие основные структурные типы НЛП:

1) однословные (простые, производные, сложные), напр., нем. *der Kosmetiker* ‘косметолог’ – *die Kosmetikerin* ‘косметолог-женщина’, *der Mediator* ‘посредник’ – *die Mediatorin* ‘посредница’, рус. *бармен* – *барвумен*, *аквариумист* – *аквариумистка* и др.;

2) двухсловными, оформленными с помощью дефиса или без дефиса, напр., нем. *der 3D-Artist* ‘художник 3D-изображений’ – *die 3D-Artistin* ‘художница 3D-изображений’, *der Food-Stylist* ‘фуд-стилист’ – *die Food-Stylistin* ‘женщина-фуд-стилист’, рус. *SEO-специалист* – *SEO-специалистка*, *креативный директор* – *женщина-креативный директор* и др.;

3) несколько словными, оформленными как атрибутивное словосочетание с опорным основным компонентом, напр., нем. *Informations- und Telekommunikationssystemkaufmann* ‘служащий информационной и телекоммуникационной системы’ – *Informations- und Telekommunikationssystemkauffrau* ‘служащая информационной и телекоммуникационной системы’, *der Medientechnologe Siebdruck* ‘медиа-технолог трафаретной печати’ – *die Medientechnologin Siebdruck* ‘женщина-медиа-технолог трафаретной печати’, рус. *специалист* – *специалистка по системному администрированию*, *заместитель директора по производственным вопросам* – *женщина-заместитель директора по производственным вопросам* и др.

Характерно, что «старые» традиционные НЛП часто служат базой для образования глаголов, обозначающих деятельность по данной профессии, напр.: *der Tischler* ‘столяр’ – *tischlern* ‘столярничать’, *der Imker* ‘пчеловод’ – *imkern* ‘заниматься пчеловодством’, *der Schriftsteller* ‘писать’ – *schriftstellern* ‘заниматься писательской деятельностью’ и др. [Калиущенко, 2019: 40-41; Kaliuščenko, 1988]. Естественно, что новые НЛП (НЛП женского рода, НЛП-англицизмы, а также НЛП второго и третьего типов) практически исключают возможность выступать базой для образования глаголов.

Усложнение наименований свидетельствует о когнитивном усложнении мира и стремлении носителей языка не только к краткости и ёмкости, но и содержательной точности наименований [Голованова, 2015: 61]. Наиболее частотные лексические компоненты представлены в нижеприведенной таблице:

Таблица 5. Частотные лексические компоненты НЛП в немецком и русском языках

Немецкий язык			Русский язык		
Лексема	Кол-во ед.	%	Лексема	Кол-во ед.	%
Manager/-in	139	35,92	Менеджер	113	47
Assistent/-in	58	14,99	Специалист(-ка)	51	21
Kaufmann/-frau	30	7,75	Агент	17	7
Fachkraft	28	7,24	Директор		
Mechaniker/-in	27	6,98	Мен	13	5,4
Engineer	21	5,43	Оператор	10	4,2
Executive	19	4,91	Программист(-ка)		
Director	18	4,65	Инженер	9	3,8
Consultant	15	3,88	Разработчик(-ца)	8	3,3
Officer Technologe/ -technologin	14	3,62	Эксперт	7	3
Elektroniker/-in	10	2,58	Вумен	6	2,5
Analyst/-in			Управляющий(-ая)	5	2,1
Specialist	8	2,07			
<b>Всего</b>	<b>387</b>	<b>100</b>	<b>Всего</b>	<b>239</b>	<b>100</b>

Как показывает анализ, в эмпирическом материале в немецком языке наблюдается чередование немецких и английских исходных компонентов в сугубо английских наименованиях (*Ingenieur / Engineer, Assistant / Assistant*), отмечается отсутствие у большинства англицизмов женского пола. В русском языке отмечается преобладание общего рода как обозначения для лиц обоих полов, а также заимствованные компоненты «мен / вумен» из английского языка. Такая ситуация обуславливается полным заимствованием лексической единицы из исходного языка с сохранением полного объема его значения и входящего круга обязанностей лица данной профессии. Однако, немецкий толковый словарь Duden предлагает два варианта наименования профессии: заимствованное английское и немецкое обозначение этой профессии. Выбор англицизма объясняется желанием взаимной интеграции мировых систем с наименьшими затратами.

**7. Выводы.** В результате проведенного исследования и анализа эмпирического материала были сделаны следующие выводы:

1. Профессия, как терминологическое понятие, означает род трудовой активности человека, который требует специализированной подготовки и обучения, а также является источником средств к существованию. Профессию следует четко дифференцировать от остальных профессиональных понятий, таких как специальность, должность, звание и титул.

2. В словообразовании наименований лиц по профессии мужского и женского пола как в немецком, так и в русском языке участвуют суффиксальный способ и словосложение. Наиболее продуктивными суффиксами мужского и женского рода в немецком языке являются суффиксы «-er, -in», русском – «-ер(ёр), -(и)ца» (см. табл. 1-4).

3. В обоих языках отсутствует возможность образования глаголов от новых НЛП в сравнении со «старыми» традиционными НЛП, которые служили базой для образования отыменных глаголов.

4. Среди новых НЛП выделяются три основных типа: однословные НЛП, двухсловные НЛП с написанием через дефис или без дефиса, а также НЛП, состоящие из трёх и более слов, оформленные как словосочетания. Возникновение последних обусловлено когнитивным усложнением мира и стремлением выразить одним НЛП несколько значений, уточняющих семантику данного НЛП.

5. В немецком языке отмечается уравнивание форм мужского рода и женского рода. В русском языке отмечается преобладание общего рода для обозначения лиц обоих полов.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голованова Е. И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 60-64.
2. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. Санкт-Петербург: АСТ, Астрель, 2004. 560 с.
3. Елимахова А. Ю. Интернационализмы в системе наименований лиц по профессии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 33-36.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 9-е изд. стереотип. Москва: ФЛИНТА, 2016. 328 с.
5. Калиущенко В. Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология. Донецк, 2019. 250 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 17).
6. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Москва: Академия, 2010. 304 с.
7. Кожанова Н. В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2007. 23 с.
8. Моисеев А. И. Наименование лиц по профессии (семантические основы наименований) // Вестник ЛГУ. Серия. Истории, языка и литературы. 1967. № 14. Вып. 3. С. 135-139.
9. Пчелинова В. В. Гендер и профессия // Женщины и экономика. 2001. № 9 (2). С. 27-32.
10. Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. Москва: Corpus, 2020. 304 с.
11. Doleschal U. Movierung im Deutschen: eine Darstellung der Bildung und Verwendung weiblicher Personenbezeichnungen. Unterschleißheim: Lincom Europa, 1992. 87 S.
12. Geschlechter-Gerechte Sprache // Leitfaden zum geschlechtergerechten Formulieren im Deutschen. Schweizerische Bundeskanzlei, in Zusammenarbeit mit der Zürcher Hochschule für Angewandte Wissenschaften 2., vollständig überarbeitete Auflage. 2009. 192 S.
13. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. Auflage. Tübingen: Niemeyer, 1995. 399 S.
14. Kaliuščenko V. D. Deutsche denominale Verben. Tübingen: Narr, 1988. 180 S. (Studien zur deutschen Grammatik; 30).
15. Pusch L. F. Alle Menschen werden Schwestern: Feministische Sprachkritik. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1990. 245 S.
16. Pusch L. F. Das Deutsche als Männersprache. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1994. 201 S.
17. Schoenthal G. Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte. Heft 17. Berlin, 1989. S. 296-314.

### СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой энциклопедический словарь. Доступ: <https://www.vedu.ru/bigencdic>. (дата обращения: 28.01.2020). [БЭС].
2. Голованова Е. И. Словарь актуальных профессий. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2004. 103 с.
3. Исаева Н. В. Новые наименования лиц на рынке труда: словарь-справочник. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2017. 189 с.

4. Сборник словарей и энциклопедий русского языка. Доступ: <https://gufo.me>. (дата обращения: 13.04.2020).
5. Словообразовательный словарь современного русского языка / под ред. О. А. Ульяновой. Москва: Аделант, 2013. 512 с.
6. BERUF AKTUELL 2019/20: Lexikon der Ausbildungsberufe // Bundesagentur für Arbeit. Bielefeld: wbv Media, Ausgabe 2019. 562 S.
7. Duden. Onlinewörterbuch. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 10.01.2020).

#### **СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. Отделение профессиональной ориентации. Кем статья. Новые профессии // Инновационный центр профессиональной ориентации и дополнительного образования. Доступ: <https://narfu.ru/agnu/www.agtu.ru/ic/2otdelprofor/ee12f04cb1644bb9efdf9db343aa7fe7prof.html>. (дата обращения: 08.01.2020).
2. Berufsbezeichnungen. Доступ: <https://www.bewerben.com/content/berufsbezeichnungen>. (дата обращения: 09.01.2020).

#### **REFERENCES**

1. Golovanova, E. I. (2015). *Novye nazvaniya lits po professii i dolzhnosti v russkom yazyke* [New names of people by profession and position in Russian]. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 27 (382). Filologicheskie nauki. Vyp. 98. Pp. 60-64. (In Russ.).
2. Graudina, L. K., Utkovich, V. A., Katlinskaia, K. P. (2004). *Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi. Stilisticheskiy slovar variantov* [The grammatical correctness of Russian speech. Stylistic Options Dictionary]. Sankt-Peterburg: AST, Astrel. (In Russ.).
3. Epimakhova, A. Yu. (2009). *Internatsionalizmy v sisteme naimenovaniy lits po professii* [International words in the system of names of people by profession]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 34 (172). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 36. Pp. 33-36. (In Russ.).
4. Zemskaya, E. A. (2016). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [The modern Russian language. Word-formation]. 9-e izd. stereotip. Moskva: FLINTA. (In Russ.).
5. Kaliuščenko, V. D. (2019). *Nemetskie otymennye glagoly: sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya* [The German denominative verbs: synchrony, diachrony, typology]. Donetsk. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 17). (In Russ.).
6. Klimov, E. A. (2010). *Psikhologiya professionalnogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
7. Kozhanova, N. V. (2007). *Naimenovaniya lits po professii v nemetskoyazychnoy kartine mira* [Names of people by profession in the German-speaking picture of the world]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Barnaul. (In Russ.).
8. Moiseev, A. I. (1967). *Naimenovanie lits po professii (semanticheskie osnovy naimenovaniy)* [Name of people by profession (semantic basis of names)]. In *Vestnik LGU. Seriya. Istorii, yazyka i literatury*. No. 14. Vyp. 3. Pp. 135-139. (In Russ.).
9. Pchelinova, V. V. (2001). *Gender i professiya* [Gender and profession]. In *Zhenshchiny i ekonomika*. No. 9 (2). Pp. 27-32. (In Russ.).
10. Fufayeva, I. V. (2020). *Kak nazyvayutsa zhenshchiny. Feminivny: istoriya, ustroystvo, konkurenciya* [How women are named. Feminine gender-specific job title: history, structure, competition]. Moskva: Corpus. (In Russ.).
11. Doleschal, U. (1992). *Movierung im Deutschen: eine Darstellung der Bildung und Verwendung weiblicher Personenbezeichnungen*. Unterschleißheim: Lincom Europa.

12. Geschlechter-Gerechte Sprache (2009). *Leitfaden zum geschlechtergerechten Formulieren im Deutschen*. Schweizerische Bundeskanzlei, in Zusammenarbeit mit der Zürcher Hochschule für Angewandte Wissenschaften 2., vollständig überarbeitete Auflage.

13. Fleischer, W., Barz, I. (1995). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. 2., durchges. Auflage. Tübingen: Niemeyer.

14. Kaliuščenko, V. D. (1988). *Deutsche denominale Verben*. Tübingen: Narr. (Studien zur deutschen Grammatik; 30).

15. Pusch, L. F. (1990). *Alle Menschen werden Schwestern: Feministische Sprachkritik*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.

16. Pusch, L. F. (1994). *Das Deutsche als Männersprache*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.

17. Schoenthal, G. (1989). Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik. In *Zeitschrift für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte*. Heft 17. Berlin. Pp. 296-314.

### LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [The big encyclopaedical dictionary]. Available at: <https://www.vedu.ru/bigencdic>. (accessed: 28.01.2020). (In Russ.).

2. Golovanova, E. I. (2004). *Slovar aktualnykh professiy* [Dictionary of the current professions]. Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t. (In Russ.).

3. Isaeva, N. V. (2017). *Novye naimenovaniya lits na rynke truda: slovar-spravochnik* [New names of people in labour markets: dictionary-reference]. 2-e izd., ster. Moskva: FLINTA. (In Russ.).

4. *Sbornik slovarey i entsiklopediy russkogo yazyka* [Collection of dictionaries and encyclopedias of Russian]. Available at: <https://gufo.me>. (accessed: 13.04.2020). (In Russ.).

5. *Slovoobrazovatelnyy slovar sovremennogo russkogo iazyka* [Word-formation dictionary of the modern Russian language] / pod red. O. A. Ulyanova. Moskva: Adelant, 2013. (In Russ.).

6. BERUF AKTUELL 2019/20 Lexikon der Ausbildungsberufe. In *Bundesagentur für Arbeit*. Bielefeld: wbv Media, 2019.

7. *Duden. Onlinewörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 10.01.2020).

### SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Otdelenie professionalnoy orientatsii. Kem stat. Novye professii [Department of occupational guidance. What to become? New professions]. In *Innovatsionnyy tsentr professionalnoy orientatsii i dopolnitelnogo obrazovaniya*. Available at: <https://narfu.ru/agtu/www.agtu.ru/ic/2otdelprof/ee12f04cb1644bb9efd9db343aa7fe7nprof.html> (accessed: 08.01.2020). (In Russ.).

2. *Berufsbezeichnungen*. Available at: <https://www.bewerben.com/content/berufsbezeichnungen>. (accessed: 09.01.2020).

**Полярush Екатерина Валериевна** – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: [poliarush320@gmail.com](mailto:poliarush320@gmail.com)), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», 283001, Донецк, Университетская, 24

**Poliarush Ekaterina V.** – Post-Graduate Student of Germanic Philology Department (e-mail: [poliarush320@gmail.com](mailto:poliarush320@gmail.com)), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 апреля 2020 г.

## МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

---

УДК 371.315:81-25:811.111

© 2020 А. А. Агаркова

### ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ

*Статья посвящена рассмотрению целесообразности и методов использования крылатых выражений на занятиях по английскому языку на 1-м курсе медицинского вуза для развития навыков монологической и диалогической речи.*

**Ключевые слова:** фразеологизмы (крылатые выражения), устная речь, монологическое высказывание, диалог.

© 2020 А. А. Agarkova

### ENGLISH PHRASEOLOGY AND ITS ROLE IN THE ORAL SPEECH DEVELOPMENT

*The article considers appropriateness and methods of phraseology (idioms, proverbs, phrases) application (aimed at fluent oral monologue and dialogue speech) while teaching English to medical students of the first year.*

**Key words:** phraseology (proverbs, idioms, phrases), oral speech, monologue, dialogue.

Актуальность данной темы обусловлена спецификой изучения иностранного (в данной статье – английского) языка на 1-м курсе медицинского вуза. В качестве общей цели изучения иностранного языка в вузе любой направленности обычно указывают возможность использования иноязычных источников и необходимость поддерживать и развивать международное сотрудничество. В настоящее время профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, целенаправленное и сконцентрированное на формировании профессиональных компетенций и личностного роста, навыков и потребности в саморазвитии, самореализации и самовоспитании, считается приоритетным направлением в обновлении и совершенствовании образовательной системы [Образцов, Иванова, 2005].

Изучение иностранного языка в медицинском вузе нацелено в первую очередь на овладение профессиональной терминологией в пределах, достаточных для чтения профессионального научного текста и поддержания профессионального общения, а также преследует сугубо практическую цель – подготовить грамотного врача. Подобная трактовка целей и задач изучения иностранного языка в медицинском вузе соответствует современному пониманию термина «профессионально-ориентированное обучение» как «ориентированного на чтение литературы по специальности, изучение профессиональной



лексики и терминологии, а в последнее время и на общение в сфере профессиональной деятельности» [Образцов, Иванова, 2005: 6].

Такая задача как «приобретение специальных знаний по выбранной специальности» [Образцов, Иванова, 2005: 6] в медицинском вузе решается на материале в первую очередь изучаемого латинского языка, и на стыке изучения латинского, английского (в данной работе – или иного иностранного языка вообще) в сопоставлении с русским языком. В практике широко распространено два пути решения этой задачи:

1. Обращение к этимологии слов, корней, словообразовательных морфем с использованием отдельных методов, позволяющих сравнить значение и роль терминологических элементов в различных языках (обращаясь к отдельным методам компаративистики);

2. Чтение, анализ, изучение и разного вида работа над текстами профессиональной направленности, начиная с упрощенных и адаптированных с постепенным переходом к работе с научными текстами и материалами из оригинальных учебных пособий, монографий и профессиональных периодических изданий.

Цели и конкретные задачи изучения английского языка в медицинском вузе требуют освоения большого объема специальной лексики, терминов, устойчивых выражений, речевых штампов, знания медицинской терминологии, владения лексическим минимумом и умения его использовать в связной речи. Необходимым условием есть достаточный уровень грамматических навыков, позволяющий разбираться в профессионально-ориентированных текстах. Таким образом, в результате изучения грамматики и лексики предполагается приобретение знаний теоретического материала, развитие умений узнавать и понимать их при чтении текстов профессиональной направленности, использовать в устной речи монологического и диалогического характера.

Цели и задачи изучения дисциплины требуют повышения качества усвоения программы; стимулирования мотивации к обучению студентов, сохранения концентрации внимания, формирования коммуникативных навыков. Учитывая, что английский язык в медицинском вузе относится к общеобразовательным дисциплинам гуманитарного цикла, именно становление коммуникативных навыков и формирование умений к неподготовленной речи разного характера вызывают наибольшие трудности как у преподавателей, так и у студентов. Преодоление этих трудностей требует правильной организации аудиторных занятий и практической деятельности студентов во внеаудиторной работе.

На каждом занятии формулируется общая цель и ряд тактических задач, включающих активизацию и актуализацию уже имеющихся у учащихся знаний по

грамматике, лексике и приобретению новых знаний, умений и навыков, обязательный контроль не только знаний, но и навыков устной речи.

Среди конкретных задач, указанных в федеральном стандарте [Стандарт], можно выделить следующие:

*учебные:* активизация лексического запаса; изучение новых лексических единиц, лексико-грамматических морфем; практическое выполнение грамматических упражнений, нацеленных на последующее применение навыков монологической речи; становление диалогической речи;

*развивающие:* развитие мышления, догадки, умения перефразировать мысль, выделять главное в тексте, способности к анализу, навыков аналитического чтения, навыков по сравнению, построению аналогий, обобщению и систематизации, доказательству и опровержению, объяснению и определению понятий, постановке и решению проблемы;

*воспитательные:* формирование независимой и объективной точки зрения на положительные и отрицательные стороны межличностных отношений, характер человека; формирование уважительного отношения к точке зрения собеседника; воспитание честности, ответственности, сострадания, активной жизненной позиции, любви к Родине;

*образовательные:* обеспечение знания необходимых терминов, понятий, оценка уровня знаний по теме, создание условий для формирования умений и навыков, систематизация и обобщение изученного материала, отработка и закрепление полученных знаний и умений, актуализация междисциплинарных связей.

Решение задач коммуникативного характера нацелено на формирование у студентов умений и навыков устной речи, неподготовленной речи монологического и диалогического характера.

Такие упражнения, как перевод предложений и текстов, составление предложений по грамматическим образцам и из предложенных групп слов, разучивание диалогов и подготовленный пересказ известного текста, равно как и некоторые другие, относят к языковым упражнениям. Главной целью языковых заданий считают накопление необходимого лексического запаса, усвоение речевых штампов, совершенствование навыков произношения, автоматизацию употребления грамматических форм и синтаксических конструкций, что приводит к концентрации внимания учащихся на отдельных языковых явлениях.

Однако, к сожалению, это же и мешает студентам соотнести смысловое содержание с языковой формой, является препятствием для выражения собственной мысли. Опыт

практической работы показывает, что студенты неязыкового вуза испытывают серьезные затруднения именно с неподготовленным высказыванием, концентрируют свое внимание то ли на языковой правильности, то ли на смысле, и зачастую не могут совместить смысл и форму высказывания. Не стоит забывать и о сложностях с произношением, на постановку которого требуется много усилий и немалое количество часов практических занятий. Существует множество исследований, посвященных анализу и разрешению проблем, с которыми сталкивается преподаватель иностранного языка как языкового, так и неязыкового вуза (Н. И. Зырянов, Е. Н. Мартьянова, Ф. Ш. Мустафина, П. И. Образцов, О. Ю. Иванова, Т. С. Серова, А. Н. Щукин и др.).

А. Н. Щукин обобщает опыт преподавания методики обучения иностранным языкам, предлагает комплексные решения для работы преподавателей иностранного языка с позиции базисных дисциплин: педагогики, психологии, лингвистики, социологии, культурологии [Щукин, 2008].

Так, Е. И. Пассов рассматривает коммуникативный метод, направленный на обучение говорению и, в частности, методику формирования речевых навыков и развития речевого умения [Пассов, 1989]. Н.Е. Эрганова рассматривает основные проблемы методики профессионального обучения, основы методического проектирования и конструирования средств обучения, взаимосвязи и взаимообусловленности методик и технологий профессионального обучения [Эрганова, 2007].

Richards Jack C. и Rodgers Theodore S. предлагают анализ различных методик и технологий изучения иностранного языка, созданные как лингвистами и педагогами, так и отдельными теоретиками и обучающими: «Whereas Audiolingualism and Situational Language Teaching were mainstream teaching methods developed by linguists and applied linguists, the approaches and methods ... were either developed outside of mainstream language teaching or represent an application in language teaching of educational principles developed elsewhere. The former case is represented by such innovative methods of the 1970s as Total Physical Response, Silent Way, Counseling Learning, Suggestopedia, and more recently Neurolinguistic Programming and Multiple Intelligences» [Richards, Rodgers, 2010].

Silent Way Method подразумевает, что «teaching is subordinated to learning», в качестве главного критерия усвоения предлагает принять возможность для учащегося передать уже осознанный и усвоенный материал следующему учащемуся «one criterion of whether or not students have learned is their ability to transfer what they have been studying to new contexts» [Silent Way Method, 2018].

Н. И. Зырянов и Е. Н. Мартьянова рассматривают проблемы изучения иностранных языков в неязыковом вузе и способы обеспечить успешность такой работы за счет применения лично ориентированных методов обучения, интенсификации работы и повышения мотивированности студентов [Зырянов, Мартьянова, 2006].

Г. А. Китайгородская [Китайгородская, 1998: 32-38], Ф. Ш. Мустафина [Мустафина, 2004], П. И. Образцов и О. Ю. Иванова [Образцов, Иванова, 2005] рассматривают в своих работах классические и новые подходы к обучению иностранным языкам, описывая, в том числе, и применение фразеологических выражений в различных методиках и технологиях изучения иностранных языков.

Е. В. Коротаева рассматривает образовательные технологии в педагогическом взаимодействии [Коротаева, 2019], а Н. Ф. Коряковцева предлагает анализ продуктивных образовательных технологий, основанных на формировании рефлексии учителя и ученика и создании личностного учебного проекта, вариативности методов и средств обучения для индивидуализации обучения [Коряковцева, 2010].

Использование разных фразеологических единиц при изучении иностранного языка упоминается в большинстве методов, методик и технологий, в настоящей же статье хотелось бы отметить потенциал использования крылатых выражений, пословиц, поговорок, цитат и т. д. для разрешения вышеупомянутых задач и достижения достаточной коммуникативной успешности студентов именно медицинского вуза.

Отдельно стоит остановиться на такой острой проблеме, с которой сталкивается каждый преподаватель, как существенная разница в уровне подготовки по английскому языку студентов 1-го курса. Наличие в группе студентов как достаточно свободно владеющих языком, так и едва читающих, способно свести на нет все усилия преподавателя. Опыт показывает, что если и возможно рассчитывать на равный уровень подготовки студентов в академической группе, то это оказывается очень низкий уровень, что вполне объяснимо в медицинском вузе, где иностранный язык не является профилирующим предметом.

Из собственного опыта практической работы и осознания места английского языка как предмета в списке приоритетов студентов, для достижения целей изучения предмета, заявленных в программе, перспективными представляются: использование разноуровневых заданий и учебных пособий для студентов разного уровня подготовки; использование ролевых и деловых игр; командных методик, в которых студент выступает в качестве преподавателя; применение проектных технологий; концентрация усилий на освоении терминологической системы и ограниченного количества речевых штампов

научного стиля речи; работа над чтением и письменным переводом научного текста; стимулирование свободной неподготовленной речи с некоторым пренебрежением к грамматической и орфоэпической правильности собственного высказывания; создание благоприятной эмоциональной обстановки и снятие психологических барьеров (боязни ошибок при генерировании собственного высказывания).

Рассмотрение данного вопроса требует дальнейшей работы, в настоящей статье мы остановимся только на роли крылатых выражений и на нашем опыте их использования.

Перечислим кратко те моменты, на которые мы обращаем внимание при рассмотрении крылатых выражений на занятиях.

Первое, что преподаватель должен сделать при подготовке работы с крылатыми выражениями – обеспечить адекватный отбор материала. Как известно, крылатые выражения изучаются фразеологией, которая изучает неоднословные единицы языка: устойчивые словосочетания, фразеологизмы разных типов, поговорки, пословицы, клише и т. д.

Разумеется, изучение лексикологии является базой для понимания значений слов, этимологии – для осознания пути появления слова в данном языке и его перевода и/или его же существования в другом языке (например, существование, происхождение и изменения, которые претерпевают слова типа «*mater, domus, physica, theatrum, semen-semina, costa, melet, transit etc.*» в латинском, английском, русском, украинском, французском и других языках; пути движения слов в языках одной семьи и, особенно, роль латинского языка в формировании современных европейских языков и создании научной терминологии в частности).

Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в советском языкознании в 40–50-х гг. XX в. (работы В. В. Виноградова и его школы). Предпосылки для создания фразеологии были заложены в работах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова и др., выделявших в речи тесные словесные группы, нерегулярные по значению и синтаксически неразложимые.

Существуют разные наборы критериев для описания фразеологических единиц, одна из наиболее известных и широко распространенных в лингвистике классификаций, предложенная В. В. Виноградовым, основана на различной степени идиоматичности (немотивированности) компонентов в составе фразеологизма. Так, выделяют три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [Виноградов, 1977: 140-161]. Впоследствии Н. М. Шанский выделил также дополнительный вид – фразеологические выражения. Классификация В. В. Виноградова, как и принципы распознавания и распределения по семантическим

категориям фразеологических единиц, оказали огромное влияние на развитие английской фразеологии (Н. Н. Амосова, И. В. Арнольд, Ш. Балли, В. В. Елисеева, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, А. И. Смирницкий и др.). Так, помимо оригинальных, расширенных классификаций Н. Н. Амосовой, В. В. Елисеевой, А. В. Кунина, в английской фразеологии широко распространена и классификация В.В. Виноградова:

1. Фразеологические сращения, которые часто представлены архаизмами, – устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых не выводится из значения составляющих их компонентов. Употребляются в основном как средство работы над навыками чтения и произношения, в целях изучения культуры, как материал лингвострановедческий. Например, *to be careless, inattentive* ‘спустя рукава’; *to twiddle one’s thumbs (fingers)*, *to sit picking one’s nose* ‘бить баклуши’; *to act (play) the fool* ‘валять дурака’ и т. п. [Соловьева, 2007: 32]. Очень интересно использовать и анализировать сращение *to twiddle one’s thumbs*, которое в полной форме звучит как *one’s fingers are all thumbs*, поскольку существительное *thumb* переводится как ‘большой палец руки’, имеет широкий спектр использования в фразеологии (мальчик-с-пальчик, например) и широко употребительно в роли глагола – «голосовать на дороге, загрязнить, захватить, надавить, оказать влияние»;

2. Фразеологические единства – устойчивые сочетания, обобщенно-целостное значение которых отчасти связано с семантикой составляющих их компонентов, употребленных в образном значении (тропы с метафорическим значением). Например, *to spill the beans* ‘выдать секрет’; *to burn bridges* ‘сжигать мосты’; *to have other fish to fry* ‘иметь дела поважнее’; *to throw dust into smb.’s eyes* ‘заговаривать зубы’; *to burn one’s fingers* ‘обжечься на чем-либо’; *to throw mud at smb.* ‘поливать грязью’; *to be narrow in the shoulders* ‘не понимать шуток’; *to paint the devil blacker than he is* ‘сгущать краски’; *smb lacks depth of thought (understanding)* ‘мелко плавать’, *to sit on the fence* ‘выжидать, не становиться не на чью сторону’; *the last drop* ‘последняя капля’ [Соловьева, 2007: 32]. Также в условиях изучения английского языка в медицинском вузе используются как материал для формирования постановки произношения (производится отбор комплексов фразеологических единиц для слабого, среднего и сильного уровня подготовки студентов), так материал лингвострановедческий во внеурочной работе (научный кружок);

3. Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, значение которых мотивировано семантикой составляющих их компонентов, один из которых имеет фразеологически связанное значение. То есть, в отличие от фразеологических сращений и единств, сочетания семантически делимы – их состав допускает ограниченную

синонимическую подстановку или замену отдельных слов, при этом один из членов фразеологического сочетания оказывается постоянным, другие – вариативны в определенных пределах. Например, *a bosom friend* ‘закадычный друг’; *a pitched battle* ‘ожесточенная схватка’; *(to have) a narrow escape* ‘спастись чудом’; *to frown one’s eyebrows* ‘насупить брови’; *Adam’s apple* ‘адамово яблоко’, *a Sisyfean labor* ‘Сизифов труд’ и т. д. Данный тип фразеологических единиц применяется при работе не только над произносительными навыками, но и предоставляет материал для работы над неподготовленной речью, для использования в диалогах, для творческого переосмысления и попытки самостоятельной замены отдельных слов.

И. В. Арнольд [Арнольд, 2010] в своей классификации придерживается того же принципа распределения фразеологизмов по категориям в зависимости от семантического значения, его мотивированности / немотивированности, членимости / нечленимости, выделяя «set-expressions», «semi-fixed combinations» и «free phrases», что в целом соответствует классификации В.В. Виноградова (фразеологические сращения, единства и сочетания соответственно).

Даже студенты со слабой подготовкой по английскому языку в подготовленной речи могут предлагать свои варианты фразеологических сочетаний, что в первую очередь преследует не учебные, а воспитательные цели: значительно повышает их заинтересованность, мотивированность к работе над предметом, повышает их уверенность в себе и способствует формированию благоприятной психоэмоциональной обстановки в академической группе. Обучение в медицинском вузе существенно отличается от обучения в вузах других направлений, и, в первую очередь, значительной психоэмоциональной нагрузкой. Поэтому любой предмет, а особенно дисциплины гуманитарного цикла, должен обеспечивать поддержку в той напряженной работе над развитием личности и формированием нравственности будущего врача, которая и составляет основу деятельности студентов.

Фразеологические выражения [Шанский, 1985] устойчивы, однако состоят из слов со свободными номинативными значениями, т.е. отличаются семантической членимостью. Они широко используются как готовые речевые единицы с постоянным лексическим составом, имеют принципиально важную синтаксическую особенность – представляют собой не словосочетания, а целые предложения с утверждением, назиданием или выводом, состоят из слов со свободным номинативным значением, отличаются членимостью, их главная особенность – воспроизводимость (готовые речевые единицы, клише, профессиональные выражения). Например, *live and learn* ‘век живи, век учись’; *better untaught than ill taught*

‘лучше быть неученым, чем неправильно ученым’; *many men, many minds* ‘сколько голов, столько и умов’; *easier said than done* ‘легче сказать, чем сделать’ и т. д.

Пословицы, афоризмы, поговорки и крылатые фразы предоставляют наиболее широкое поле для их использования: работа над произношением для студентов слабого уровня подготовки; употребление в подготовленной речи для студентов среднего уровня подготовки; неподготовленная монологическая и диалогическая речь (например, обсуждение афоризма с высказыванием своей точки зрения; создание своего варианта известного афоризма; сравнение мнения, высказанного в крылатой фразе, с мнением собственным или обусловленным современной культурой – как родной, так и иностранной) для студентов сильного уровня подготовки и т. д.

Другой источник фразеологических выражений – профессиональная речь – предоставляет уже материал для работы для всех групп студентов над чтением и переводом текстов профессиональной направленности; отработкой подготовленной и неподготовленной речи; формированием навыков общения с будущими пациентами и коллегами; над введением в деонтологию и осмыслением собственной позиции, созданием собственной нравственной системы и самореализацией личности.

Так, на занятиях применяются такие фразеологические единицы и профессиональные выражения: *To be eager to do smth; to be interested in smth / smb; to take care; under the doctor's care; to cause pain (trouble, suffering, a disease, fever, a high temperature, complications...); to produce a marked effect on smth / smb; to be dangerous for smb / to smth* и другие. Среди широко применяемых пословиц, поговорок, крылатых выражений, представляющих материал для обсуждения, осмысления, нравственного анализа, предоставляющих базу для общекультурного развития, стимулирующего потребность в самореализации и самосовершенствовании будущего медика, можно предложить такие примеры: *Healthy spirit makes healthy body. Blood is thicker than water. Nothing is impossible to a willing heart. After dinner sit / sleep a while, after supper walk a mile. A stitch in time saves nine. Time heals all wounds. He jests at scars, that never felt a wound. Many words hurt more than swords. In youth we learn; in age we understand. I no doubt deserved my enemies, but I don't believe I deserved my friends.*

Рассмотрение и поэтапное усвоение в частности профессиональных выражений и клише, анализ структуры слова и преобразование значений слов с помощью применения морфем, широко используется при изучении иностранных языков в различных методиках и технологиях. *While in the beginning we give material that is to be used as units in their own right, later we present parts of words which can be involved in a number of words, perhaps with*



*radically different meanings and certainly with varying meanings when connected with prefixes and suffixes* [Gattegno Caleb, 2011: 72].

Например, при изучении темы «Кровь. Кровеносная система» мы предлагаем составить диалог врача с родителями ребенка, которому показано переливание крови, при условии, что родители категорически против. В подобной работе микрогруппа, получившая подобное задание, обычно включает студентов с разными уровнями языковой подготовки. Обсуждение внутри группы, опять-таки, может проходить как на английском (в случае сильной языковой подготовки), так и на русском языке, но результат зачастую заключается не столько в хорошо аргументированной позиции врача, высказанной на английском языке, сколько в достижении ряда воспитательных целей. В подобной работе, в том числе, отрабатываются навыки использования и речевых клише, и устоявшихся выражений профессиональной речи.

В отличие от отбора крылатых выражений для использования на занятиях по латинскому языку, использование фразеологических единиц английского языка направлено и на погружение в иноязычную культуру, сопоставление русского, английского языков, внимание к лингвострановедческим особенностям. Поэтому спектр используемых фразеологизмов гораздо шире, мы не ограничиваем количество сращений и единств, а демонстрируем особенности каждой культуры в их отображении. Среди отобранных единиц представлены пословицы, поговорки, профессиональные выражения и цитаты как из произведений, так и известных исторических персоналий.

Существуют и другие классификации фразеологизмов, основанные на иных критериях, что также влияет на отбор выражений для работы.

Так, например, фразеологизмы систематизируются с точки зрения звуковой организации: на упорядоченные по своей фонике (с выраженной ритмической организацией, с рифмующимися элементами, со звуковыми повторами (ассонансами и аллитерациями) и нейтральные.

Основываясь на этой классификации, мы работаем с изучением орфоэпии – правил произношения (ритмическая структура высказывания зачастую определяет его значение и способствует пониманию, активизирует, например, «языковую догадку», «чувство языка»). Кроме собственно фразеологических оборотов в качестве тренировки произношения возможно использование считалок, скороговорок, загадок, детских песенок и текстов популярных песен. И если набор скороговорок (например, *Peter Piper picked a peck of pickled peppers; A peck of pickled peppers Peter Piper picked; If Peter Piper picked a peck of pickled peppers, Where's the peck of pickled peppers Peter Piper picked?* и *She sells seashells on the*

*seashore. The shells she sells are seashells, I'm sure. So if she sells seashells on the seashore, Then, I'm sure she sells seashore shells*) и пословиц не меняется десятилетиями, то выбор песен зависит во многом от желания учащихся, репертуар предлагают именно они; преподаватель же решает, предлагать ли подобную работу в каждой отдельной группе, в зависимости от того, насколько студенты готовы к подобному виду работы и морально, и лингвистически. Отработка навыков произношения, пожалуй, одна из важнейших задач, решению которой способствует использование фразеологических единиц.

К сожалению, в медицинском вузе мы сталкиваемся с двумя основными проблемами при работе над произношением: нехватка времени и недостаточная мотивированность студентов; кроме того, сказывается влияние латинского языка, изучаемого на первом курсе вместе с английским (любим иностранным) и русским (культура речи). Сходство в написаниях медицинских терминов в английском и латинском языке зачастую путает студента, заставляет его переносить законы произношения из языка в язык.

В отличие от латинского языка, анализу лексического, грамматического состава фразеологизма уделяется меньше внимания, хотя уровень работы зависит от конкретного выражения и тесно связан с речевыми штампами, синтаксическими конструкциями и ролью частей речи в предложении. Так, например, выражение *It takes two to speak the truth – one to speak, another to hear (Henry David Thoreau)* предоставляет достаточно возможностей для обсуждения синонимии и полисемии английского языка, употребления времен, инфинитивных конструкций, речевых штампов, слов-заместителей, местоимений.

Основная задача, на выполнение которой направлена работа с фразеологизмами английского языка, – развитие речевых умений и навыков, научение выражению собственного мнения и своих мыслей, организация монологического и диалогического общения, диспута. Поэтому зачастую перед чтением и обсуждением крылатого выражения мы вводим конструкции, используемые в диспутах, и ставим задачу: высказать свое мнение, согласиться или опротестовать крылатое выражение, привести доказательства, выслушать мнения других учащихся и обосновать собственное. Таким образом, в структуру занятия включаются отдельные методы технологии встречных усилий учителя и учащихся, применяются некоторые методы интерактивной организации учебного процесса [Коротаева, 2019].

Таким образом, крылатые выражения используются в основном как речевые упражнения, направленные на непосредственную связь между мыслью и ее выражением средствами английского языка, на автоматизацию употребления известных речевых конструкций в неподготовленной речи, на стимулирование мышления.

Именно с развитием мышления связано достижение воспитательных целей на материале крылатых выражений. Фразеологические единицы представляют особую ценность для погружения в оригинальную культуру изучаемого языка, дают представление об обычаях и традициях, предоставляют возможность приобщиться к народной мудрости, дают представление об особенностях мышления народа, помогают обогатить лексический запас и стимулировать развитие коммуникативных навыков.

Итак, использование фразеологических единиц развивает творческую инициативу учащихся через неподготовленную речь, способствует формированию профессиональной речи, экономит время, создает положительную эмоциональную окраску занятия и способствует формированию интереса к предмету, стимулирует потребность в саморазвитии.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1963. 208 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва: Флинта; Наука, 2010. 384 с.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977. 312с.
4. Зырянов Н. И., Мартыанова Е. Н. Педагогическое обеспечение успешного изучения иностранного языка студентами непрофильного вуза. Доступ: <http://www.emissia.org/offline/2006/1107.htm>. (дата обращения: 15.03.2018).
5. Китайгородская Г. А. Новые подходы к обучению иностранным языкам // Вестник Московского государственного университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 1. С. 32-38.
6. Коротаева Е. В. Образовательные технологии в педагогическом взаимодействии. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 181 с.
7. Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии. Москва: Издательский центр «Академия», 2010. 192 с.
8. Мустафина Ф. Ш. Методика преподавания иностранных языков. Уфа: Вост. ун-т, 2004. 192 с.
9. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2005. 114 с.
10. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. Москва: Русский язык, 1989. 276 с.
11. Соловьева Н. В. Лексические и фразеологические неологизмы, вступающие в отношения противоположности: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2007. 316 с.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования: «Специалитет». Специальность 31.05.01 – Лечебное дело. Доступ: <http://fgosvo.ru/news/2/1807>. (дата обращения: 18.05.2020). [Стандарт].
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд., исправ. и допол. Москва: Высшая школа, 1985. 160 с.
14. Щукин А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. Москва: Филоматис, 2008. 188 с.

15. Эрганова Н. Е. Методика профессионального обучения. Москва: Академия, 2007. 106 с.
16. Gattegno Caleb. The Silent Way. Teaching Foreign Languages in Schools. The Silent Way. Published on Jun 9, 2011. Доступ: [http://issuu.com/eswi/docs/gattegno\\_-\\_teaching\\_foreign\\_languages\\_in\\_schools\\_t](http://issuu.com/eswi/docs/gattegno_-_teaching_foreign_languages_in_schools_t). (дата обращения: 10.05.2020).
17. Poulte M., Wilson R. Assessing Language Teachers' Professional Skills and Knowledge. Cambridge University Press. 2015. 416 p.
18. Richards Jack C., Rodgers Theodore S. Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge University Press, 2nd edition. 2010. Доступ: <https://doi.org/10.1017/SBO9780511667305>. (дата обращения: 10.05.2020).
19. Silent Way Method. Dipsokan pada. April 18, 2018. Доступ: <https://triwahyuni903075634.wordpress.com/2018/04/18/silent-way-method/>. (дата обращения 18.05.2020)

### REFERENCES

1. Amosova, N.N. (1963). *Osnovy angliyskoy frazeologii* [Fundamental principles of English fraseology]. Leningrad: Izd-vo LGU. (In Russ.).
2. Arnold, I. V. (2010). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
3. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moskva. (In Russ.).
4. Zyryanov, N. I., Martyanova, E. N. (2006). *Pedagogicheskoe obespechenie uspehnogo izucheniya inostrannogo yazyka studentami neprofilnogo vuza* [Pedagogical support the students' of the non-linguistic higher educational establishments success in the foreign languages' study]. Available at: <http://www.emissia.ors/offline/2006/1107.htm>. (accessed: 15.03.2018). (In Russ.).
5. Kitaygorodskaya, G. A. (1998). *Novye podkhody k obucheniyu inostrannym yazykam* [Modern approach of the foreign languages' study]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 1. Pp. 32-38. (In Russ.).
6. Korotaeva, E. V. (2019). *Obrazovatelnye tekhnologii v pedagogicheskom vzaimodeystvii* [Pedagogical technologies in the pedagogical cooperation]. Moskva: Izdatelstvo Yurayt. (In Russ.).
7. Koryakovtseva, N. F. (2010). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: produktivnye obrazovatelnye tekhnologii* [Theory of the foreign languages study: productive pedagogical technologies]. Moskva: Izdatelskiy centr «Akademiya». (In Russ.).
8. Mustafina, F. Sh. (2004). *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Methods of language teaching]. Ufa: Vost. un-t. (In Russ.).
9. Obraztsov, P. I., Ivanova, O. Yu. (2005). *Professionalno-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakultetakh vuzov* [Professionally aimed foreign language teaching at the non-linguistics departments of the higher educational establishments]. Orel: Izd-vo Orlov. gos. un-ta. (In Russ.).
10. Passov, E. I. (1989). *Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Principles of the communicative methods in the foreign languages Communication teaching]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
11. Soloveva, N. V. (2007). *Leksicheskie i frazeologicheskie neologizmy, vstupayushchie v otnosheniya protivopozhnosti* [Opposed lexical and phraseological neologisms]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
12. Shanskiy, N. M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. 3-e izd., isprav. i dopol. Moskva: Vysshaya shkolos. (In Russ.).

13. Shchukin, A. N. (2008). *Sovremennye intensivnye metody i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam* [Modern intensive methods and procedures of the foreign languages teaching]. Moskva: Filomatis. (In Russ.).

14. *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart vysshego obrazovaniya. Uroven vysshego obrazovaniya: «Specialitet». Specialnost 31.05.01 – Lechebnoe delo* [Federal State Educational Standard of the Higher Education. Level of the Higher Education: “Specialist”. Specialty 31/05/01 – General Medicine]. Available at: <http://fgosvo.ru/news/2/1807>. (accessed: 18.05.2020). (In Russ.).

15. Yerganova, N. E. (2007). *Metodika professionalnogo obucheniya* [Methods of the professional teaching]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).

16. Gattegno, Caleb. (2011). *The Silent Way. Teaching Foreign Languages in Schools. The Silent Way*. Published on Jun 9. Available at: [http://issuu.com/eswi/docs/gattegno\\_-\\_teaching\\_foreign\\_languages\\_in\\_schools\\_t](http://issuu.com/eswi/docs/gattegno_-_teaching_foreign_languages_in_schools_t). (accessed: 10.05.2020).

17. Poulte, M., Wilson, R. (2015). *Assessing Language Teachers' Professional Skills and Knowledge*. Cambridge University Press.

18. Richards, Jack C., Rodgers, Theodore S. (2010). *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge University Press, 2nd edition. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511667305>. (accessed: 10.05.2020).

19. *Silent Way Method. Dipoaskan pada*. April 18, 2018. Available at: <https://triwahyuni903075634.wordpress.com/2018/04/18/silent-way-method/>. (accessed: 18.05.2020).

*Агаркова Алла Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, латинского языка и медицинской терминологии (e-mail: fkkjs@mail.ru), Государственное учреждение ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки» 91045, Луганск, кв. 50-летия Обороны Луганска, 1г*

*Agarkova Alla A. – Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology Department (e-mail: fkkjs@mail.ru), State Institution of LPR «Lugansk State Medical University named after st. Luke» 1g, 50-letiya oborony Luganska, Lugansk, 91045*

*Поступила в редакцию 04 июня 2020 г.*

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,  
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА  
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

**1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ**

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

**2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ**

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

**3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)**

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА  
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ  
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

*Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...*

**Ключевые слова:** разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS  
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

*The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.*

...

**Key words:** .....

**Текст статьи**

.....

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. ....
2. ....
3. ....

**REFERENCES**

1. ....
2. ....
3. ....

**Басыров Шамиль Рафаилович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

**Basyrov Shamil R.** – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

#### 4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

#### Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

#### 5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

#### Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

#### 6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:



Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Available at: <a href="http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/">http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/</a>. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: <a href="http://ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf">ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf</a>. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

## 7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). <i>Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti</i> [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). <i>Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti</i> [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: <a href="http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/">http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/</a>. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: <a href="http://www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf">www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf</a>. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) <i>Cabbages and Kings.</i> In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

### 8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov\_statya.doc или ivanov\_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov\_anketa.doc или ivanov\_anketa.docx).

#### АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
<b>Фамилия, имя, отчество</b> (полностью)		
<b>Ученая степень, учёное звание</b> (если имеются)		
<b>Почетные звания</b> (если имеются)		
<b>Должность и структурное подразделение</b> (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
<b>Организация, где работает или учится автор</b> (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	<b>На русском языке</b>	
<b>Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты</b> (личные или служебные)		
<b>Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации</b> (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

## **9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ**

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

**Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается.** Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA  
ET COMPARATISTICA***

**Том 16 Выпуск 3 (49) 2020**

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

*Компьютерная верстка: О. А. Гринева.*

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 01.12.2020 г.  
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.  
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,9.  
Тираж 100 экз. Заказ № 20дек 185/1.

Донецкий национальный университет  
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.  
Свидетельство о внесении субъекта  
издательской деятельности в Государственный реестр  
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.